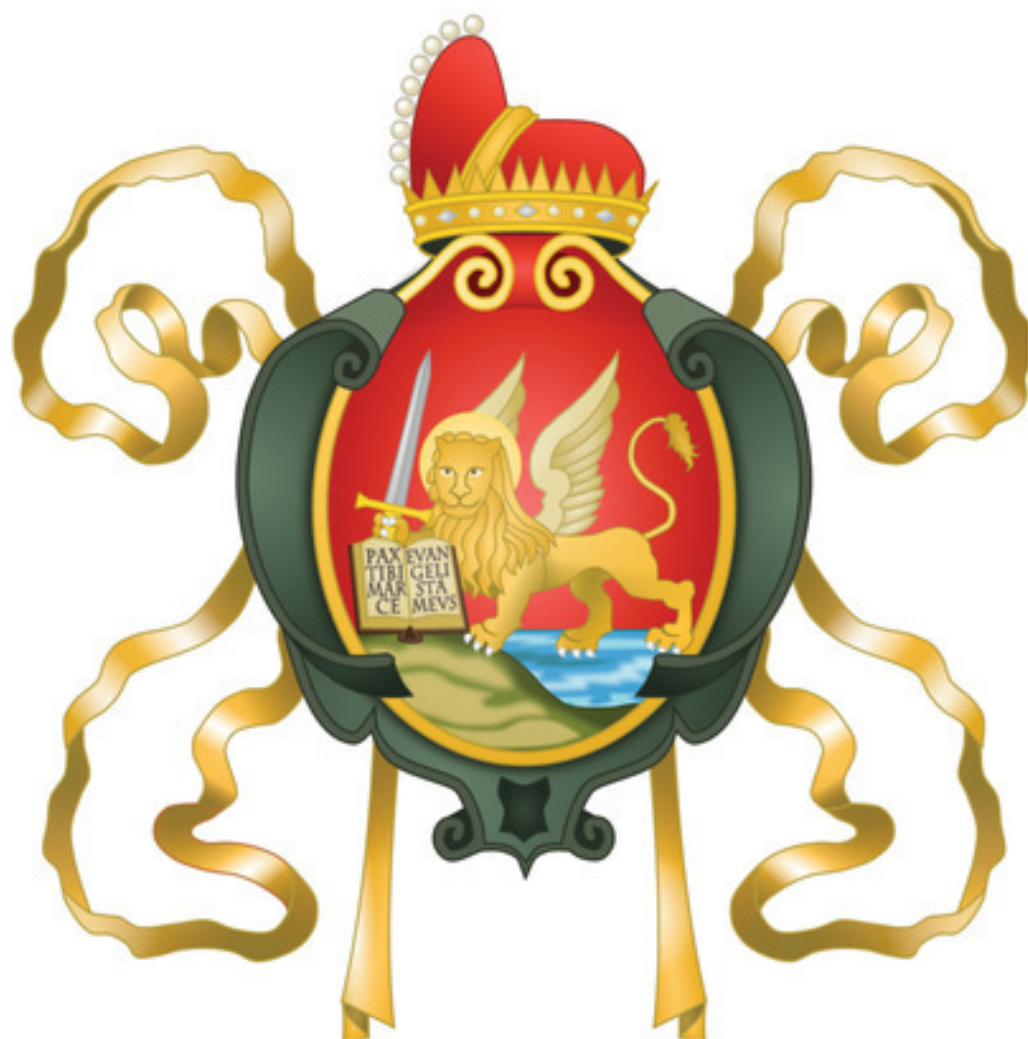

ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джон НОРВИЧ

ВЕНЕЦИЯ – ЭТО ПОБЕДА НАД ВРЕМЕНЕМ

Джон Норвич

История Венецианской республики

«АСТ»

1982

Норвич Д. Д.

История Венецианской республики / Д. Д. Норвич — «АСТ»,
1982

ISBN 978-5-17-089565-6

«Царица морей» Венеция. Она прошла путь от беспредельного могущества и богатства – к упадку и разрушению. Роскошь, царившая в окружении дожей, поражала, а коварство властителей этого средневекового города-государства ужасало. Путешественники почитали своим долгом описывать красоту венецианских дворцов – и с трепетом пересказывали жуткие легенды о таинственном Совете десяти, малейшее неповиновение которому вело к неизвестной смерти или пожизненному заключению в самой страшной из тюрем Европы. Что же стало причиной невиданного расцвета Венецианской республики? Что явилось причиной ее падения? Какие из многочисленных легенд о ней правдивы, а какие – нет? Об этом рассказывает в своей увлекательной книге сэр Джон Джулиус Норвич. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-17-089565-6

© Норвич Д. Д., 1982

© АСТ, 1982

Содержание

От автора	6
Вступление	14
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	25
Глава 3	32
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	83
Глава 10	92
Часть вторая	106
Глава 11	106
Глава 12	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Джон Норвич

История Венецианской республики

Посвящается Джейсону и памяти деда, которого он никогда не знал, который любил Венецию, и именно он должен был написать эту книгу

В истории есть примеры, когда миграционные волны населения меняют лицо страны и открывают новую историческую эру. Но безусловно самого пристального внимания заслуживает подвиг человеческого духа, который являет собой судьба горстки беглецов, укрывшихся на песчаных отмелях шириной в несколько сотен туазов. И вот уже явившиеся вслед многочисленные переселенцы, не имея практически никакой территории, строят государство на зыбком песке, где нет ни растений, ни питьевой воды, ни материалов, ни даже пространства, чтобы строить, ни экономического хозяйства, необходимого чтобы существовать и укреплять права и законы их страны. Но несмотря ни на что, именно эти люди представляют современным нациям первый пример законодательно избираемого и регулируемого правительства, создают на мелководье мощнейший морской флот, без усталы вновь и вновь возрождаются, свергают великую империю и собирают богатства Востока, и вот мы видим, что потомки беглецов держат нити политического баланса Италии, властвуют над морями, собирают дань с народов и нейтрализуют бесплодные усилия объединившейся во враждебный союз Европы.

П. Дарю. История Венецианской республики

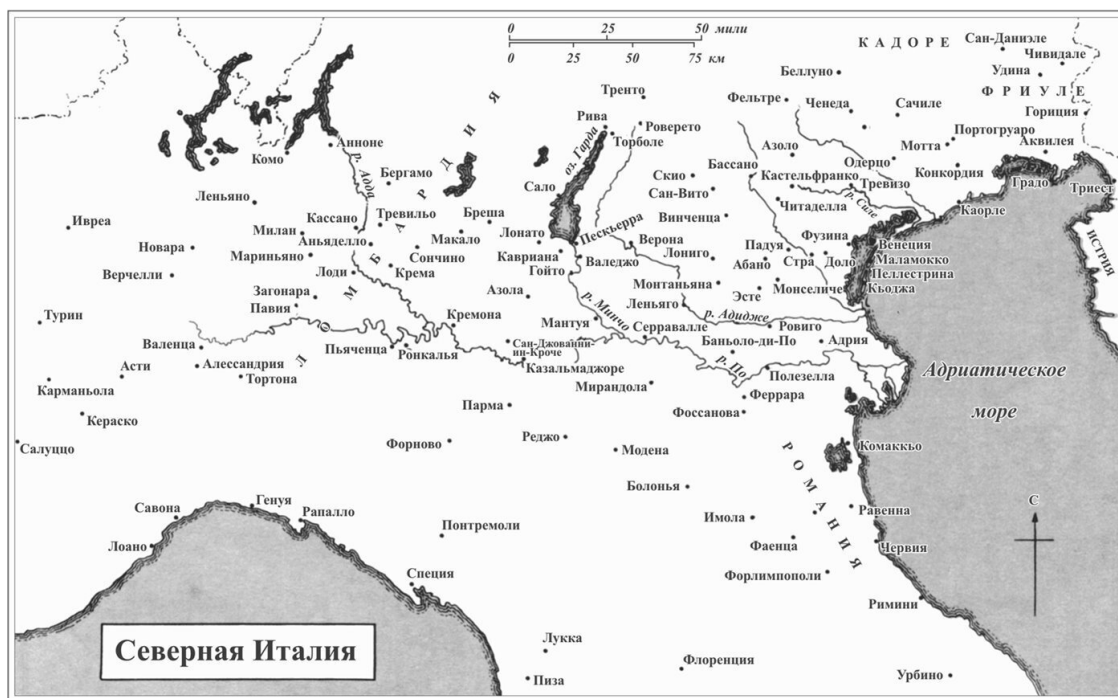
От автора

Над этой книгой я трудился слишком долго, тем не менее все это время получал помощь и поддержку многих друзей, как англичан, так и венецианцев. Некоторых следует отметить отдельно. Особенно хочу поблагодарить Молли Филипс за неутомимую и бесценную помощь в поиске библиографии и иллюстраций и Джо Линкса, который и сам является автором восхитительной книги о Венеции. Он подыскивал для меня литературу и помог с доказательствами. Выражаю благодарность Питеру Латропу Лауритцену, человеку неисчерпаемой эрудиции. Он мгновенно разрешал для меня множество запутанных вопросов. А что бы я делал без Джин Кертис и Юфан Скотт? Эти женщины терпеливо перепечатывали почти не поддававшиеся расшифровке рукописи. Благодарю Дугласа и Сару Мэтью; бесконечно признателен Мэрилин Пери, Филиппу Лонгуорту и покойному ныне Джону Бену. Сожалею лишь о том, что американские читатели не смогут увидеть прекрасные рисунки для обложки, созданные моей женой Анной для двух томов английского издания.

Почти каждое слово написано мною в читальном зале Лондонской библиотеки, и моя признательность ей, как и каждому служащему ее великолепного штата, может быть запечатлена лишь на бумаге, но измерению она не поддается.

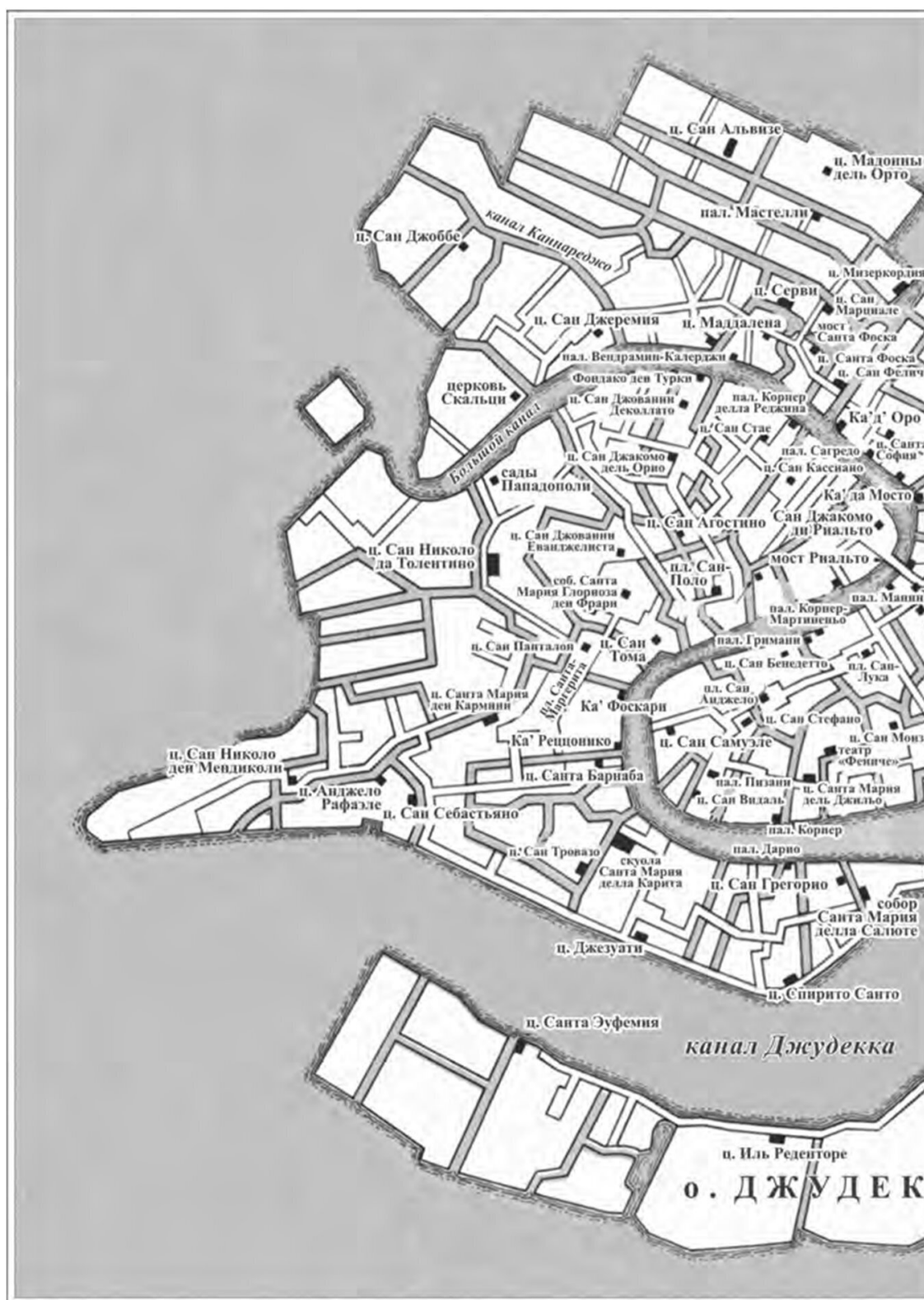

Вступление

Первое краткое знакомство с городом действовало на меня сильнее всего. Когда летом 1946 года родители взяли меня с собой в Венецию, пробыли мы там всего-то несколько часов, но до сих пор ощущаю – не помню, а именно ощущаю – впечатление, произведенное городом на воображение шестнадцатилетнего юноши. Отец, как всегда, проявил твердость и здравый смысл и ограничился двумя пунктами туристической программы: мы посетили базилику Сан Марко и бар «Гарри». Остальное время ходили пешком или плыли в медленно покачивавшейся гондоле. Я бессознательно усвоил первый венецианский урок (его так и не постиг бедный Рескин, проводивший время за крокетом либо возле Дворца дожей): в Венеции, как нигде еще, целое – это совокупность составляющих его частей. Какими бы величественными ни были церкви, какими великолепными ни казались палаццо, как бы ни ослепляли картины, главным шедевром является сама Венеция. Интерьеры, даже золотое чудо собора Сан Марко всего лишь детали. Пьяцца Сан-Марко и Пьяцетта, церковь Сан Джорджо Маджоре, стоящая точно под прямым углом к набережной Моло, игра света на изгибе канала, плеск воды о борт гондолы, запах моря, не ощутимый только когда ветер дует из Местре и Маргеры. Венеция – самый приятно пахнущий город в Европе. Это ощущение первым встречает нового человека. Потом придет время для Тициана и Тинторетто. Даже Карпаччо может подождать.

Пока мы плавали по каналу, отец говорил об истории Венеции, и я узнал, что город не просто самый красивый из тех, что мне довелось увидеть. Оказалось, что более тысячи лет он был независимой республикой. Это больше, чем период, отделяющий нас от норманнского завоевания. Венеция была хозяйкой Средиземноморья, здесь пролегал главный путь, связывающий Восток и Запад. Город был самым богатым и процветающим торговым центром цивилизованного мира. Отец рассказал мне о том, как море защищало Венецию, и не только в ее первые бурные времена, но и на протяжении всей истории. Море помогло ей, единственной из всех городов, избежать вторжения врагов. Она оставалась неразграбленной и неуничтоженной, пока Наполеон, назвавший себя «Аттилой Венецианской республики», в порыве мстительной злобы не положил конец самому безмятежному государству. Да, ее уникальная система правления, признал отец, была суровой, а по временам и жестокой, но в ней было больше справедливости, чем в других странах Европы, а историки ее оклеветали. По этой причине в ближайшее время он намеревался сам написать историю Венеции и восстановить справедливость.

Уехали мы в тот же день с наступлением темноты. На Большом канале зажглись фонари. Ни один город не покидал я с таким сожалением. На следующий год мы вернулись и пробыли здесь дольше. Я начал самостоятельно изучать город и открыл для себя одно из главных удовольствий в жизни: ночные прогулки по Венеции. К одиннадцати часам улицы пустели, оставались только кошки. Освещение – немногочисленные электрические фонари – идеально, на мой взгляд. Тишину нарушали лишь собственные шаги да изредка плеск невидимой воды. Во время прогулок, происходивших почти тридцать лет назад, я и влюбился в город. Я исходил весь его пешком и полюбил на всю жизнь.

Отец мой умер в первый день нового, 1954 года. Хотя он и оставил значительное собрание книг о Венеции и несколько страниц заметок, задуманная им книга по истории города так и осталась ненаписанной. Желание написать ее одолевает меня еще сильнее, чем отца. Сейчас все больше внимания уделяют отчаянной борьбе города за выживание, и все же, несмотря на достаточное количество замечательных путеводителей, очерков, посвященных искусству и архитектуре, монографий, посвященных изучению различных периодов истории, я знаю только одну (да и то слишком короткую) книгу, посвященную истории республики. Она написана в XX веке

на английском языке. В XIX столетии вышло несколько книг, но все они, на мой взгляд, либо неточны, либо их невозможно читать. Очень часто они объединяют в себе оба этих недостатка.

Моя книга – это попытка заполнить пробелы, рассказать всю историю Венеции от ее туманного начала до печального для Европы дня, когда дож Лодовико Манин медленно снял корно и отдал его секретарю, пробормотав, что этот головной убор более не понадобится. Отречение далось нелегко. Одна из самых неизученных проблем исследователей Венеции – это инстинктивный ужас, доходивший по временам до фобии, который республика испытывала при малейшем проявлении диктатуры. Рано или поздно человек, обратившийся к этой теме, с тоской начинает смотреть на *terra firma*¹ и череду сменяющих друг друга великих Медичи и Малатеста, Висконти и делла Скала, Сфорца, Борджиа и Гонзага. Громкие венецианские имена, по контрасту, чаще относятся к *palazzi*², а не к людям, да и трудно заинтересовать человека указами и решениями безликого Совета десяти.

Еще одно затруднение преследовало меня: постоянный соблазн отступить от главной темы. Захотелось поговорить о картинах и скульптуре, музыке и архитектуре, костюмах, обычаях и общественной жизни, в особенности о жизни XVIII века, достигшей высочайшего уровня просвещенной утонченности, сравнить которую возможно лишь с жизнью общества, посвятившего себя войне, за три столетия до этого. (Казанова и Карманьола – кто из них был дальше от реальности? Чью фигуру можно считать более трагичной и, если уж на то пошло, более смехотворной?). Этих соблазнов я старался по возможности избежать, хотя, сознаюсь, не преуспел в этом, особенно в отношении архитектуры. Книг на эти темы написано великое множество, и толковых, и с множеством иллюстраций, а моя работа из без того весьма объемна.

Она могла бы стать еще объемнее, если бы не тот факт, что в истории Венеции событий происходило либо слишком много, либо очень мало. Источники сведений о раннем периоде весьма малочисленны, к тому же они противоречат друг другу, однако с возвышением республики картина становится все более сложной. XIII век начался с латинского завоевания Константинополя и основания торговой империи Венеции. Этот период продлился до XVI века, включая долгую, печальную историю французского пребывания в Италии. Затем настал тревожный момент: Венеция увидела, что вся Европа ополчилась против нее. Это время так насыщено волнующими событиями, что я даже засомневался, смогу ли когда-либо закончить свою работу, а если смогу, то захочет ли ее кто-либо прочесть. И вот события неожиданно замедляют бег. Читатели удивленно вскинут брови, когда увидят, что в последней части книги целому столетию посвящено меньше страниц, чем десятилетию в середине. Возможно, решат, что автор выдохся, я же только замечу, что в том же самом подозревали всех историков, писавших о республике, к какой бы национальности те ни принадлежали и какой бы период времени ни описывали. Все просто: в XVII веке, по сравнению с минувшими столетиями, в политической жизни республики происходило мало событий, а в XVIII – и еще меньше. Считаю, что мне повезло: иначе пришлось бы работать еще несколько лет.

И все же, хотя задача передо мной стояла большая, награда за труды была еще больше. Одна непохожесть Венеции на другие города чего стоит! Венеция, единственная из всех больших городов Италии, основана и построена греками. Неудивительно, что здесь находится самая большая византийская церковь в мире. Там молятся христиане, а службу проводит патриарх. Даже перестав подчиняться Константинополю, Венеция долгое время поворачивалась к Италии спиной и смотрела на Восток. Сложный узел средневековой итальянской политики, гвельфы и гибеллины, император и папа, бароны и общины мало ее занимали. В конце концов, когда Венеция создала континентальную империю, ее характер обрел собственные – уникальные и причудливые черты.

¹ Твердая земля (*лат.*).

² Дворцы (*ит.*).

Город обладает одной особенностью: Венеция водами лагуны была защищена от всех иноземных захватчиков, за исключением Наполеона, а в наше время от еще более ядовитой угрозы – автомобилей. Венеция сохранила свой облик. Мир видел ее такой не только при Каналетто, но даже и во времена Карпаччо и Беллини. Такая победа над временем – необычайный феномен в любом городе, а когда город к тому же и самый красивый в мире, этот феномен становится истинным чудом. Это обстоятельство большая удача для историка: он может в собственном воображении создавать более ясную и живую картину предмета своего исследования в период гораздо более ранний, чем где-либо в Европе.

В моей работе нет места воображению, но это и не нудное ученое исследование. Необходимость охватить большой временной период заставила меня ускорить темп, у меня не было времени на детальный анализ. Единственная поблажка, которую я себе позволил, – редкие остановки возле зданий и памятников, имеющих отношение к описываемым мною событиям. В остальном единственной моей целью был рассказ, как можно более краткий и уместный. Единственное, о чем жалею, что этот труд достался мне, а не отцу, который четверть века назад сделал бы это намного талантливее.

Часть первая

От варварских вторжений до Четвертого крестового похода

Вопрос: Что такое море?

Ответ: Путь отважных, граница земли, приют рек, источник дождей.

Алкуин. Катехизис

Глава 1

Начало

(до 727 года)

*Они, что в страхе
Бежали от того, кто похвалялся:
«Где конь ступал мой – не растет трава», —
Они Венеции начало дали,
Как чайки, гнезда свили на волнах,
И в месте том, где на просторе
Гнал ветер с севера на юг песок,
Возвысился спустя десятилетия,
Поднявшись будто из морских пучин,
Прекрасный град, весь в золотистых ипсиях,
В сиянии церковных куполов,
Обитель света, славная твердыня,
Оплот людской на многие века.*

Сэмюел Роджерс

Вряд ли найдется другой такой большой город, которому удалось бы со всей полнотой сохранить первоначальную атмосферу и создавшие его традиции. Путешественник, приближающийся к Венеции по морю – а вид, открывающийся с водной глади, самый впечатляющий – либо по суше, через мост, или даже подлетающий к городу по воздуху, видит все ту же плоскую, пустынную водную поверхность, болота, поросшие тростником. Эти места облюбовали первые венецианцы. Каждый раз поражаешься даже не невозможности, а безрассудной храбрости такого предприятия. Это – удивительный мир, мир Венецианской лагуны. Около двухсот квадратных миль соленой воды, по большей части такой мелкой, что человек может пройти по ней, погрузившись по пояс. Однако она пересечена глубокими каналами, и многие столетия венецианцы прокладывают по ним путь к открытому морю. Здесь множество островов, образованных илом. Его принесли сюда Брента, Силе и другие реки. В песчаное дно вбиты бесчисленные ряды вех, отмечающие невидимые, но важные особенности – отмели, месторасположение плетеных ловушек для омаров, районы промысла рыбы, остатки кораблекрушения, кабели, якоря. Вехи указывают vaporetти³ безопасный маршрут. Вaporeтти снуют между городом и островами. В любое время года, при любом освещении вода на удивление светла. Лагуна не очень глубока,

³ Катер, вaporeтти (ит.).

и поэтому здесь вы не увидите ни темно-синей бархатистости Средиземного моря, ни терпкой зелени Адриатики. И все же, особенно в осенние вечера, ее поверхность блестит, словно масло, под низким туманным солнцем. Вода выглядит на редкость красиво, и удивляешься тому, что великие венецианские художники, замороженные великолепием своего города, так мало внимания уделяли его окрестностям. Голландцы бы на их месте не растерялись! Впрочем, венецианская школа всегда отличалась жизнерадостностью; лагуна же, несмотря на свою красоту, невыразимо печальна. Задаешься вопросом: уж не сошли ли люди с ума? Зачем они оставили плодородные равнины Ломбардии и поселились на болотистых малярийных берегах, на песчаных островках, на ползучем пырее, зачем добровольно сделались игрушками капризной водной стихии?

На этот вопрос ответ может быть только один: единственным мотивом, побудившим их сделать столь странный шаг, был страх. Первыми строителями Венеции были напуганные люди. Откуда они пришли, неважно. Возможно, из Иллирии, хотя во времена Гомера считали, что они были из Анатолии, а на запад бежали после падения Трои. Как бы там ни было, к 400 году, началу истории Венеции, они являлись гражданами Римской империи, и жили они припеваючи в великолепных городах, таких как Падуя и Альтино, Конкордия и Аквилея, разместившихся вдоль северного и северо-западного берегов Адриатики. К лагуне приходили, чтобы пополнить запасы соли и за свежей рыбой. В других отношениях она их не интересовала.

Так бы, без сомнения, все и продолжалось, однако в начале V столетия началось Великое переселение народов. Сначала под командованием Алариха пришли готы. В 402 году они напали на Аквилею, а по пути разграбили и предали огню богатые провинции, Истрию и Венецию. Народ охватила паника. Городское и сельское население бежало в поисках спасения и остановило свой выбор на незавидной, но в то же время недоступной территории. Люди рассудили, что у врага не будет ни возможности, ни желания преследовать их. Оказалось, что на островах лагуны поселились самые дальновидные. Они верили, что варвары из Центральной Европы, не имевшие кораблей, не обладавшие навыками мореходства, оставят их в покое и отправятся разорять богатые, более заманчивые земли. И оказались правы. За несколько лет одно варварское нашествие следовало одно за другим. Полуострову был нанесен страшный ущерб, а потому все больше беглецов находило спасение, проплывая по каналам к свободе. В 410 году Аларих разграбил Рим; одиннадцать лет спустя Венеция отпраздновала свой день рождения. Произошло это в 421 году, 25 марта, в пятницу, в полдень.

Так, во всяком случае, гласит старинная венецианская легенда. К сожалению, документ, на котором она основана, соединяет основание города с визитом трех консулов из Падуи, с тем, чтобы они основали факторию на островах Риадельто. Легенда скорее благозвучна, чем правдива. Согласно тому же документу, это событие будто бы отпраздновали возведением церкви в честь святого Иакова – Сан Джакомо⁴. Вряд ли падуанцы тогда пытались закрепиться в лагуне, да и столь точная дата кажется слишком невероятной, чтобы можно было поверить в эту легенду. В первой половине V века мало кто из островитян причислял себя к постоянным жителям лагуны. С каждой волной ушедших восвояси варваров большинство людей возвращались в свои дома – или в то, что от них осталось, – и пытались продолжить прежнюю жизнь на большой земле. Лишь позже потомки первых поселенцев стали понимать, что лучше этого не делать.

Ибо готы были лишь началом. В 452 году обрушилась новое бедствие – куда более жестокий и свирепый враг. Гунн Аттила безжалостно прошелся по Северной Италии, оставив за собой выжженную землю. Напал он и на Аквилею. Город три месяца героически защищался. Варвары, не привыкшие к такому сопротивлению, настроились бросить осаду и заняться более

⁴ Эта легенда подтверждает, что церковь Сан Джакомо ди Риадельто самая старая в Венеции. Существующее здание, однако, не старше конца XI века. – *Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. автора.*

легкой добычей. Но однажды, обходя стены, Аттила поднял глаза и заметил аистов, вылетевших из города со своим выводком. И тут, процитирую Гиббона, «он воспринял быстрым умом политика этот пустяковый эпизод как предзнаменование, как шанс, что предложен судьбой», и сказал своим воинам, что Аквилея обречена. Усталые варвары вдохновились, удвоили усилия, и через два дня от великой девятой метрополии Римской империи остался лишь остов.

В последующие годы все больше городов и деревень подверглись той же участи; поток беженцев усилился. Многие по-прежнему возвращались на материк, как только опасность отступала, однако все больше оказывалось тех, кто считали, что новая жизнь не так уж и плоха, и потому решали остаться. В то время как на континенте положение ухудшалось, островные деревни, напротив, росли и богатели. В 466 году представители этих поселений встретились в Градо и договорились о создании примитивной системы самоуправления – совета представителей. Членов первого правительства выбирали раз в год. На той стадии это была свободная диаспора, даже не привязанная к маленькому архипелагу, который мы теперь знаем как Венецию. Сам Градо находится в собственной лагуне, в шестидесяти милях к югу от Аквилеи. Но именно это разобщенное расстояниями сообщество более точно, чем что-нибудь еще, указывает на начало медленного конституционного процесса, из которого выросла самая стабильная республика.

Самоуправление, разумеется, не то же самое, что независимость, тем не менее географическая изоляция первых венецианцев уберегла их от вмешательства в политическую борьбу, отголоски которой сотрясают Италию и поныне. Даже падение Римской империи, низложение последнего императора, юного Ромула Августа, варваром Одоакром вызвало лишь легкую рябь в водах лагуны. А когда Одоакра, в свою очередь, изгнал вождь остготов Теодорих, то и он сомневался, может ли он требовать послушания Венеции. Письмо, адресованное «морским трибунам» и высланное в 525 году из Равенны преторием Теодориха Кассиодором, кажется несколько льстивым, хотя это всего лишь рутина политических будней. Кассиодор писал:

Год был на редкость урожайным, и вина и масла заготовлено много, а потому отдан приказ отправить их в Равенну. А потому молю вас проявить свою преданность и доставить их сюда как можно скорее. Ведь вам принадлежат множество судов в этих краях... Вашим кораблям не приходится бояться порывов штормового ветра, ведь они могут в течение долгого времени держаться берега. И часто случается, что только борта их открыты взгляду, и кажется, будто они плывут по полям. Иногда вы тянете их на веревках, а бывает, что мужчины ногами помогают передвигать их...

Ибо живете вы подобно птицам морским, дома ваши рассредоточены, словно Киклады, по водной глади. Лишь ивы и плетни не позволяют распасться земле, на которой они стоят; и все же вы дерзаете противопоставить непрочный этот оплот бурному морю. У вашего народа есть огромное богатство – рыба, которой с избытком хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных; пища у всех одинакова, дома похожи. Зависть, что правит всем остальным миром, вам неизвестна. Все силы свои вы тратите на добычу соли, и именно в ней таится секрет вашего процветания, и еще в вашем умении с выгодой покупать то, чего у вас нет. Ведь можно было бы отыскать людей, которые не стремятся обладать золотом, но нет среди живущих такого, кто не желал бы соли.

Итак, поспешите расправить снасти ваших судов, которые вы, словно лошадей, привязываете к порогу своего дома, и быстрее пускайтесь в путь...

Даже сделав скидку на естественный для Кассиодора цветистый стиль, его описание ошибочно: хотя эти странные «береговые жители» могут быть полезны королю остготов, обращаться с ними следует осторожно. И настоящая ценность его письма состоит в описании –

самом раннем из дошедших до нас – жизни в лагуне⁵. Из письма ясно также, что два столпа, на которых будет основываться величие Венеции – торговля и мореплавание, – были известны уже и тогда. Торговля у этих поселенцев была в крови. Соль, которую они добывали на мелководье, была не только ценным товаром, ее можно было использовать для засаливания рыбы. Почти с такой же легкостью они ловили ее в море, а на дичь охотились в окрестных болотах. К середине VI века плоскодонная торговая венецианская баржа стала обычным явлением на реках Северной и Центральной Италии.

Зародился и морской флот. Насколько мы можем судить, во времена Теодориха он требовался для разовой перевозки в Равенну необходимых товаров. Но миру, который Теодорих принес на полуостров, пришел конец еще прежде, чем король умер. Хотя вторжение остготов совершилось при византийском покровительстве, дальнейшее правление Теодориха стало абсолютным: он не допускал вмешательства в свои дела ни со стороны Константинополя, ни с любой другой. При нем Италия фактически перестала являться частью Восточной империи. Более того, он и его преемники ревностно придерживались арианства. Арианство, согласно которому Христос был не богом, а лишь творением бога-отца, а потому стоял ниже его, было осуждено как ересь. Тем не менее эти воззрения проповедовали первые христианские миссионеры. С ними находилось в контакте большинство варваров, и суждения эти открыто разделяли почти все европейские племена. Сам Теодорих отличался толерантностью, он покровительствовал всем религиям и особенно сурово наказывал за гонения евреев, однако убеждения его народа распалили византийские амбиции. В 535 году император Юстиниан начал большую кампанию по возвращению своего итальянского наследства и поручил это задание самому талантливому военачальнику – Велизарии.

Жители лагуны снова остались в стороне, однако понадобились их корабли, на этот раз для менее мирных целей. В 539 году Велизарий и его армия дошли до стен Равенны. Венецианцев просили открыть свои бухты для греческих кораблей, чтобы те подошли с подкреплением, и послать собственные мелкие суда для блокады столицы.

Равенна пала; Италия снова стала частью империи, хотя и прошло много лет, прежде чем на полуостров вернулся мир. Старые римские провинции, Венеция и Истрия, территориально не изменились и с готовностью подчинились новым греческим хозяевам. Жителям этих провинций хуже не стало. Правительство работало, как и обычно, и во главе находились собственные всенародно избранные трибуны. Их отношения с имперскими властями были отдаленными, но дружелюбными. В 351 году они помогли преемнику Велизария, семидесятилетнему внуку Нарсесу: доставили по морю в Равенну отряд ломбардских наемников. За это будто бы Нарсес построил на Риапьетто две церкви. Одна из них носила имена святых Джиминьяно и Менны – любопытное соединение епископа Модены и малоизвестного фригийского мученика. Стояла она, по всей видимости, в центре нынешней площади Сан-Марко. Другая церковь находилась на месте часовни Сан Исидоро. Она была посвящена первому венецианскому святому покровителю Теодору Амасийскому. Его до сих пор можно увидеть поражающим крокодилоподобного дракона на вершине западной колонны, возвышающейся на Пьяцетте возле базилики Сан Марко.

Дважды за двенадцать лет венецианцы приходили на помощь Константинополю – предоставляли флот, который, без сомнения, был самым могучим на Адриатике. За это их наверняка уважал экзарх Равенны и его военачальник (*magister militum*), об этом говорят и чудовищно неточные «Хроники Альтино», смешивающие правду и вымысел, однако остающиеся главным источником сведений о том периоде. Хроники слегка искаженно пересказывают историю о том,

⁵ Интересно сравнить с более поздней, а потому и менее достоверной попыткой воссоздания атмосферы Венеции VI века в пьесе д'Аннунцио «Корабль», рассказывающей о Венеции 552 года.

как в 565 году, после смерти Юстиниана, Нарсеса отправили в отставку, а его преемник Лонгин нанес официальный визит в лагуну. Стоит процитировать сказанные ему по этому поводу слова венецианцев:

Господь, наш небесный помощник и защитник, позволил нам жить на этих болотах, в домах, построенных из дерева и ивовых прутьев. Новая Венеция, которую мы построили в лагуне, стала для нас могучим обиталищем, и мы не боимся вторжения королей и принцев, даже самого императора... если только они не придут по морю, но тут им придется испытать нашу силу.

Несмотря на вызов, заметный в этих строках, Лонгину, похоже, оказали радушный прием, «с колокольчиками, флейтами, кифарами и другими музыкальными инструментами, способными заглушить гром небесный». Позже венецианские послы сопровождали его в Константинополь и вернулись с первым официальным соглашением, заключенным между Венецией и Византией: в обмен на лояльность и услуги жители лагуны получали военную защиту и торговые привилегии.

Хроники утверждают, что Лонгин не стал требовать клятвы верности, в результате все следующее тысячелетие патриоты твердили, что Венеция никогда не служила Византии. Процитированные выше слова – не следует забывать, что написаны они спустя шесть веков, – являются еще одним отражением этой позиции. Только в последнее столетие византийские ученые пристально и беспристрастно изучили свидетельства того времени и твердо заявили, что первые венецианцы, невзирая на то, были или нет у них особые привилегии, являлись подданными Византийской империи в самом полном значении этого слова, так же как и менее удачливые их соседи на континенте. Независимость не спустилась чудесным образом с небес на город, она рождалась медленно, быть может, поэтому город столько веков оставался независимым.

Евнухи, как все знают, люди опасные, и сердить их не стоит. Отставка Нарсеса, как принято думать, имела для Венеции (как и для всей Италии) большие последствия, нежели изменение ее политического статуса. Старик хорошо служил своему императору. В возрасте, в котором обычно уходят на заслуженный отдых, он возглавлял рискованные военные кампании на всем полуострове. Даже поражение в битве с остготами у подножия Везувия в 553 году его не сломило. Он тут же начал программу реорганизации и занимался ею двенадцать лет, пока на восемьдесят восьмом году жизни его не поразил удар. После отставки императрица София послала ему золотую прялку и пригласила – поскольку настоящим мужчиной тот не был – прийти и пряхть в дворцовых покоях вместе с ее рабынями-пряильщицами. «Я подарю ей такую прялку, – сказал якобы Нарсес, – что она до конца жизни с ней не справится», – и тут же направил королю Ломбардии (сейчас это территория современной Венгрии) Альбоину посланцев со всеми дарами Средиземноморья, приглашая его людей на землю, которая родит такие богатства.

Альбоин согласился, и в 568 году ломбардцы вторглись в Италию. Это было последнее и самое продолжительное варварское нашествие. Снова людской поток устремился из городов в лагуну, однако было и отличие. Люди приходили уже не как напуганные беженцы, намеревавшиеся пробыть в вынужденной ссылке до конца войны. Вера в лучшие времена была утрачена. Им хватило кровопролития, насилия и разрушений, которые с каждым новым вторжением становились все ужаснее. Теперь они шли толпами, целыми поселениями, во главе со священниками, несущими святыне реликвии. Эти реликвии, спасенные от врага, они поставят в новых домах, которые сами для себя построят. Так сохранится символическая и непрерывная связь с их прежней жизнью, единство прошлого и настоящего.

Сохранилось много древних историй и легенд, связанных с этими миграциями. Между тем Италия на семьдесят лет попала под власть Ломбардии. «Хроники Альбино» рассказы-

вают, например, будто епископ Альтино услышал голос с небес, приказавший ему взобраться на крышу соседней башни и посмотреть на звезды, и эти звезды показали ему – возможно, с помощью отражения на воде – остров, на который он должен повести свою паству. Они поселились в Торчелло, назвав его так в честь «маленькой башни», на которую забрался епископ. Таким же образом жители Аквилеи – город за сто пятьдесят лет опустел в третий раз – нашли дорогу в Градо; люди из Конкордии вместе с епископом бежали в Каорле, жители Падуи нашли прибежище в Маламокко. Наконец, в 639 году, в правление императора Ираклия, ломбардцы захватили Одерцо, чьи жители, вместе с греческими чиновниками, бежали в уже существующее поселение Читтанова в устье реки Пьяве. Одерцо стало последней точкой опоры империи на континентальной Венеции. Таким образом, некогда великая провинция сократилась до поселения в лагуне, если не считать удаленных территорий на полуострове Истрия. Ее столицей стала Читтанова, которую в честь императора переименовали в Эраклею, но Торчелло, кажется, не утратил своего значения, и именно там в том же 639 году в честь Богородицы построили базилику. Ее заложил сам Ираклий, сделавшийся покровителем храма. Сохранился документ, регистрирующий основание базилики, с указанием византийских чиновников, имевших к этому отношение, Исаака, экзарха Равенны, и Мориса, главнокомандующего. Сейчас церковь известна как собор Санта Мария Ассунта⁶.

Самое первое бегство из-под ломбардского владычества – из Аквилеи в Градо – было наиболее важным с точки зрения дальнейшего исторического развития. Принято считать, что епархия Аквилеи была основана святым Марком, вследствие чего ее архиепископ – получивший впоследствии титул патриарха – стал главным священником в Венецианской лагуне и занял второе место в итальянской церковной иерархии, сразу после папы римского. Тогда эта должность была скорее мифической, чем реальной, поскольку архиепископ Паулин не только избавил своих последователей от ереси (ломбардцы придерживались арианства), но также практически в то же время начал раскол. Не станем останавливаться на исторических и теологических причинах его разрыва с Римом (обычно это называется расколом из-за «трех глав»). Нам важно то, что с церковной точки зрения Венеция с самого основания была городом раскола, и, хотя митрополит Градо в 608 году вернулся в лоно римской церкви, раскол поддерживал мятежный архиепископ старой Аквилеи, ибо почти все следующее столетие обе стороны осуждали друг друга и подвергались взаимным интердиктам. Наконец, противники сошлись на диспуте, однако бывшее единство не удалось восстановить. Аквилея и Градо оставались независимыми епархиями, первая распространяла свое влияние на старые континентальные территории провинции, вторая – на Истрию и Венецианскую лагуну. Их взаимная ревность в течение нескольких поколений отравляла взаимоотношения Венеции с материковыми территориями как в политическом, так и в религиозном отношении. Но епископское кресло, на котором некогда сидел святой Марк, занял патриарх Градо. Произошло это в большой церкви, построенной Паулином и его последователями вскоре после прибытия. Церковь стоит до сих пор. Посвящена она, как ни странно, не евангелисту, а святой Ефимии, одной из девственников, замученных в Аквилее. Тем не менее это было началом долгого «сотрудничества» святого Марка и Венеции, что подтвердилось, когда через 250 лет его мощи доставили в Венецианскую лагуну из Александрии.

После внезапного наплыва переселенцев Венеция начала быстро развиваться, но городом ее назвать было еще нельзя. Несмотря на две церкви, построенные Нарсесом, острова Риальто, образующие Венецию, знакомую нам сегодня, в VI и VII веках были почти необитаемы. На этой стадии будущая республика являлась всего лишь слабым объединением остров-

⁶ В 864 и 1008 годах собор перестраивали. Здание, построенное в 1008 году, сохранилось до наших дней. Великолепные мозаики появились позднее, в XII и XIII веках. Так как очертания побережья Адриатики постоянно меняются, Эраклея исчезла практически без следа. Возможно, она стояла не на месте нынешней деревни, носящей это имя, а в нескольких милях к юго-востоку, возле Кортеллаццо.

ных поселений, раскиданных на обширном пространстве, и всех их едва связывала правящая рука Византии. Даже латинское название города, которое использовали его обитатели, имело множественное число – *Venetiae*⁷. У этих территорий не было центра. Эраклея являлась резиденцией византийского наместника, Градо считался вотчиной патриарха. И то и другое были большими деревнями. Торчелло был богаче обеих, и со временем соседи все больше на него косились. По мере разрастания отдельных поселений неприязненные отношения становились неизбежными; венецианцы VII столетия, похоже, утратили святую простоту, так поразившую в VI веке Кассиодора. Старые трибуны и недавно прибывшие епископы оспаривали друг у друга власть, а различия между соседними общинами в любой момент перерастали в открытое противостояние, и византийские власти не в силах были с этим справиться. Византийское присутствие в Эраклее мешало венецианцам самим выдвинуть из своей среды лидера, который мог бы их объединить. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы не кризис византийской Италии 726 года.

Кризис начался, когда византийский император Лев III приказал уничтожить в своих владениях все иконы и святые изображения. Последствия такого приказа были ужасными. Население в гнев немедленно восстало, в особенности монастыри. В восточных провинциях империи иконопочитание достигло такого размаха, что во время таинств изображения святых часто заменяли крестных родителей. Реакция верующих стала неизбежной. Но даже в более умеренных западных провинциях новый закон был с негодованием отвергнут. Итальянская провинция Византийской империи, с энтузиазмом поддержанная папой Григорием II, восстала против своих хозяев. Павел, экзарх Равенны, был убит, его сподвижники бежали. Мятежные гарнизоны, состоявшие из местных жителей, избрали в экзархате собственных командиров и объявили о своей независимости. Выбор лагунных общин пал на некоего Урсуса, или Орсо, из Эраклеи. Его поставили во главе бывшего правительства провинции и дали титул *Dux*⁸.

В последнем событии не было ничего примечательного. То же происходило в это время во многих других мятежных городах. Венецию отличает от остальных тот факт, что назначение Орсо положило начало традиции, которая в неизменном виде длилась более тысячи лет. Его титул – дюк – под воздействием грубого венецианского диалекта превратился в слово «дож». Сто семнадцать дождей сменили друг друга, прежде чем республике пришел конец.

В ранней венецианской истории очень часто перемешиваются правда и вымысел. В этом читатель может легко убедиться. Если вам случится прочесть на эту тему стандартную английскую монографию, то вы узнаете также, что история дождей предстает в ином свете, нежели раньше. Если поверите, что Венеция изначально была основана как свободный город, не сможете принять теорию о мятеже против византийцев. Согласно общепринятой версии, в 697 году все жители лагуны явились в Эраклею по призыву патриарха Градо. Он сказал, что их внутренние распри угрожают будущему страны, и предложил венецианцам избрать единого правителя вместо двенадцати трибунов. Выбор пал на некоего Паолуччио Анафесто, который вскоре после этого заключил мирный договор с королем Ломбардии Лиутпрандом.

История звучит вполне правдоподобно. Но все происходило в века более ранние, чем первые дошедшие до нас документы. Так, самая ранняя история Венеции предположительно написана хронистом дьяконом Иоанном в начале XI столетия. В каждом перечне имен дождей первым, разумеется, стоит Паолуччио. У нас даже есть его портрет. С него начинается долгая

⁷ Было бы приятно, хотя и вряд ли справедливо, принять традиционную теорию о происхождении этого имени. Сын архитектора Якопо Сансовино, ученый и литератор, опубликовал в 1581 году книгу «*Venetia, città nobilissima et singolare, descritta in XIII libri*». Она остается одной из важнейших работ, когда-либо посвященных Венеции. Там написано: «Некоторые утверждают, что слово “*Venetia*” – это “*veni etiam*”, что значит “приходи снова и снова”, потому что каждый раз ты увидишь что-то новое и прекрасное».

⁸ Вожь, воевода (*лат.*).

портретная галерея на стенах дворца в зале Большого совета (Sala del Maggior Consiglio). К сожалению, он никогда не существовал, дожем, во всяком случае, не был, как не был и венецианцем. И договора с Лиутпрандом не было. Все, что нам известно из подлинных источников, это то, что некий *dux* Паулиций вместе с главнокомандующим Марчелло отвечал за оборону венецианской границы возле Эраклеи и что этот рубеж позже захватили ломбардцы. Венеция, как мы знаем, была в то время византийской провинцией. Очевидный и единственно верный вывод, который можно извлечь из этого, это то, что таинственный Паулиций был не кем иным, как Павлом, экзархом Равенны, правившим с 723 года и до своей гибели от рук мятежников в 727 году, в том самом году, на который случайно указывает дьякон Иоанн, сообщая о смерти Паулиция. Ему, как второму лицу после императора, недостойно было бы оборонять границу, как и наместнику провинции Марчелло, которого хронисты сделали вторым дожем. Историки Венеции, так же как и ее архитекторы, установили фундамент на болоте.

Глава 2

Возникновение (727–811)

*А близ них молодой Пипин.
Простер воинство
От Тесни до Палестринского берега,
Не жалея трудов и трат,
Чтобы вытянуть мост от Маламокко
До Риальто, и биться на мосту,
И бежать, растеряв своих в пучине,
Когда море бурей сбilo мост⁹.*

Ариосто. Неистовый Роланд. Песнь XXXIII

Мятеж Италии против византийских правителей скоро закончился. Папа Григорий, будучи духовным наставником, не хотел дальнейшего усиления ломбардских еретиков. Скоро стало ясно, что подчинение иконоборческому декрету не сможет на Западе принять серьезные формы. Возмущение схлынуло, и люди почувствовали, что новые демократические образования смогут получить продолжение в отдельных городах, даже если при этом поддерживать по меньшей мере номинальную приверженность империи. Неудивительно поэтому, что через несколько лет дожу Орсо пожаловали имперский титул *Nypatos*, или консул. Этим он, похоже, так гордился, что его потомки стали называть себя ипатами. Какие бы нововведения ни происходили в политической сфере, институциональные и эмоциональные связи с Константинополем не прерывались. А Орсо был лишь первым из дожей, возгордившихся от византийской лести. Звучные слова, такие как патриций (*patricius*), проэдр (*proedrus*) или спафарий (*spatharius*)¹⁰, звучали постоянно, вплоть до X века, и даже позднее. Очень скоро костюм дожа стали шить по образцу экзарха и даже самого императора. Церемониал намеренно повторял имперские ритуалы; воскресные мессы в соборе Сан Марко были эхом греческой литургии в храме Святой Софии. Многих византийских девушек отправили по морю на запад, к венецианским женихам, а венецианцы посылали своих сыновей на восток – заканчивать образование в Константинополе.

Тем не менее политическое давление империи на Венецию ослабело. Греки уступили не без борьбы, однако стало ясно, что власть Византии в Северной Италии заканчивается. В 742 году, после короткого междуцарствия, вторым дожем Венеции был избран сын Орсо Теодато – или Деуседит, как его называли. Одновременно с избранием он перенес свою резиденцию из имперской Эраклеи в центр республики Маламокко¹¹ и здесь в качестве суверенного правителя занимался всеми практическими вопросами.

Равенна пала в 751 году, и, хотя Венецианская лагуна казалась слабее, чем было на самом деле, ломбардцы, похоже, намеревались войти в Венецию. К счастью, у преемника Лиутпранда, короля Астольфа, были другие неотложные проблемы. В том самом году за Альпами Пипин Короткий, сын Карла Мартелла, сместил короля Хильдерика III и захватил франкский престол.

⁹ Перевод М. Л. Гаспарова.

¹⁰ Патриций – высший титул, дававший право занимать самые высокие должности; проэдр – высокий титул X–XII веков – глава сената. Спафарий – титул ниже ипата. – *Примеч. ред.*

¹¹ Старый Маламокко располагался не в том месте, где сейчас находится современный городок, а на восточном берегу Лидо. Он был смыт морем в 1105 году.

Почти сразу же по приглашению папы Стефана II он перебрался в Италию и быстро, одну за другой, разбил две ломбардские армии. С этого времени, несмотря на то что большая часть его побед была посвящена Стефану и это привело к созданию Папского государства и усилению власти папы, франки являлись главной силой в Северной Италии. И снова Венеция осталась в стороне. В территориальный передел район лагуны не вошел; франки не спешили распространять там свое влияние, и только через шестьдесят лет после падения экзархата венецианцам пришлось защищать молодую республику с оружием в руках.

Это, однако, не значит, что вторая половина VIII века обещала стать для венецианцев более мирной, чем первая. Венеция, возможно, нашла форму правления, которая ее устраивала, однако не добилась при этом ни внутренней стабильности, ни сплоченности. Различные поселения занимали непримиримые позиции, и даже внутри отдельных общин кипели страсти и борьба между фракциями. Дож Теодато, как и его отец, закончил свое правление ужасно: соперник сместил его и ослепил. Впрочем, не прошло и года, как и его самого постигла та же участь. Четвертый дож продержался немногим дольше, однако ему не нравилось, что каждый год избирают двух трибунов, ограничивавших его власть. Через восемь лет сместили и этого дожа.

С избранием в 764 году Маурицио Гальбайо ситуация начала выправляться. Уроженец Эраклеи, заявлявший о своем происхождении от императора Гальбы, знаменовал собой возвращение к старой провизантийской традиции. Его враги, оба стойкие республиканцы, верили в то, что процветание Венеции тесно связано с поднимавшимся франкским королевством. Вероятно, они считали его реакционером, и их подозрения подтвердились: в 778 году он назначил себе соправителя, сына Джованни. Для развивающейся республики такой шаг столь же опасен, сколь и беспрецедентен. Теодато Ипато и в самом деле наследовал своему отцу, но произошло это не тотчас, да и наследование было поддержано народным голосованием. С другой стороны, возвышение Джованни Гальбайо означало, что после смерти Маурицио он автоматически получит полные права независимо от одобрения подданных. Ему с ними даже не надо будет советоваться. То, что старый дож искал и нашел в Константинополе одобрение императора, республиканцев вряд ли утешило.

Это не сулило ничего хорошего в перспективе, и дело не только в том, что Маурицио удалось осуществить свое намерение, но и в том, что в 796 году Джованни тоже разрешили взять себе в соправители сына. Тем самым Венеция сделала еще один шаг по дороге к наследственной монархии. Самое вероятное объяснение заключается в том, что венецианец-обыватель устал от кровопролития. Ему хотелось, чтобы один правитель спокойно приходил на смену другому, не нарушая общественного спокойствия и, разумеется, не мешая торговле. В этом нет ничего нового: мирный переход власти всегда считался самым красноречивым аргументом в пользу наследственности, и во многих странах мира полностью себя оправдал. Но только не для венецианцев, как скоро все в том и убедились.

Первые Гальбайо, считать их реакционерами или нет, заслуживали доверия. Одинадцать лет они успешно и уверенно правили. Богатство рода росло, численность подданных возрастала, люди начали обживать разные острова лагуны, которые до тех пор ранние поселенцы по тем или другим причинам игнорировали. Люди, жившие на Риальто, на полпути между песчаными отмелями и континентальным побережьем, со времен Нарсеса оставались в изоляции. Песчаные, а скорее, грязные отмели затрудняли доступ к окружающим низинам, затопливаемым высокой адриатической волной. Эти острова не представляли соблазна для колонистов. Те, кто устал от бесконечных споров и дразг в общинах, смотрели на центральные острова как на возможность начать мирную жизнь с чистого листа. С VIII века там развернулось серьезное строительство. Сначала, кажется, оно было сосредоточено в восточной стороне, на маленьком острове Оливоло. Туда бежали троянцы после разрушения их города. Там построили крепость, которая позже стала замком Каstellо. Примерно в 773 году дож Маурицио основал

здесь новую епархию и переделал маленькую церковь, носившую имя святых Бахуса и Сергия, в собор Сан Пьетро¹².

В том же году старый дож скончался, и его сын, как и следовало ожидать, взял управление в свои руки. Увы, Джованни Гальбайо не обладал талантом отца: он был неспособен справиться с меняющейся ситуацией в остальной Италии, где франки быстро укрепляли свои позиции и становились угрозой независимости республики. Пипин умер, ему наследовал сын Карл – Карл Великий. Он прожил пятнадцать лет в Италии и за это время успел вызвать сильную неприязнь у венецианцев, которых он не без причины подозревал в получении больших доходов от работорговли. Однажды, по случаю, он обратился к папе и попросил его принять меры. После победы, одержанной над ломбардцами его отцом Пипином, папа оказался хозяином значительной части итальянского полуострова. Сам папа и его земля нуждались в защите, и в этом он полностью зависел от королевства франков. Его профранкская политика была естественным образом поддержана большей частью римского духовенства. Случилось так, что из двух традиционных фракций, давно существовавших в Венеции, которые для упрощения можно назвать провизантийской фракцией в Эраклее и республиканской в Маламокко, выросла третья, с сильным клерикальным уклоном. Она стояла за альянс с франками.

В последние годы века третья партия набирала силу и на Рождество 800 года получила более сильную поддержку: папа сделал Карла Великого императором Запада – Священной Римской империи. Патриарх Градо некоторое время открыто бунтовал против центральной власти на Маламокко, и теперь его призывы стали представлять опасность для государства. Дож Джованни, который к этому времени последовал примеру отца и взял в соправители сына, еще одного Маурицио, хорошо сознавал грозившую ему опасность и, пытаясь воспользоваться влиянием патриарха, назначил молодого грека по имени Христофор в новую епархию на Оливолло. К сожалению, Христофор не смог приступить к своим обязанностям без посвящения в духовный сан патриархом. Его святейшество отказался проводить эту церемонию, и дело тут было даже не в возрасте епископа – юноше исполнилось всего шестнадцать, – а в антифранкских высказываниях Христофора. В ответ дож послал сына в Градо вместе с флотилией. Патриарха схватили, подняли на дворцовую башню и, сильно израненного, сбросили вниз.

Политические убийства редко достигают той цели, ради которой совершаются. Ужас от этой вести распространился далеко за пределами Градо. Многие поколения людей утверждали, что видели следы крови на мостовой под башней. Не успел Маурицио вернуться домой, как до него дошла новость, что на место убитого патриарха избран его племянник Фортунат. К правлению Гальбайо Фортунат был расположен еще меньше, чем дядя, а потому немедленно уехал к франкам. Тем временем другие светские лидеры оппозиции, опасавшиеся, как и он, что недавние события в Градо могут стать прелюдией к террору в самой Венеции, удалились в Тревизо, где под руководством бывшего трибуна по имени Антенорио Обелерио организовали заговор против двух дожей. В 804 году они добились успеха. Народное восстание сместило Гальбайо. Им еще повезло уйти живыми. Молодой епископ Христофор последовал за ними в ссылку, а Обелерио с триумфом вернулся в Венецию, где сразу же получил высший пост.

Но если венецианцы думали, что последний государственный переворот положит конец всем их проблемам, то скоро им пришлось сильно разочароваться. Обелерио времени зря не тратил: быстро сделал соправителем своего брата Беато, и власть нового дожа трудно стало отличить от старой. Внутреннее беспокойство еще больше усилилось. За последние два года страсти накалились, что в свою очередь вызвало новые проблемы и новые обиды, требовав-

¹² Еще одна легенда приписывает выбор этого места самому святому Петру, чудесным образом явившемуся епископу Эраклеи и указавшему «место, где он увидел стадо пасущихся вместе коров и овец». Собор Сан Пьетро ди Кастелло с тех пор неоднократно перестраивался, последний раз – в 1598 году. Неудачное подражание стилю Палладио. На протяжении всего существования республики он являлся кафедральным собором Венеции. Только в 1807 году он уступил «титул» базилике Сан Марко, которая до того была просто церковью при Дворце дожей.

шие отмщения. Между Эраклеей и Маламокко разгорелась вражда, и все кончилось тем, что Эраклею сожгли дотла. Прошло несколько месяцев, казалось, что два злополучных правителя повторят путь своих предшественников. Но тут на политической сцене с предложением выступил патриарх Фортунат. Если Обелерио восстановит его в правах и признает власть франков над Венецией и лагуной, дож с братом смогут рассчитывать на протекцию Западной Римской империи.

И Обелерио, и его брат особой симпатии к франкам не проявляли, но теперь у них выбора не было. В Рождество 805 года правители Венеции присягнули в Ахене Карлу Великому, императору Священной Римской империи. Обелерио пошел еще дальше: среди придворных дам выбрал себе франкскую невесту, и она вернулась с ним в Венецию в качестве первой *догарессы* в истории.

Известие о венецианском предательстве – по вполне понятным причинам именно так его все и восприняли – вызвало в Константинополе большое недовольство. Византийцы, по праву считавшие себя законными наследниками Римской империи, еще не вполне оправились от шока, вызванного коронацией Карла Великого. Когда двумя годами позже правящая императрица Зоя (ок. 978–1050) не сразу приняла предложение Карла о браке, ее тут же сместили и выпроводили на остров Лесбос. Новый император Никифор, хотя и вынужден был принять возродившуюся Западную Римскую империю как данность, однако не без протеста воспринял покушение на свою власть. В 809 году византийская эскадра прибыла к далматскому берегу и бросила якорь в лагуне.

Приняли их холодно. Попытки византийского адмирала договориться отклонялись, пока, потеряв терпение, он не вынужден был атаковать – не саму Венецию, а франкскую флотилию, стоявшую в Комаччо, в сорока милях к югу от места переговоров. Флотилия оказалась сильнее, чем он предполагал. Спустя несколько дней, разбитый и униженный, он удалился на свою базу в Кефалонии.

В Венеции ситуация была такой же запутанной, как и прежде. Вражда, возобновившаяся между двумя соперничающими империями, выразилась в очередном обострении борьбы между партиями. Обелерио и Беато, привлечшие к правлению и третьего брата, Валентино, разыгрывали свою последнюю карту. Они направили гонцов в Равенну к Пипину с приглашением занять Венецию и разместить войска на территории всей провинции. Пипин согласился. По условиям договора 805 года выбора у него почти не было. Тем не менее он мог бы выяснить, как его встретят.

Экспедиция Пипина была подготовлена наспех. Из Равенны он выехал в начале 810 года. Обнаружилось, что венецианцы подготовились к его приезду, но не так, как он ожидал. Жители лагуны, увидев наконец грозившую всем опасность, забыли о внутренних противоречиях. Они попросту проигнорировали протесты и объяснения трех дожей. Братья оказались предателями, впрочем, их судьбу решат потом. Поручив оборону республики одному из старых поселенцев Риальто, некоему Аньелло Партечипацио¹³, они заблокировали каналы, убрали все лоцманские знаки и подготовились встречать врага, вооружившись тем, что было в их распоряжении.

Хотя Пипин встретил яростное сопротивление с того момента, как его армия вступила на венецианскую землю, он без труда завладел Кьоджей и Пеллестриной в южной оконечности лагуны. Но в канале Маламокко, отделявшем остров Пеллестрина от острова Маламокко (ныне известном как Лидо), он был вынужден остановиться. О том, что произошло потом, до нас дошел живой рассказ не кого-нибудь, а византийского императора Константина VII Багрянородного в трактате «Об управлении империей», который он написал для своего сына в

¹³ Есть другой вариант его фамилии – Партечако. Позже, в X веке, этот род стал именоваться Бадоев.

середине X века. Хотя Константин и не являлся свидетелем тех событий, вполне возможно считать его источником надежных сведений.

Поэтому венетики, видя, что на них идет со своим войском король Пипин и что он намерен отплыть с конями к острову Мадамавку [Маламокко]... перегородили всю переправу, бросая шпангоуты. Оказавшись в бездействии, войско короля Пипина (ибо он был не в состоянии переправить их в ином месте) простояло напротив венетиков на суше шесть месяцев, воюя с ними ежедневно. Тогда как венетики поднимались на свои суда и устраивались позади набросанных ими шпангоутов, король Пипин стоял со своим войском на морском берегу. Венетики, воюя луками и пращами, не позволяли им переправиться на остров. Так, ничего не достигнув, король Пипин заявил венетикам: «Будьте под моею рукою и покровительством, ибо вы происходите из моей страны и державы». Но венетики ему возразили: «Мы желаем быть рабами римского императора, а не твоими»¹⁴.

Войско Пипина продолжало наступление на других направлениях. Пал Градо, пал Езоло, но жители острова Ма-ламокко, переправив женщин и детей на Риальто, слабости не проявили. Как гласит легенда, однажды, прослышав о том, что Пипин намерен заморить их голодом, продемонстрировали ему тщетность его надежд – стреляли по его армии хлебом. Весна тем временем сменилась летом, и эпидемия, охватившая лидийские берега, начала косить захватчиков. Распространился слух, что на помощь Венеции движется огромный византийский флот. Пипин понял, что проиграл, и отдал приказ к отступлению. На его решение, должно быть, действовало состояние собственного здоровья, ибо через несколько недель он скончался.

В последние годы модно было обвинять венецианцев в преувеличении значения своей победы, и в самом деле, глядя на два огромных полотна художника Вичентино, прославляющих это событие в зале голосования (Sala dello Scrutinio) во Дворце дождей, вряд ли кто станет спорить, что значение этого события недооценено. По правде говоря, Пипин не оставил Венецию, пока жители, желая избавиться от него, не согласились платить ему ежегодную дань, и эта дань исправно выплачивалась более ста лет. Верно также и то, что, хотя он и потерпел неудачу в самом важном, власть его над лагуной сохранялась на остальных островах. Но покоренные города не долго оставались в руках франков. Во всяком случае, значение противостояния 810 года далеко превосходит любое другое политическое или военное событие. Жители лагуны и в прошлом заявляли свое право на независимость, но в том году они его впервые отвоевали. Сделав это, доказали и кое-что еще – какие бы ни случались у них противоречия и ссоры, в момент настоящего кризиса они способны были посмотреть на себя не как на жителей Маламокко или Кьоджи, Езоло или Пеллестрины, а как на венецианцев. Пипин выступил против группы переругавшихся общин, а победил его объединившийся народ.

Словно в поиске арбитра, народ обратился в сторону Риальто и маленькой цепи островов, никогда не вмешивавшихся в свары соседей. Напротив, острова эти служили убежищем для людей, спасавшихся от наступавшего врага, так же как и для их предков 300 и 400 лет назад. Маламокко мужественно защитил себя как общину, но столицей стать не сумел. Последние три дожа Антенорио показали себя во всей красе. Маламокко не сумел проявить политический нейтралитет, которым обязана обладать любая федеральная столица. К тому же, как показал Пипин, Маламокко был уязвим для нападения. Единораз удалось отразить врага, но лишь после ожесточенной борьбы. В следующий раз могло и не повезти. Морской берег лагуны, вместе с лиди – длинными узкими песчаными отмелями, защищающими его от Адриатики, – был не безопаснее континента.

¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Перевод Г. Г. Литаврина.

Острова архипелага Риальто – сам Риальто, вместе с Дорсодуро, Спиналонга (нынешний Джудекка), Луприо (пространство вокруг Сан-Джакомо дель Орио) и Оливоло (ныне Кастелло), – этих недостатков были лишены. Посреди хаоса озлобления и ненависти они все больше казались гаванью спокойствия, терпения и здравого смысла. Находились они в центре лагуны и были недоступны для непрошенных гостей, не знавших фарватера. После падения Градо единственным национальным духовным центром республики оставался Сан-Пьетро ди Кастелло. Население его представляло собой группу беженцев, придерживавшихся различных политических взглядов, а потому в общей своей массе отличалось беспристрастностью. Героем на тот момент стал для них Аньелло Партечипацио: он освободил их от франков, к тому же родом был с Риальто. Риальто и сделался столицей. Трех дожей отправили в ссылку. В последней попытке удержать трон и сохранить репутацию они взялись за оружие и пошли воевать с захватчиками, которых сами же и пригласили, но этот маневр никого не обманул. На их место венецианцы избрали единственно возможного кандидата – самого Аньелло, чей скромный дом на небольшой площади Делла Казон возле Сан-Канчано стал первым Дворцом дожей.

Формально провинция Венеция все еще являлась частью Византийской империи, но на деле обрела полную независимость. Имперское правительство в Константинополе ничего с этим поделать не могло, а потому вынужденно согласилось с таким положением вещей. Теперь венецианцам важно было добиться признания независимости на Западе. Спустя один или два месяца после поражения Пипина в Венецию, по пути в Ахен, прибыл византийский легат.

Как только византийцы привыкли к идее независимости, к Карлу Великому они стали относиться без прежней непримиримости, интуитивно поняв, что для новой Европы одного императора недостаточно. Теоретически Константинополь мог быть оплотом римского права, цивилизации и имперских традиций, но по духу он стал исключительно греческим городом. Хотя Рим был исковеркан варварскими нашествиями и деморализован столетиями анархии, тем не менее по-прежнему оставался средоточием латинской культуры, и *Rex Romana* восстановил именно Ахен, а не Византия.

Если бы Карл Великий был лет на тридцать моложе, то, возможно, не согласился бы принять предложения Византии, но он был стар и утомлен. Сейчас его больше занимал раздел империи между наследниками, а не дальнейшее расширение территорий. Он утверждал, что императорская коронация оказалась для него полной неожиданностью. Она и в самом деле его смутила, потому он удержался от агрессивных планов в отношении Восточной империи. Он искал лишь признания Византией его императорского титула и хотел дружеских отношений со своим «коллегой», императором Никифором, а за это не жаль было отказаться от притязаний на Венецию.

Союз между двумя империями заключили весной 811 года (к тому времени умерли и Карл Великий, и Никифор, а ратификация произошла три года спустя). Договор дал и той и другой стороне то, чего они добивались, но за определенную цену. Франки получили признание своего имперского статуса. Для Византии отказ Карла Великого от притязаний на Венецию означал не только сохранение их сюзеренитета, но и уверенность в том, что ведущая морская сила на Адриатике не будет обращена против них. Выигрыш с обеих сторон не исключал и взаимных уступок. Привилегии Венеции трудно было переоценить. С тех пор она пользовалась ими в полной мере – и политическими, и, в большей степени, культурными и торговыми. Будучи византийской провинцией, она тем не менее ни на йоту не уступила своей независимости. Прошло много лет, сменялись дожи. Формально они были чиновниками Византии, обладали византийскими привилегиями, а при случае и византийским золотом. Но при этом они были венецианцами, избранными венецианцами. Восточная империя серьезно в их дела никогда не вмешивалась. Опасно приводить исторические сравнения, особенно когда имеешь дело с обществом тех далеких времен, но, если мы задумаемся о том, как развивались отношения

Венеции с Константинополем в следующих двух столетиях, то невольно заметим аналогию с сегодняшними странами Британского Содружества. В этом случае мы, возможно, не слишком ошибемся.

Были и другие преимущества. Нисефорский мир (Pax Nicephori), как его впоследствии называли, отделил Венецию от остальной Италии и позволил ей вовремя избежать политических потрясений, которые вскоре изменили лицо полуострова и большей части Западной Европы. Благодаря своим связям с Византией она осталась практически незатронутой феодальными отношениями, управлением коммунами, позднее принятым в Ломбардии и Тоскане, и бесконечными войнами гвельфов и гибеллинов, вспыхивавшими то в одной, то в другой форме вплоть до конца республики. Парадоксально, что благодаря подчинению Восточной империи Венеция обрела независимость и будущее величие.

Глава 3

Рост города (811–900)

«И Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр». Апостол осудил слабого ученика, и Марк вернулся¹⁵. Если бы душа его была открыта пророчеству, когда берега Азии скрылись из вида, как бы возрадовался он, узнав, что пройдет время и люди будут почитать крылатого льва, ставшего его символом.

Дж. Рескин. Камни Венеции

В лагуну вернулся мир, и дож Аньелло мог теперь обратиться к новой проблеме, не менее трудной, чем та, которую он только что разрешил. Острова Риальто, плоские, грязные и часто затопляемые, не были ни достаточно большими, ни твердыми для нового потока поселенцев. Если уж размещать здесь столицу растущей республики, то землю необходимо укрепить, осушить и расширить. Необходима была также защита от моря, а песчаные отмели – не такой уж надежный барьер. Для выполнения этой задачи дож создал комиссию из трех человек. Николо Ардисонио должен был укреплять отмели, поддерживая их при необходимости опорами. Лоренцо Алимпато поручили копать каналы, укреплять берега и готовить строительные площадки, а за само строительство отныне отвечал близкий друг Аньелло, Пьетро Традониго.

Первые здания были по большей части скромными, двухэтажными легкими строениями, так как опасались, что они обрушатся. Крыши, в основном, соломенные. Так же, как и в нынешних венецианских домах, у них имелось две входные двери, одна выходила на сушу, и там был небольшой огород, а выйдя из другой двери, можно было попасть прямо на канал. Дерево по-прежнему было самым популярным строительным материалом. Материал легкий, транспортировать его нетрудно, к тому же растет в изобилии: лагуну окружали сосновые леса. Ну а поскольку строительного материала много, то он и дешев. Кирпич, характерный для поздней венецианской архитектуры, был тогда почти неизвестен. Грязь в лагунах была слишком мягкой и жидкой. Для более значительных зданий дерево не годилось, потому что оно не рассчитано на долгий срок, да и внешне не выглядело достаточно внушительно, и потому оставался единственный выбор – камень, а именно твердый белый камень полуострова Истрия.

Но с камнем были связаны свои проблемы, например вес. Необходим был надежный твердый фундамент, а для этого требовалось забить в болото тысячи деревянных свай, так чтобы они стояли плотно друг к другу, а на их срезанные вершины положить крепкое основание. Это был тяжелый, трудоемкий процесс, но результат превзошел все ожидания. Многие дома в Венеции до сих пор стоят на сваях, забитых почти тысячу лет назад, и такую технику строительства продолжали использовать до XX века¹⁶. В IX веке этот способ был еще в зачаточном состоянии, мало было каменных зданий, за исключением церквей, а также большой дворец, который Аньелло начал строить для себя и своих последователей возле старой церкви Сан Теодоро.

От первого Дворца дожей ничего не сохранилось. Хотя он занимал то же место, что и нынешний, облик его, вероятно, был совсем другим: тяжелые зубчатые стены с угловыми

¹⁵ «Павел полагал не брать отставшего от них в Памфили и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы» (Деян 15:38). Марк, будучи изнеженным юношей, поначалу не хотел принимать участия в миссии святых. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Даже такое колоссальное строение, как творение архитектора Бальдассаре Лонгена – собор Санта Мария делла Салюте, построенный между 1630 и 1687 годами в конце острова Дорсодуро (самом твердом из всех островов Риальто, как указывает на то его название), покоится исключительно на таких сваях. Судя по источникам, их забито 1 156 627 штук.

башнями и подъемными мостами напоминали скорее крепость, что и неудивительно, учитывая последние события. В архитектурном плане его невозможно было сравнить с великолепными зданиями, поднимавшимися за ним с восточной стороны. Это были церковь и монастырь Сан Дзаккария. Они готовы были принять останки отца Иоанна Крестителя, подаренные Венеции византийским императором Львом V Армянином в качестве жеста доброй воли. Возможно, Лев пошел еще дальше и заплатил за все здание. Во всяком случае, точно известно, что он посылал архитекторов и строительных рабочих из Константинополя. Увы, их работа тоже не сохранилась. Церковь Сан Дзаккария, как и большинство старых церквей Венеции, так часто перестраивалась и реставрировалась, что неизвестно, как она выглядела первоначально. Однако ее значение в ранней истории республики было немалым, и об этом еще будет сказано.

Первоначальный план строительства новой столицы был тщательно продуман, и основные черты его сохранились до настоящего времени. Естественным, что перед дожем в тот момент встало множество неотложных задач, за самые серьезные из которых он отвечал сам. Хотя он и был самым просвещенным правителем из тех, какими до сих пор обладала Венеция, он тоже не удержался от соблазна и попытался ввести наследственное право. Поскольку старший его сын Джустиниан находился в Константинополе, дож взял себе в соправители младшего, Джованни. Джустиниан разгневался и, вернувшись, потребовал, чтобы отец отстранил брата. Это заявление, в свою очередь, разозлило Джованни. Вскоре после этого он удалился в ссылку. Впрочем, семейные ссоры, пусть и недостойные, никогда серьезно не угрожали спокойствию государства. Строительство не прерывалось, и Аньелло Партечипацио может считаться первым архитектором современной Венеции. Жаль лишь, что он не дождался самого важного события в духовной жизни республики. Оно более других укрепило ее церковную независимость и возвысило национальную гордость. Город получил свой самый знаменитый памятник.

Однажды – согласно легенде – святой Марк возвращался из Аквилеи в Рим. Его корабль, застигнутый бурей, остановился возле одного из островов Риалято. Во сне ему явился ангел и обратился к нему со следующими словами: «*Pax tibi, Marce, evangelista meus. Nunc requiescet corpus tuum*»¹⁷. Историческое подтверждение этой легенды малоубедительно, поскольку святой Марк позже стал епископом Александрии и оставался там до самой смерти, так что рассказ остался бы неправдоподобным, но легенда оказалась весьма кстати, когда в 828 году два венецианских купца вернулись из Египта с мощами, которые, по их словам, принадлежали евангелисту. Они будто бы украли их из его александрийской могилы. Как и следовало ожидать, рассказы об этом событии сильно отличаются, но сходятся, однако, в том, что христианских стражников могилы, беспокоившихся о будущем церкви при правлении сарацин, убедили – или подкупили, – и они поспособствовали венецианцам. Саван разрезали на спине, тело вынули, и останки святого Клавдия, оказавшиеся в удобном соседстве, положили на место святого Марка. Затем мощи поместили в большую корзину и вынесли в бухту, где их уже поджидал венецианский корабль¹⁸.

К этому моменту аромат святости, исходивший от тела, становился таким сильным, что, по словам хрониста Мартино ди Канале, «если бы в Александрии были собраны все пряности мира, то они не источали бы такое благоухание». Совершенно понятно, что это вызвало подозрения. Местные чиновники явились на корабль с обыском, но венецианцы прикрыли свою добычу свинными тушами, при виде которых чиновники, набожные мусульмане, закричали: «Свинья, свинья!» – и в ужасе бежали с корабля. Мощи завернули в холсты и подняли на нок-

¹⁷ «Мир тебе, Марк, евангелист мой. На этом месте будет покоиться твое тело». Первая из этих фраз должна быть знакома всем посетителям Венеции, поскольку она начертана на открытой книге, а книгу эту держит в лапах вездесущий крылатый лев. Одним из нескольких исключений является каменный лев возле Арсенала. Послание представляется слишком миролюбивым для столь воинственной организации, поэтому здесь у льва книга закрыта.

¹⁸ Согласно одной из версий этой истории, венецианских судов в порту Александрии было на тот момент не менее десяти. Если это так, то можно представить себе размах торговли республики.

рею, где они и оставались, пока судно не вышло из гавани. Даже и тогда опасность не миновала, потому что корабль едва не налетел на необозначенный на карте риф и наверняка бы разбился, если бы сам святой Марк не разбудил спящего капитана и не посоветовал ему спустить парус. Судно в конце концов благополучно прибыло в Венецию, и жители с восторгом приняли драгоценный груз.

О похищении мощей рассказывают великолепные мозаики на стенах базилики Сан Марко¹⁹. И это нечто большее, чем еще одна из легенд, которыми изобилует ранняя венецианская история. То, что похищенное тело принадлежит святому Марку, считается историческим фактом. Не сомневаются и в том, что Джустиниан Партечипацио, ставший дожем в 827 году после смерти своего отца, тут же распорядился построить для мощей часовню в саду, отделявшем церковь Сан Теодоро от его собственного дворца. Очень возможно, что и вся экспедиция из Александрии была предпринята по секретному приказу дожа. Если республика хотела заслужить уважение новой Европы, ей требовался уникальный символ, со славой и значением которого не могли бы соперничать богатство и морская мощь, а в Средние века, когда политика и религия были неразрывно связаны друг с другом, присутствие важной священной реликвии придавало городу особое значение. Мощи святого Захария тоже что-то значили, но их одних было недостаточно. С другой стороны, мощи евангелиста давали Венеции апостольское покровительство и возносили ее на духовный уровень, сравнимый разве только с Римом, и создавали церковную автономию, усиленную в дальнейшем патриархальным статусом ее епископа.

Почему бы духовную победу ни привязать к конкретной политической цели? В данном случае реликвия появилась как нельзя кстати. Буквально за год до этого, в 827 году, синод в Мантуе, возглавляемый представителями папы и императора Западной Римской империи, предложил восстановить старый патриархат Аквилеи, дававшей ей власть над епархией Градо. Поскольку Аквилея являлась частью Западной империи, такое решение означало серьезную угрозу венецианской независимости. Обладая мощами святого Марка, Мантую можно было проигнорировать. Градо остался столичной епархией, а церковь Венеции, оживленная и восстановленная именем евангелиста, присягнула ему на верность.

В таких обстоятельствах предполагали, что Джустиниан перенесет мощи в новый собор в Оливоло. Решение же сохранить их рядом с Дворцом дождей указывает на то, что с самого начала дож руководствовался скорее светскими, нежели церковными приоритетами²⁰. С этого момента святой Теодор вместе с драконом вознесся на колонну на Пьяцетте и был там благополучно позабыт, а святой Марк стал покровителем Венеции. Его лев, с распростертыми крыльями и лапой, гордо указующей на слова ангела, запечатлен на знаменах и бастионах, на корме и носу многочисленных кораблей. Его первым поминают верующие в своих молитвах, а солдаты и матросы республики выкликают имя святого Марка, вступая в бой.

История не упоминает более бесстыдного похищения мощей или кражи, имевшей столь большие последствия. Как только венецианцы благополучно доставили к себе останки евангелиста, его там приняли как своего, с таким радушием, какого не отмечено в любом другом городе. Любовь и преданность горожан святому покровителю ни разу не была поколеблена.

Да и он, в свою очередь, хорошо им служил.

Первая церковь Святого Марка была и размером поменьше, и не такая величественная, как нынешняя, что стоит на том же месте. Здание, по стандартам того времени, было достойно

¹⁹ Над южным трансептом, возле часовни Святого Климента.

²⁰ Это придает усыпальнице святого Марка главенство. Как писал Рескин: «Я не знаю другого города в Европе, где бы собор не выступал на первом месте. Но главной церковью Венеции стала часовня, пристроенная к Дворцу дождей и прозванная Чьеза дукале – церковь Дожей. А кафедральный собор, не впечатляющий ни размерами, ни убранством, стоит на островке венецианского архипелага, и его название, как и местоположение, возможно, неизвестны путешественникам, второпях проезжающим по городу».

евангелиста, однако официально освятили его лишь четыре года спустя, то есть в 832 году²¹. К тому моменту дож Джустиниан уже три года лежал в могиле, а наследовал ему младший брат. Покойный всегда относился к Джованни с презрением и, судя по дошедшим до нас скудным источникам, скорее всего, был прав. Если бы отец не взял себе Джованни на короткое время в соправители, его никогда бы не избрали. Люди устали от его глупости и апатии. 29 июня 836 года, в праздник святых Петра и Павла, когда Джованни после мессы вышел из церкви, его схватили собственные подданные и заставили отречься. Затем насильно постригли в монахи и отправили в монастырь Градо, где он и прожил до конца своих дней.

Одна из главных причин недовольства венецианцев дожем Джованни Партечипацио состояла в его неспособности справиться с возникшей на горизонте новой угрозой. Уже несколько лет торговле на Адриатике мешали славянские пираты. Они ждали в засаде в узких бухтах побережья Далмации, что в устьях рек Нарента²² и Цетина, и нападали на груженные товаром суда. Первые успешные грабежи вдохновили пиратов, и число их быстро умножилось. Капитаны выходили в море настороже. Венецианской торговле грозило медленное угасание. Страдала не одна Венеция: Западной империи все труднее приходилось налаживать связь с Равенной, Падуей и другими городами имперской Италии.

Приоритетной задачей для нового правителя стало принятие жестких мер против пиратов. Одиннадцатым дожем Венеции был избран Пьетро Традониго из Езоло. Он был не из тех людей, что уклоняются от исполнения своих обязанностей. Спустя три года после избрания мы видим его во главе морской экспедиции в Далмацию. Когда его действия стали приносить некоторый успех, он направил к франкам посла для заключения соглашения с внуком Карла Великого, императором Лотарем. Содержание договора явилось, по большей части, простым подтверждением предыдущих договоренностей, тем не менее он примечателен двумя моментами. Во-первых, сохранился самый старый венецианский подлинный дипломатический документ. Во-вторых, в нем содержится поручительство дожа – нести ответственность за защиту Адриатики от славян или любого другого врага, а стало быть, Лотарь признает свою слабость на море и дает согласие на право Венеции распоряжаться Центральным Средиземноморьем.

Приблизительно в это же время для Европы представлял угрозу еще один народ. В 827 году византийский правитель Сицилии по имени Евфимий, пытаясь избежать наказания за незаконный брак с местной монахиней, объявил о своей независимости и пригласил на помощь сарацин из Северной Африки. Тем было только того и надо. Высадившись на юго-западном побережье, они быстро избавились от Евфимия, и не успело завоевание завершиться, как они уже использовали остров в качестве базы для набегов на византийскую провинцию Апулию. Греческие гарнизоны в Бари, Бриндизи и Отранто оказались беспомощны против нового врага, как некогда франки против далматцев. За прошедшие тридцать лет императоры в Константинополе, уверившись в дружбе с Венецией и ее морской мощи, забросили собственные базы на Адриатике. Даже на восточных берегах некогда грозные крепости Дураццо (современный город Дуррес в Албании) и Кефалонии не могли больше организовать оборону. Приблизительно в 840 году – вероятно, когда венецианцы подписывали договор с Лотарем, – в Риаццо явился не кто иной, как патриарх Константинополя. Он даровал дожу титул спафария и попросил его помощи против сарацинской угрозы.

Традониго немедленно откликнулся. Сарацины, как он заметил, представляли собой куда меньшую угрозу, чем славянские пираты. Венеция не меньше Константинополя была заинтересована дать им отпор. Венецианский флот быстро пришел в состояние боевой готовности. В начале 841 года шестьдесят самых больших кораблей, несущие по 200 человек на

²¹ Хотя обычно ее называют базиликой, первая церковь была построена не по плану, свойственному базиликам. Ее спроектировали по образцу церкви Святых апостолов в Константинополе – ныне давно разрушенной – и построили в форме креста, как и положено апостольским церквям.

²² Сейчас река носит славянское имя Неретва.

каждом судне, вышли из лагуны навстречу византийской флотилии. Объединенный флот двинулся в южном направлении и подошел к маленькому порту Калабрии – Кротону.

То ли греческий адмирал бежал при первой же опасности – как потом с негодованием заявляли венецианцы, – то ли виноват в этом был кто-то другой, этого мы никогда не узнаем, но христиане потерпели полное поражение. Гордость венецианского флота пошла ко дну, сухопутные силы, высадившиеся близ Таранто, были уничтожены. Сарацинский флот без всяких помех вошел в Адриатику, разграбил Анкону и, дойдя до самого края лагуны, встретился с отмелями и течениями в дельте реки По, а потому повернул назад.

Снова Венецию спасло ее географическое положение, но на этот раз у нее не было причины поздравлять себя с удачей. Выяснилось, что море, которое до сих пор Венеция считала своим защитником – а две великие империи Европы всего год назад с этим соглашались, – таковым защитником не является. В следующем году сарацины продвинулись еще дальше, и венецианцы бессильны были что-то им противопоставить. Тем временем пираты Наренты, увидев, что не стоит так бояться Венеции, осмелели и стали еще более алчными. Прошел не один десяток лет, прежде чем удалось освободиться от этих двух угроз. Адриатика снова стала безопасной для венецианского и имперского судоходства.

После столь оглушительного фиаско отношения между Венецией и Византией естественным образом сильно испортились. Старые связи все еще существовали, однако становились все более слабыми. Западная империя к тому моменту признала независимость Венеции – политическую и церковную, – и дружеские связи с ней продолжали укрепляться. В 856 году сын и наследник Лотаря, молодой император Людовик II, вместе с императрицей нанес государственный визит в Венецию. Их встретили дож и его сын Джованни, соправитель отца. Встреча состоялась в Брондоло, к югу от Кьоджи. Затем почетных гостей с большой помпой сопроводили на Риальто, где они оставались три дня. За это время император стал крестным отцом маленькой дочери Джованни.

У дожа Пьетро и внутри страны были проблемы. Прошло почти полвека с тех пор, как на островах Риальто возникла венецианская столица. После всего, что было, вряд ли кто надеялся на то, что перемирие в борьбе фракций сохранится надолго. Несмотря на противников на Адриатике, Венеция оставалась ведущей морской державой и денежным мешком христианского Средиземноморья. Торговля расширилась во всех направлениях, и у многих возникло желание завладеть этим рынком. В атмосфере коммерческой безжалостности и ожесточенного соперничества разгорелись междоусобицы. Многие переселенцы привезли с собой в лагуну старые обиды. Большую часть своего двадцативосьмилетнего правления (самого длительного в то время) дожу Пьетро Традонику удавалось удерживать мир в республике. Только после смерти Джованни, совместное правление с которым оказалось успешным, Пьетро обнаружил, что не в силах более сдерживать соперничающие стороны. Возможно, он прибег к репрессиям, что его подданным не понравились. Быть может, выказав предпочтение какой-то одной группе, он тем самым разозлил другую. Какова бы ни была причина, назрел заговор, и 13 сентября 864 года его привели в исполнение. Дело было в канун Воздвиженья животворящего креста. В этот день, по традиции, дож посещал мессу в церкви Сан Дзаккария. Когда старик, служивший более 50 лет государству (ему было под восемьдесят), выходил из церкви после вечерни, на него набросилась вооруженная группа и забила на площади до смерти. Последовавшая за этим драка между его сподвижниками и нападавшими привела к мятежу. Из документов видим, что монахини из монастыря, принадлежавшего церкви, не решались выйти и вынести тело. Только в полночь мертвого дожа убрали с площади и достойно похоронили.

Тем временем слуги убитого поспешили ко дворцу и забаррикадировались там. В городе тем временем разгорелись уличные бои. Люди просидели во дворце несколько дней, пока не услышали, что толпа убила пятерых главных заговорщиков. Только тогда вернулся мир. Дожем

выбрали некоего Орсо, аристократа, главное достоинство которого состояло в том, что он не принимал участия в заговоре.

По традиции, не подтвержденной никакими историческими источниками, считается, что новый дож был из семьи Партечипацио. Трое из четверых его предшественников носили это имя, а четвертый, Пьетро Традониго, был родственником со стороны жены. Если верить традиции, то можно заметить, что новое назначение явилось дальнейшим шагом в сторону наследственного права. Но Орсо – Партечипацио он был или нет – не дал продлиться старому порядку. Сразу после избрания он затеял радикальную программу реформ, и первой его целью стали собственные полномочия.

С самого начала теоретически Венеция считалась демократической страной. И дело было не только в выборности дожей, но и в том, что при доже было два трибуна, в задачи которых входило не позволять ему нарушать закон. Кроме того, существовало такое понятие, как *аренго* – общее собрание всех граждан, где принимали важнейшие решения, от которых зависела безопасность государства. Но демократия – нестабильный политический институт. Для работы ему требуется постоянная поддержка. Трибуны в Венеции с годами утрачивали свое значение, собрания не созывались, решение общественных дел стало прерогативой маленьких групп в окружении дожа. Орсо инициировал создание системы выборных *гиудичи*, или судей – высших государственных чиновников, частично министров, частично членов городского магистрата. Сформировав из них ядро, из которого в будущем выросла *курия*, он создал эффективный инструмент ограничения злоупотреблений высшей государственной властью. В то же время изменения в структуре местного самоуправления сделали остальные острова более зависимыми от центральной администрации.

Реорганизовав правительственную машину, Орсо обратил внимание на дела церкви. Здесь, по контрасту, он применил политику децентрализации. Несколько старых епископских епархий в самой лагуне и вокруг нее прекратили существование, а некоторые вернулись в города, из которых их вытеснили варварские нашествия. Остались лишь Градо, Альтино и Оливоло, к которым была добавлена новая епархия – Эквила. В результате многие прилегающие территории попали под влияние патриарха Аквилеи или других, таких же непопулярных священнослужителей из Западной империи. Чтобы противодействовать этой тенденции, в Каорле, Маламокко, Читтанове и Торчелло, который до этого бывал лишь иногда резиденцией епископа Альтино, были созданы собственные епархии. Ни новые, ни старые епископы ни в коей мере не подчинялись светской власти республики, но сама их независимость способствовала лояльности. Позже мы увидим, что через несколько лет все вновь назначенные епископы поддержат дожа во время одного из традиционных диспутов с патриархом Градо и трижды за год откажут самому папе, призывающему их в римский синод.

Еще один спор, на этот раз с патриархом Аквилеи, принес еще большее удовлетворение. Этому нечестному примасу каким-то образом удалось добиться временной власти над большей частью герцогства Фриули, в котором он, возможно, в пику новым епископствам, затеял собственную вооруженную кампанию против венецианских купцов. Ответом Орсо стала экономическая блокада. Устья всех рек, проходивших через территорию Аквилеи, были перекрыты, и все поступления в город и из города остановлены. Патриарх был поставлен на колени, и следует отметить, что по условиям последующего договора венецианские купцы, торгующие с Аквилеей, продолжали платить пошлину, в то время как собственные торговые представители Орсо от таких пошлин освобождалась. Государству отдавалось предпочтение, но и частные интересы ни в коем случае не бывали забыты.

Конституционные реформы Орсо, имевшие большие последствия, не затронули проблему наследования. Как и большинство предшественников, он взял в соправители сына и трудился с ним до самой своей смерти, последовавшей в 881 году. Сын, Джованни, унаследовал

трон в спокойной обстановке. Однако Джованни и сам был уже не молод, и здоровье его оставляло желать лучшего. После нескольких лет безуспешной борьбы с болезнью он вынужден был признать себя неспособным справляться со своими обязанностями. Подданные согласились с его решением. Однако они не хотели его отречения, поскольку искренно его любили, а потому дали ему в соправители сорокапятилетнего Пьетро Кандиано.

Увы, всего через пять месяцев, 18 сентября 887 года, Пьетро был убит. На тот момент он возглавлял экспедицию против далматских пиратов. Это был первый дож, погибший в сражении за республику. Старый Джованни с большой неохотой снова взял управление в свои руки, пока не нашли преемника. На этот раз выбор народа пал на Пьетро Трибуно, внучатого племянника дожа Традониго, чье убийство за четверть века до этого вызвало беспорядки в городе.

Правление Пьетро Кандиано было недолгим, воинственным и неудачным, в отличие от Пьетро Трибуно. Тот правил долго и мирно. При нем был лишь один опасный момент, да и тот окончился блестящей военной победой Венеции над Пипином. Трибуно начал с возобновления договоров с Западной империей (в 888-м, в год своего вступления на престол), а потом продолжил их в 891-м. Поскольку всего лишь в 883-м Джованни Партечипацио договаривался подобным образом с императором Карлом Толстым, можно задуматься: была ли такая дипломатическая активность столь уж необходима, однако на этой решающей стадии политического развития Венеция осторожно обходила оба имперских водоворота. Двигаясь таким курсом, она ощущала себя в постоянной опасности, поскольку могла угодить то в одну, то в другую воронку. Для республики жизненно важно было отыскивать точку опоры и держаться на плаву. Поступая таким образом, она редко ошибалась. В одном из соглашений было записано, что убийца дожа, нашедший убежище в империи, должен быть оштрафован на сумму 100 фунтов золотом и сослан. Согласитесь – мягкое наказание. В 888 году закон стал значительно жестче: с этого времени любой венецианец в любом месте имперской Италии оставался под юрисдикцией дожа и должен был подчиняться Венеции, а не империи. Это нововведение было направлено не только против преступников – экстрадиция своего рода была разрешена со времен Лотаря – главной задачей являлась гарантированная юридическая защита венецианских купцов в Италии, что позволяло им заниматься торговыми операциями все дальше от дома.

Торговля расширялась, развивалась экономика, набирало мощь судоходство, быстро росло и чугунолитейное производство²³. По мере расширения работ по вырубке леса, дренажу, строительству город хорошел на глазах. Последнее десятилетие IX века стало для Венеции самым счастливым периодом процветания. В 899 году наступил кризис – на горизонте появился новый враг. Люди к тому времени, возможно, забыли о нашествиях варваров, но мадьяры им об этом напомнили. Как и многие их предшественники, они явились из степей Центральной Азии и перешли через Карпаты. Свирепость врага поражала воображение. Несколько шокированных хронистов того времени описывают их как каннибалов. При случае, возможно, они такими и были. Уже в 898 году они совершили быстрый рейд в Венето, но были отброшены, а потому не успели причинить много вреда. На следующий год, набравшись сил, вернулись и, опустошив Ломбардскую равнину, пошли на Венецию.

Под напором венгерских орд города вокруг лагуны сдавались противнику один за другим: сначала Читтанова, Эквила, затем Альтино и вглубь от прибрежной полосы к северу и западу от Тревизо и Падуи. Затем мадьяры двинулись к югу вдоль отмелей лиди – от Кьоджи и Пеллестрины к Маламокко. До Альбиолы дошли без особых трудностей, но потом – почти в том месте, где за девяносто лет потерпел до них поражение Пипин, – повстречались с поджидавшим их Трибуно и его армией. Явившись из азиатских земель, они понятия не имели

²³ Вступая на престол, Орсо Партечипацио послал византийскому императору Василию I партию из 12 колоколов, отлитых в венецианском литейном цехе.

о море. Переносные кораклы, которыми они пользовались для сплава по рекам, были беспомощны против венецианских судов. Поражение было быстрым и полным. Снова лагуна спасла город.

Но было ли достаточно для обороны одной лагуны? Пьетро Трибуно так не думал. Будущий агрессор, более дисциплинированный и искусный в мореплавании, мог преуспеть там, где потерпели поражение мадьяры. Оказавшись среди лиди, противник увидел бы, что острова Риальто до сих пор не защищены. Поэтому дож отдал приказ строить крепостную стену с восточной стороны дворца Оливоло до того места, которое зовется сейчас Рива-дейли-Скьявони, и далее до церкви Санта Мария Дзобениго. Трибуно распорядился также изготовить большую металлическую цепь и протянуть ее через Большой канал от церкви Сан Джорджо Дорсодуро до противоположного берега²⁴.

Хронист дьякон Иоанн спустя сто лет назовет строительство того бастиона вехой, с которой поселение на Риальто впервые стало тем, что он назвал «*civitas*». Термин не переводится и означает город в нашем понимании этого слова, хотя и очень маленький, который существовал там до времен дожа Аньелло и переноса центрального правительства. Но стена Пьетро Трибуно, строительство которой было вызвано потенциальной опасностью, дала горожанам новое ощущение сплоченности, что особенно важно стало в последующие годы. Можно только надеяться, что власти с должным уважением отнесутся к осыпающимся остаткам стены, сохранившейся на южной оконечности Рио-дель-Арсенале.

²⁴ На этом месте сейчас стоит палаццо Гаджа, два здания к востоку от палаццо Контарини Фазан («дом Дездемоны»). Интересно отметить, что церкви Санта Мария Дзобениго (дель Джильо) и Сан Джорджо Дорсодуро в то время уже существовали. Они до сих пор находятся здесь, хотя их облик претерпел изменения. Первая церковь названа в честь своих основателей, семейства Джубанико. Соседнее здание до сих пор зовется Кале дель Бастион.

Глава 4

Авантюрист и святой (900–991)

...государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости²⁵.

Макиавелли. Государь. Гл. XV

Радуюсь победе над венграми, сильная и исполненная гордости, защищенная быстро растущими фортификациями Венеция уверенно вошла в X век. Ее враги были посрамлены, две империи восхищены и благодарны, дела в торговле шли как никогда хорошо. Пьетро Трибуно мудро правил страной вплоть до своей смерти в 912 году. Его похоронили в церкви Сан Дзаккария. Преемник, Орсо Партечипацио, проводил следующие двадцать лет ту же мирную политику и с тем же успехом, после чего в 932 году добровольно ушел в отставку и удалился в монастырь. Затем в течение сорока четырех лет Венецией управляло семейство Кандиано.

Первый дож Кандиано уже ненадолго появлялся на страницах этой книги. Он погиб в сражении с пиратами в 887 году. Наследовал ему сын, а затем, после короткого перерыва, — внук и правнук. Всех четверых звали Пьетро. Все, похоже, отличались большей энергичностью, чем их сограждане, большей агрессивностью, большей уверенностью. Все были заносчивы и своевольны. Один оказался национальным бедствием, но скучать венецианцам не пришлось ни с кем из них. Второй, едва став дожем, начал экономическую блокаду Истрии. Короткое время спустя, после пустякового дипломатического инцидента, сжег дотла соседа Венеции и потенциального соперника Комаччо. Третий дважды участвовал в экспедициях против пиратов Наренты, убивших его деда, и разбил их наголову. А теперь перейдем к четвертому дожу. Поскольку о невероятной карьере Пьетро Кандиано IV нельзя рассказать в двух словах, ее следует описать подробно.

Его отец, должно быть, до конца жизни жалел о решении через четыре года после собственного вступления в должность взять себе в соправители молодого Пьетро. С самого начала сын показал себя бунтовщиком. То ли, как предполагают некоторые, он был неисправимым развратником, то ли — что представляется более вероятным — расхождение их было по политическим вопросам, так и не выяснено. Известно лишь, что отношения между отцом, сыном и соответственно их сторонниками быстро ухудшились, так что дошло даже до открытых столкновений на улицах города. Молодого человека наконец схватили, и он едва не распрощался с жизнью. Только благодаря вмешательству отца судьи заменили смертный приговор изгнанием. Он стал солдатом удачи, выступив под знаменами Беренгара, маркграфа Ивреи, ставшего в 950 году королем Италии. В ссылке, однако, обида Пьетро только возрастала, и через несколько лет мы видим его во главе корсаров, заблокировавших устье реки По. В результате не менее семи республиканских галер не смогли добраться до места назначения.

Венецианцы больше других народов несколько столетий страдали от пиратов. Неудивительно, что они их так ненавидели. Старый дож терпел позор от сына, как только мог, однако в 959 году в городе разразилась эпидемия чумы. Это его окончательно сломило, и он вскоре умер. И тут произошла удивительная вещь. На городском собрании люди избрали дожем молодого Пьетро.

²⁵ Перевод М. Юсима.

Если причины ссылки определить нам трудно, то уж тот крутой поворот – тем более. Самый вероятный ответ прост: Пьетро был молод, целеустремлен и, как мы можем заключить, не лишен обаяния. Прирожденный лидер, и к тому же Кандиано. Наконец, было и практическое соображение – венецианцев всегда отличала практичность, – как показал опыт, Пьетро мог стать для них нестерпимой занозой, так уж лучше привлечь его на свою сторону. Во всяком случае, выбор был сделан, и 300 кораблей отправились в Равенну за новым дожем.

Это был черный день для Венеции. Хотя у Пьетро Кандиано уже не было отца, которому он мог противостоять, вскоре он показал себя противником всех принципов, которым был верен его покойный родитель, старым, аскетическим республиканским ценностям, на которых стояло государство и благодаря которым возвысилась страна. Народ ожидал от своих руководителей высоких стандартов поведения и презрения к демонстрации личного богатства. Пьетро жил при королевских дворах Европы, привык к роскоши, его не устраивала экономия прежних дождей. Он не умел хитро обходить запреты. Аппетиты его тем временем возрастали, и он шел напролом. В Венеции такой человек не мог продержаться долго.

Поначалу его энергия тратилась в верном направлении. Спустя год после избрания он ввел новые суровые ограничения, касающиеся торговли рабами. Меры наказания нарушителей были жесткими – физического, финансового и даже церковного характера. Торговлю полностью не запретили, в необходимых случаях она еще продолжалась – «для государственных целей». Но новые законы были достаточно строгими, что вызвало опасное недовольство венецианских работоторговцев. Вероятно, это соображение и побудило дожа издать указы не только от своего имени, но также и от имени патриарха, епископов и патрициев города. Какова бы ни была причина этой коллективной ответственности, кажется, она стала прецедентом: с этого времени в венецианском законодательстве часто обращались к таким коллективным указам.

Личное поведение Пьетро было куда менее благопристойным. Во время ссылки он заприемил Вальдраду, сестру тосканского маркиза, бывшего на тот момент одним из богатейших и влиятельнейших итальянских правителей. Пьетро развелся с венецианской женой, отправил ее до конца дней в монастырь Сан Дзаккария, а Вальдраду привез в Венецию в качестве невесты, вместе с огромным приданым – землями во Фриули, Тревизо, Адрии и Ферраре. Следует отметить, что эти владения ни в коем случае не становились землями Венеции, они принадлежали лично Пьетро. Венецианцы вдруг увидели, что на месте дожа, которого они избрали, оказался феодальный барон с огромными владениями на континентальной земле и находящийся в вассальной зависимости от западного императора. Вот вам и добытая с тяжким трудом независимость Венеции! Ими управлял надушенный князек, отгороженный от своих подданных отрядом иностранных наемников.

Все это уже было плохо, но народное недовольство возросло еще больше, когда вскоре после избрания дож сделал своего сына Витале, епископа Торчелло, патриархом Градо, а другого претендента ослепил и заточил в тюрьму. В прошлом веке патриархи неуклонно богатели и усиливали свое влияние, а потому новый священник оказался вторым человеком в стране после отца, и не только в бюрократической иерархии, но и как землевладелец. Он стал хозяином почти всего побережья и континентальных территорий между епархией и Венецианской лагуной. Витале проезжал по стране с королевской пышностью, с огромной свитой, а местные жители на пути его следования выходили из домов и монастырей, оказывали патриарху почести, соперничая друг с другом в щедрости угощений.

Пьетро Кандиано забрал в свои руки светскую и церковную власть и был – или казался – всесильным человеком. К сожалению, как и многие члены его талантливого семейства, он не знал, в какой момент следует остановиться, и, когда летом 976 года обратился к подданным с просьбой о защите его персональных интересов в Ферраре, люди поднялись против него. Их первое нападение на дворец оказалось неудачным: здание было слишком хорошо укреплено, и нападавшие вынуждены были отступить. Но, настроившись решительнее, чем когда-либо,

восставшие подожгли соседние дома. В летнюю жару дерево вспыхнуло, как спички, и огонь распространился на сам дворец.

О дальнейших событиях мы знаем по описанию дьякона Иоанна, хрониста того времени, а может, даже и очевидца событий. Отчаявшийся и задыхающийся дож вместе с молодой женой и младенцем пытался спастись через атриум Сан Марко, но обнаружил, что группа патрициев заблокировала проход. Напрасно Пьетро взывал к ним, обещая удовлетворить все их просьбы, если его жизнь и жизни его семейства будут пощажены. «Но, заявив, что он самый безнравственный человек, а потому заслуживает смерти, они закричали, что спасения ему не будет. Они окружили дожа, направив на него обнаженные мечи. Бессмертная душа оставила его тело и устремилась в поисках приюта блаженных», – хотя из того, что нам известно о Пьетро Кандиано IV, в этом месте он окажется в последнюю очередь.

Каким-то образом догарессе Вальдраде удалось спастись, но ее ребенок, пронзенный мечом, разделил судьбу отца. Два тела были брошены на корабль и отвезены на скотобойню, где их спасло от надругательства лишь вмешательство некоего Джованни Градениго, «воистину святого человека», который организовал для них скромное погребение. Монастырь Сан Дзаккария стал традиционным местом упокоения почивших дожей, но не могло быть и речи о том, чтобы похоронить там последнего из них. Пьетро и его ребенка тайно перевезли через лагуну, в отдаленное аббатство Сант Иларио, за Фузиной, а венецианцы, поостыв, начали приводить в порядок разрушенный город.

Пожар уничтожил или сильно повредил около 300 зданий, среди них и собор Сан Марко, Дворец дожей и недавно построенную церковь Санта Мария Дзобениго. От старинной церкви Сан Теодоро, возведенной в то время, когда даже церкви строили из дерева, не осталось и сучка. Венеция избавилась от дожа, но дорого заплатила за свою ошибку.

Пьетро Кандиано был порождением своего века, того столетия, что последовало за распадом империи Карла Великого в 888 году и политической нестабильности в Италии. Ломбардия на севере более пятидесяти лет оставалась добычей венгров, вернувшихся из Венецианской лагуны. Византийская империя на юге демонстрировала все большую неспособность контролировать как ломбардских князьков, думавших лишь о собственном величии, так и приморские города-республики Неаполь, Амалфи и Гаэту, чья лояльность зависела от того, с какой стороны дует наиболее благоприятный торговый ветер. При папском дворе тоже было неспокойно: Иоанн X в замке Святого Ангела удушила дочь его любовницы. Она хотела поставить на его место своего сына-бастарда от прежнего папы. Иоанн XII возвели в сан в возрасте семнадцати лет. Во время его правления, согласно Гиббону, «мы с удивлением узнаем, что Латеранский дворец превращен в школу проституции. Изнасилования девственниц и вдов отпугивало женщин от посещения могилы святого Петра: они опасались, что во время поклонения его наследник подвергнет их насилию».

Но Иоанн XII не только олицетворял распущенность папства, сам того не зная, он был также ответствен за спасение Италии. В 962 году, беззащитный против вторжения короля Беренгара II на севере, он обратился за помощью к герцогу Оттону Саксонскому, который только что выгнал венгров из Ломбардской долины и был доминирующей силой в Северной Италии. Оттон поспешил в Рим, где Иоанн – без сомнения, помнивший о правлении папы Льва и Карла Великого – тут же сделал его императором. Это погубило папу. Уже одного распутства было достаточно, но когда двумя годами позже он проявил непочтительность по отношению к императору, которого сам же и создал, последний немедленно созвал синод и сместил его. Беренгар скоро сдался, империя возродилась и продержалась в той или иной форме до нашествия Наполеона.

В Южной Италии новые порядки не возымели немедленного эффекта. Прежде чем там наступят изменения, минет сто лет и произойдет норманнское завоевание. Север, однако, выразил возмущение распущенностью последних лет. Возможно, сыграло роль скорое наступ-

ление нового тысячелетия. Многие верили, что вместе с этим придет и конец света. Такие настроения, возможно, побудили венецианцев избавиться от четвертого Кандиано. 12 августа 976 года в кафедральном соборе Сан Пьетро ди Кастелло они избрали следующего дожа.

Пьетро Орсеоло I стал единственным венецианским дожем – возможно, и единственным главой республики в мире, – которого впоследствии канонизировали. Заслужил ли он этот статус, неизвестно. В пятьдесят лет он оставил жену, ребенка, тяжкие политические обязанности и отправился в монашескую келью. Вряд ли такой поступок посчитали бы сейчас достойным канонизации. С самой юности Пьетро Орсеоло был настоящим аскетом. За короткие два года правления Венецией он проявил себя мудрым и милосердным правителем. Орсеоло принял республику в тяжелом финансовом положении. Кандиано опустошил казну. Догаресса Вальдрада, нашедшая убежище при германском дворе императора Оттона, требовала вернуть свое огромное приданое. Центральная часть Венеции требовала перестройки. Опустошение было таким огромным, что Орсеоло вынужден был перевести правительство в собственный дом, который стоял за обугленным остовом Дворца дожей. Оттуда он каждый день шел пешком – приводить город в порядок. Впервые все венецианцы были обложены церковной десятиной. Вальдрада, которой еще повезло остаться в живых, получила назад свое приданое. Дож пожертвовал большую часть своих личных денег – говорят, он согласился в течение восьмидесяти лет выплачивать каждый год по 8000 дукатов на восстановление Дворца дожей и собора Сан Марко, а также на возведение новой больницы примерно на том месте, где сейчас стоит библиотека Марчиана²⁶.

Слишком скоро, однако, на сцену явилась мрачноватая фигура некого Гварини, аббата монастыря Сен Мишель де Кукса, недалеко от Прада во французских Пиренеях²⁷. Мы не можем сказать, насколько виновен этот человек за последующие действия дожа. Возможно, он был агентом императорского двора, где неуспокоившаяся Вальдрада выдвинула еще один иск к Венеции, и в этом ей с энтузиазмом помогал зять, Витале Кандиано, патриарх Градо. Возможно, он был просто одним из добросовестно заблуждавшихся средневековых священников, чей идеальный мир ограничивался огромным монастырем. Всю свою жизнь он убеждал то одного, то другого властителя уйти в монастырь). Впрочем, может, Гварини не был ни тем, ни другим. Петр Дамиани, самый немилосердный из всех святых, считал, что всему виной были угрызения совести самого дожа, которого он обвинял в соучастии в заговоре против его предшественника и в разрушении Дворца дожей. При первом визите Гварини в Венецию в 977 году его увещевания – если действительно они имели место – не возымели действия. Год спустя, однако, под предлогом паломничества в Иерусалим аббат снова приехал, и на этот раз преуспел. Это был плохой год. Оппозиция плела интриги как в самом городе, так и за его стенами. Всем очень не понравилась десятина, и хотя Пьетро Орсеоло платил, как и прежде, он, без сомнения, понял, что щедрость и популярность – две разные вещи. Возможно, он начал подозревать в себе недостаток сил сопротивляться давлению, которое на него оказывалось. 1 сентября 978 года он принял легкое решение и сбежал. Под покровом темноты, в сопровождении зятя, Джованни Морозини, и некого Градениго – скорее всего, того, кто похоронил трупы Кандиано за два года до этого, – он перебрался через лагуну в Сант-Иларио, где их уже поджидали лошади. Перед побегом он сбрил бороду и ушел никем не узнанный. Через несколько недель бывший дож был уже в безопасности, в аббатстве своего друга. Он прожил там еще девять лет, там же, вплоть до 1732 года, хранилось его тело. В том году после канонизации его мощи по приказу Людовика XV вернули в Венецию.

²⁶ Для восстановления собора Сан Марко Пьетро Орсеоло заказал в Константинополе алтарь – об этом 1000 лет спустя писал Йетс – «из золотых пластинок и золотой эмали». Увеличенный и переделанный за многие столетия, теперь он известен как Золотой алтарь.

²⁷ Монастырь был уничтожен во время Французской революции, и хотя с тех пор был возрожден цистерцианцами, но уже не имел прежней славы. В музее «Метрополитен» в Нью-Йорке находятся реконструкции многих древних столиц.

Правление приемника Орсеоло, слабого и, возможно, больного Витале Кандиано²⁸, было лишь междуцарствием. Пробыв четырнадцать месяцев в этой должности, он удалился в монастырь и оставил трон еще одному члену своей семьи – Трибуно Меммо, или Меньо. Сказать о нем нечего, разве только что он был неплохим огородником и зятем убитого Пьетро. Этот факт не помешал ему после вступления в должность в 979 году объявить всеобщую амнистию тем, кто сбежал после убийства. Но если он надеялся тем самым восстановить мир в лагуне, то это ему не удалось. Венецию по-прежнему раздирала междоусобная борьба двух главных партий, сторонников Восточной или Западной империй. С одной стороны были Морозини, защитники старых связей с Византией, с другой – Колоприни, надеявшиеся на Западную империю и ее энергичного молодого императора Оттона II.

Оттон наследовал своему отцу в 973 году в возрасте восемнадцати лет. В последующие семь лет активно укреплял свое положение к северу от Альп, затем, в декабре 980 года, разгневанный и встревоженный набегами сицилийских мусульман в Апулию и Калабрию, он пошел на юг, в Италию, с целью окончательного освобождения полуострова от сарацин. Тот факт, что осажденные провинции в юридическом смысле были частью Византийской империи, не сильно его беспокоил. Его жена Феофания была сестрой двух совместно правивших императоров Византии – Василия II и Константина VIII, которые были слишком заняты внутренними проблемами, чтобы уделять внимание этим отдаленным и сравнительно неважным для них землям. Кампания шла успешно, но летом 982 года возле Стило на пути на юго-запад, в Калабрию, Оттона застиг врасплох отряд сарацин. Его армия была разбита наголову. Самому ему удалось, изменив внешность, спастись на проходившем корабле. Когда корабль подходил к Россано, император спрыгнул за борт и поплыл к берегу.

Его решимость осталась непоколебимой: в следующем июне он затеял в Вероне новую кампанию и возобновил договор с Венецией о торговле и обороне. Сделал он это, по всей видимости, с открытой душой, однако вскоре после этого к его двору явилась группа венецианцев под предводительством Стефано Колоприни. На площади Сан-Пьетро ди Кастелло Стефано убил одного из членов фракции Морозини, а потому вынужден был бежать, спасая жизнь. Сейчас он явился к Оттону с предложением. Несмотря на растущую мощь, Венеция до сих пор зависела от материка в отношении коммуникаций и снабжения. Если связь прервать, Венеция вынуждена будет принять Колоприни в качестве своего дожа, и он сделает город зависимым от империи. В этом случае весь венецианский флот будет в распоряжении Оттона, и он воспользуется им для следующей кампании против мусульман.

Амбициозный молодой император не мог удержаться от соблазна: ну как не прибавить к короне самый яркий драгоценный камень! Договор, который он только что продлил, был забыт. Вместо этого он объявил о немедленной блокаде республики. Его вассал, герцог Каринтии, по приказу императора закрыл Верону, Истрию и Фриули для торговли с Венецией, а Колоприни со своими соратниками занял стратегические позиции у дорог и рек. Осень сменилась зимой. Венеция еще не оправилась от потрясений предыдущих семи лет. Она была деморализована междоусобицами, к тому же Венецией управлял нерешительный и слабый дож. Ей угрожала двойная опасность – голод и завоевание империей. В одном отношении кризис был даже значительнее, чем в те времена, когда ей угрожал Пипин, а позднее – венгры. Тогда, по крайней мере, ее защищала окружающая коварная лагуна с отмелями и течениями, известными только местным морякам. На этот раз нападающими были сами венецианцы, и лагуна для них не являлась тайной. А сколько агентов и сторонников оставили они в городе? Охваченное паникой население напало на дома, которые оставил Колоприни, и полностью их уничтожило. Женщин и детей взяли в заложники. Затем, не зная, что предпринять, они стали ждать ответного нападения.

²⁸ Не следует путать с его тезкой, патриархом Градо. Родство с тем, более известным членом семейства, не установлено.

Этого не случилось. Стефано Колоприни внезапно скончался, а за ним в декабре того же 983 года последовал в могилу и сам император Оттон. Молодого человека, которому было всего 28 лет, погубила слишком большая доза лекарства (четыре драхмы алоэ). Мать императора, Аделаида, стала управлять от имени трехлетнего внука. Она, возможно, и продолжила бы блокаду, если бы не сильное влияние вдовы Оттона, Феофании, с которой она делила регентство. Самое большее, чего она могла достичь, это амнистии для сторонников Колоприни, которым было разрешено вернуться в Венецию. Лучше бы они не делали этого. Их старые враги, Морозини, не забыли о своем убитом родственнике и поклялись отомстить. В 991 году они напали на троих Колоприни, когда те садились на корабль возле заново отстроенного Дворца дожей. Их проткнули мечами, а тела сбросили в воду.

Несправедливо было бы обвинять в этом Трибуно Меммо. Он и в самом деле был родственником Морозини по линии жены. Когда Джованни Морозини вернулся в Венецию, устроив своего тестя в монастырь Сен Мишель де Кукса, то, став и сам монахом, стал подыскивать место для будущего бенедиктинского монастыря. Дож предложил ему маленький остров напротив дворца, известный ранее как Кипарисовый. Теперь он называется Сан-Джорджо Маджоре. Взгляды Меммо были известны, однако он отличался миролюбием, мягкостью, и после десятилетия относительного спокойствия ему менее всего хотелось видеть свой город раздираемым междоусобицами. Однако его осуждали, осыпали бранью, пока ему не осталось ничего другого, как последовать за двумя своими предшественниками. Он тоже удалился в монастырь, на этот раз – в монастырь Сан Дзаккария, находившийся за его прежним дворцом. Там он и закончил в неизвестности свои дни²⁹.

²⁹ Довольно удивительно, что этому дожу, который был сразу же забыт, первому поставили памятник в Венеции, хотя этого момента и пришлось дожидаться почти 500 лет. В конце XVI века Палладио перестроил церковь Сан Джорджо Маджоре, и в ней, в нише над символическим саркофагом, установили бюст Трибуно в знак признательности за то, что именно ему Джованни Морозини был обязан основанием этой церкви.

Глава 5

Непреклонная династия (991–1032)

*Трезубец Нептуна —
Царский скипетр мира.*

Антуан Лемьер (1723–1793)

Десятое столетие Венеция встретила в приподнятом настроении: она отразила нападение венгров. Дальше события развивались не так гладко. За прошедшие полвека судьба республики была вверена семейству Кандиано (по крови или по браку), за исключением двух лет, пришедшихся на короткое правление Пьетро Орсеоло II. Политика Кандиано довела Венецию до края бездны. Виной тому были высокомерие и амбиции, а также (как в случае с последним правящим членом этого семейства) полная неспособность брать на себя ответственность в моменты кризиса. Кандиано отвернулись от Западной империи, игнорировали Восток и поощряли внутренние междоусобицы. За последние годы Венеция оказалась сыта всем этим по горло. На случайного приезжего могли произвести впечатление внешние признаки процветания – корабли в гавани, торговля на Риальто, соболя, шелка и специи, но соседи уже не уважали и не боялись республику, как раньше. Ее авторитет увял, как, впрочем, и мораль. Национальная гордость, осознание, что здесь живет великий народ с особой судьбой, гордость, придававшая смелость и сплоченность основателям города, смотревшим на себя как на представителей особенного народа, с каждым годом убывала. Венеции отчаянно требовалась сильная рука, которая повела бы ее за собой, воссоздала бы из разрозненных людей народ, восстановила уверенность в себе и самоуважение.

И она ее нашла. Старый Пьетро Орсеоло, тринадцать лет назад сбежавший от семьи и ответственности, оставил после себя сына. Его тоже звали Пьетро. Сейчас этому сыну было всего тридцать лет, и в 991 году венецианцы избрали его своим новым правителем. Лучшего выбора и сделать было нельзя. Государственный деятель, воин и гениальный дипломат, Пьетро Орсеоло II возвышается над другими дожами своего времени, как гигант над пигмеями. Подданные с первого раза увидели его величие. С его избрания передача феодалов, так долго отравлявшая жизнь горожан, прекратилась, словно этого никогда и не было. Казалось, венецианцы снова стали взрослыми, ответственными и талантливыми людьми и готовы были следовать по пути славы за своим дожем.

Но слава для Венеции подразумевала успешную торговлю, и первой задачей Пьетро Орсеоло на посту дожа стало восстановление дружественных и взаимовыгодных торговых отношений с двумя империями. В течение года он договорился с Василием II в Константинополе о коммерческих условиях, более выгодных, чем когда-либо были у Венеции. Имперская хартия, датированная мартом 992 года, признала *bona fide*³⁰ венецианские товары – хотя на товары, доставляемые венецианцами из других земель, льгота не распространялась – по тарифам намного ниже тех, что поступали к ним от других иностранных купцов. Что немало важно, венецианские купцы в Константинополе с этих пор напрямую направлялись к великому логофету, высшему правительственному чиновнику, которого можно сравнить с современным министром финансов. Это освобождало их от задержек и срывов сделок, которыми была печально известна византийская бюрократия. В особых случаях их заслушивал сам импера-

³⁰ Надежное качество (*int.*).

тор. За это венецианский флот готов был переправлять имперские войска, как только у Константинополя возникала такая необходимость.

Дождобился успеха и у молодого императора Запада. Возможно, даже большего успеха, поскольку оба правителя испытывали в отношении друг друга восхищение и расположение. Оттон III был удивительным ребенком. Он родился в 980 году, а императором стал в трехлетнем возрасте. Возмужав, он соединил в себе традиционные амбиции своего рода с романтическим мистицизмом, унаследованным от матери-гречанки. Он мечтал о великой теократии, в которую вошли бы германцы, итальянцы и славяне, объединенные общим Богом и с двумя его наместниками – с ним самим и папой. Стремление воплотить эту мечту не мешало ему все же заниматься Италией больше, чем это делал до него его отец. Юношеское преклонение перед самым способным правителем к западу от Константинополя довершило остальное. В 966 году, впервые перейдя Альпы по пути на коронацию в Риме, Оттон сумел доказать свою дружбу. Сначала вынудил двух упрямых епископов вернуть Венеции некоторые территории, которые те несправедливо считали своими. Затем даровал дожу право строить на берегах Пьяве и Силе венецианские склады и фактории, одновременно гарантируя всем венецианцам безопасность и освобождение от налогов на имперской территории. Самое главное – он стал крестным отцом третьего сына Пьетро Орсеоло и на крещении в Вероне подарил ему собственное имя – Оттон.

Так к концу пятого года на посту дожа Пьетро Орсеоло II обеспечил коммерческие перспективы республики поддержкой двух главных сил христианского мира. На полноводных реках Северной Италии никогда еще не было столько венецианских барж, они утопали почти до ватерлинии под тяжестью груза: железа и дерева, зерна и вина, соли и – несмотря ни на что – рабов. Суда шли вверх по течению, грузы регистрировались в расчетных палатах Вероны, Пьяченцы или Павии, откуда их транспортировали по суше через Апеннины в Неаполь, Амальфи и соседние города или же через Альпы в Германию и Северную Европу. Другие, более тяжелые суда шли на юго-восток Адриатики, вокруг Пелопоннеса, снова на север в Константинополь и даже иногда в Черное море. Другие купцы все же сосредоточивались на новых рынках, которые до сих пор быстро расширялись, то есть в странах ислама. Прежде, хотя и торговали с арабами – вспомним, как венецианские купцы, зайдя по делам, прихватили из Александрии мощи святого Марка, – торговлю всегда сдерживали склонность сарацин к пиратству. Венеция не забыла об их нападении на лагуну 150 лет назад, которое с трудом удалось отразить. Западный христианский мир до сих пор чурался дружеских отношений с неверными. И это взаимное недоверие Пьетро Орсеоло собирался преодолеть. Он отправил своих послов во все уголки Средиземноморья – туда, где развевалось зеленое знамя Пророка, – в Испанию и в Северную Африку, к берегам берберов; в Сицилию и на Восток; ко дворам Алеппо, Каира и Дамаска, в Кордову, Каир и Палермо. Один эмир за другим любезно принимал венецианцев и соглашался на их предложения. Посланники с гордостью и удовлетворением привозили договоры дожу. Императоры на Востоке и Западе, с тревогой ожидавшие мусульманской угрозы, могли бы прийти в ужас от его поступков и обвинить в предательстве веры. Но Пьетро, истинный венецианец, предпочитал торговлю кровопролитию, ведь она была намного выгоднее.

Расширившейся венецианской торговле мешало только одно препятствие – славянские пираты на далматском побережье. Последний крупный поход против них – тот, который в 887 году возглавил Пьетро Кандиано, – закончился катастрофой и гибелью самого дожа, и, хотя лет шестьдесят спустя его внуку удалось в какой-то мере восстановить поруганную честь семьи и республики, опасность меньше не стала. Всю вторую половину X века Венеция вынуждена была платить ежегодную дань за право прохода ее кораблей по узкому Адриатическому морю. Но Пьетро Орсеоло шантажу не поддавался. Вступив в должность, он запретил позорную практику, а когда пришло время для следующей выплаты, направил в Далмацию шесть венецианских галер, чтобы те воспрепятствовали возможным ответным действиям пиратов. Разгорелся

бой. Остров Лисса³¹, один из главных пиратских оплотов, сдался венецианцам, и те радостно вернулись в лагуну, загрузив корабли пленниками обоих полов.

Венеция выиграла первый раунд, тем не менее пираты еще не были побеждены. В основном они сосредоточились в устьях Наренты и Цетины, и теперь обратили свой гнев на незащищенных жителей прибрежных городов. Эти люди не имели с морскими разбойниками ничего общего, отличаясь по национальности и языку. Пираты были хорватами, славянским народом, спустившимся с Карпат в VI и VII веке, в ходе славянской экспансии на Балканский полуостров. В X веке они образовали собственное государство. Это государство, однако, никогда не занимало все побережье Далмации. Население Пулы, Зары, Трау, Спалато³², а также многих других более мелких прибрежных селений составляли потомки латиноязычных племен, чьи предки были гражданами Римской империи. На своих хорватских соседей они смотрели как на варваров. Эти города, за исключением Зары, официально подчинялись Константинополю. Однако власть Византии была здесь скорее фиктивной, чем реальной. Как пишет один из историков Венеции Р. Чесси, «имя императора официально прославляли и уважали, однако на деле ему не подчинялись, да и сам он не отдавал приказов». Слишком хорошо зная, что помощи оттуда ждать нечего, они обратились к Венеции.

Если Орсеоло требовался повод для завершения начатой им работы, то лучшего было и не придумать. 9 мая 1000 года – это был день Вознесения – дож посетил мессу в соборе Сан Пьетро ди Кастелло и получил от епископа Оливоло освященное знамя³³. Оттуда он проследовал к бухте, где его ожидал большой венецианский флот, поднялся на борт флагмана и дал сигнал сниматься с якоря. Наутро, миновав Езоло, флот пришел в Градо, где патриарх – тот самый старый Витале Кандиано что после тридцати с лишним лет пребывания на посту бросил, похоже, политические интриги и стал преданным слугой республики, – с почетом принял их и передал дожу мощи святого Гермагора. 11 мая, подготовившись как в материальном, так и духовном отношении для предстоявших сражений, флот вышел в Адриатику.

По описанию дьякона Иоанна, поход к далматскому побережью похож больше на триумфальное путешествие, а не на военную кампанию. Епископы, бароны и приоры приветствовали венецианцев в каждом порту. В честь дожа устраивались пышные приемы, ему навстречу выносили святые реликвии, клялись в вечной преданности. Молодые люди при случае даже вступали на службу под венецианские флаги. В Трау брат хорватского короля добровольно ему сдался и даже выдал заложника в лице своего юного сына. Позднее тот женился на дочери дожа. И только дойдя до Спалато, Орсеоло вступил в непосредственный контакт с противником. Лидеры противоборствующей стороны пришли из дельты Наренты для переговоров. Пираты были не в том положении, чтобы выставлять жесткие условия: в ответ на уход венецианцев они соглашались отказаться от ежегодных податей и прекратить нападения на суда республики.

К сожалению, за удаленные от берега острова нарентинцы отвечать не могли. Жители острова Курзола оказались менее сговорчивыми, и их пришлось усмирять силой, а жители Лагосты, верившие в почти легендарную неприступность своей крепости, оказали еще более серьезное сопротивление. Но венецианцы не отступили. Они шли под градом камней, падавших на них с крепостных стен, и вскоре им удалось пробить брешь в основании одной из башен. Им повезло: осажденные хранили там запасы воды. Вот что пишет дьякон Иоанн, – как друг Орсеоло и самый преданный его слуга, он, скорее всего, там присутствовал:

³¹ Лисса – теперь остров Вис. Далматские географические названия представляют некоторую проблему, поскольку латинские или итальянские версии, обычно используемые большинством историков того времени, часто имеют мало сходства с современными славянскими названиями. В этой книге используются итальянские названия того времени, но все современные славянские эквиваленты будут поясняться.

³² Теперь Задар, Трогир, Сплит.

³³ Историк А. Ф. Гфререр полагает, что, возможно, на этом знамени впервые появилась эмблема Венеции с крылатым львом, держащим в лапах открытую книгу.

...утративший боевой дух противник сложил оружие и на коленях просил о даровании ему жизни. Дожд, как милосердный человек, решил помиловать их всех, однако настаивал на уничтожении города... Архиепископ Рагусы, вместе со священнослужителями, встретил дожд, поклялся в лояльности и выказал всяческое уважение³⁴... Снова заходя в города, по которым только что прошел, дожд триумфально вернулся в Венецию.

Подданные горячо его приветствовали, что и неудивительно. Сколько времени пираты Наренты будут держать свое слово, было неясно, но, по крайней мере, они увидели, что шутить с ними республика не намерена, и судьбу Лагосты они не скоро забудут. Кроме того, Венеция сейчас полностью контролировала восточное побережье Адриатики, чего раньше никогда не было. Официально побережье еще не являлось венецианской территорией. Города и селения Далмации, принеся клятвы верности и согласившись платить ежегодную дань³⁵, помнили о сюзеренитете Византии. Его, в свою очередь, с готовностью принимал и дожд. Теперь Венеция свободно могла открывать склады и фактории в главных морских портах и соответственно расширять торговлю в глубь Балканского полуострова.

Венеция и стратегически сильно выигрывала. С этих пор в случае опасности у нее был альтернативный источник продовольствия. Хотя острова Риаьто все еще не были застроены полностью, остававшиеся на них участки плодородной земли давно уж могли прокормить быстро растущее население. За провизией Венеция вынуждена была обращаться на континент, потому все так и были напуганы семнадцать лет назад, когда Оттон II устроил блокаду. В обозримом будущем подобная блокада стала бы лишь мелким неудобством. Корабли, отправленные через Адриатику, вернулись бы через несколько дней груженными зерном и провизией для нуждающегося города. Наконец, сосновые леса Курзолы и других островов гарантировали венецианским верфям неистощимый запас леса.

Помимо других почетных эпитетов, дожду присвоили почетный титул *Dux Dalmatiae* (герцог Далматский); и в память об экспедиции постановили: каждое Вознесение – в годовщину выхода флота – дожд, вместе с епископом Оливоло, патрициями и гражданами Венеции, будет выходить из порта Лидо в открытое море с благодарственной молитвой. В те времена служба была короткой, а молитва простой, хотя просили о самом важном: «О Боже, даруй нам и всем тем, кто поплывет вслед за нами, спокойное море». Дожд и его свиту вслед за молитвой опрыскивали святой водой, а певчие пели текст из пятидесятого псалма: «Окропи меня иссопом, и буду чист», а то, что оставалось от воды, выливалось в море. Позднее церемония усложнилась: в волны кидали золотое кольцо. Так постепенно церемония стала символизировать обручение с морем – *Sposalizio del Mar* – и оставалась таковой вплоть до конца самой республики.

Для Оттона III новое тысячелетие началось не столь благоприятно. Потакая своим необузданным политико-мистическим амбициям, молодой император поселился в Риме и построил на Авентине великолепный новый дворец. Здесь он жил, удивительно сочетая роскошь и аскетизм, в окружении двора, придерживавшегося византийских традиций. Ел в одиночестве с золотых тарелок, затем время от времени скидывал пурпурный далматик, надевал рубище пилигрима и босиком шел к какому-нибудь отдаленному святилищу. Однако он по-прежнему восхищался Венецией – возможно, видел в ней единственное место в Италии, где западная практичность и византийский мистицизм сливались в одно целое. Император надеялся когда-нибудь сделать ее инструментом своей итальянской политики.

³⁴ Последнее утверждение, необходимо отметить, горячо отрицают историки Рагусы (теперь Дубровник).

³⁵ С острова Раб десять фунтов сырого шелка; с Оссеро (Осор) на острове Серсо (Крессе) сорок шкур куниц; с Вельи (Крк) пятнадцать шкур куниц и двадцать лисьих шкур; с Полы (Пула) – 2000 фунтов масла для базилики Сан Марко. Спалато (Сплит) согласился экипировать две галеры и одну барку, когда венецианцы выходили в море.

Он был разочарован. Вскоре после возвращения дожа из Далмации императорское посольство прибыло на Риаццо с предложением о совместных операциях в Северной Италии, а Венеция ответила на него вежливым, но твердым отказом. Орсеоло понимал, лучше, чем любой его предшественник, как сильно судьба Венеции зависит от моря. Завоевание территорий на континенте величия ей не прибавляло. С другой стороны, он, возможно, был более заинтересован в другом предложении, которое приблизительно в это время было передано от императора дьякону Иоанну: Оттон должен нанести тайный визит дожу в Венеции, «чтобы услышать его мудрый совет и просто из любви к нему».

Трудно понять, чем была вызвана секретность. Быть может, император боялся покушения на свою жизнь? Историки говорят, что такая просьба была вызвана конфиденциальностью вопросов, которые он хотел обсудить, но публично объявленный визит не помешал бы обсудить что-то в приватной обстановке. В любом случае через день после отъезда Оттона император и дож должны были огласить сам факт переговоров, но не конкретные детали. В те времена, до крестовых походов, считалось необычным для императора покидать пределы своей империи, впрочем, и особого риска для него в этом тоже не было. Какими бы ни были причины, Оттон твердо настроился на встречу, и приготовления, в которых участвовал Иоанн как тайный эмиссар дожа, большую часть года сновавший между двумя правителями, шли труднее и дольше, чем могло бы быть в обычной ситуации. Впоследствии они осложнились еще больше: в феврале 1001 года народ Рима восстал против императора и изгнал его из города.

Оттон, похоже, не слишком опечалился. Пасху он отпраздновал в Равенне. Там дьякон Иоанн обсуждал с ним последние приготовления. Оттон публично объявил, что хочет подлечиться и провести несколько дней в монастыре Помпоза в устье реки По. В тамошнем аббатстве³⁶ для него все уже было готово, но через несколько часов после прибытия он незаметно удалился на берег, где его поджидало судно Иоанна, и доверенные люди повезли его в Венецию. На море разыгрался шторм. Спустя день и ночь судно подошло к острову Сан-Серволо³⁷, и там императора приветствовал дож Пьетро. Дьякон Иоанн оставил нам свидетельство очевидца. Ночь, по его словам, была такой темной, что эти двое едва могли разглядеть лица друг друга. Разговор начал дож. Настроение его было не самым лучшим. «Если вы хотите увидеть монастырь Сан Дзаккария, – сказал он, обращаясь к неясной тени подле себя, – вам лучше пойти туда немедленно, чтобы до рассвета оказаться в стенах моего дворца». К этому времени Оттон и его друзья, должно быть, изнемогали от усталости, но Пьетро был безжалостен. Ведь это император настаивал на секретности. Ведь это Оттон вовлек его в эти игры. Это, наконец, он вытащил его на забытый богом остров в холодную бурную ночь. Прекрасно, пусть теперь расхлебывает последствия.

В хронике дьякона Иоанна, да и в других источниках не содержится указаний на то, что Оттон хотел побывать в монастыре Сан Дзаккария, а если и хотел, то не с такой поспешностью. Орсеоло уступил и не стал сопровождать Оттона, а, напротив, поспешил во дворец – по всей видимости, подготовиться к приему императора. Скорее всего, подготовить для него ночлег.

Таинственная атмосфера соблюдалась на протяжении всего визита императора. Императорскую свиту дож принял публично на следующее утро, после мессы в недостроенном соборе Сан Марко. Посланники вручили верительные грамоты императора, который, по их словам, остался поправлять здоровье на Помпозе. Пьетро Орсеоло приветствовал их от имени республики и распорядился об их достойном приеме, а сам тем временем тайно удалился в восточную башню дворца, где секретно поместил Оттона с двумя слугами. Но тем не менее, рассказывает дьякон Иоанн, Орсеоло трапезничал вместе с остальными, поскольку «не мог проводить

³⁶ Церковь аббатства до сих пор стоит, вместе со многими монастырскими строениями.

³⁷ Сан-Серволо известен сейчас каждому венецианцу как место одного из двух главных домов для умалишенных. Эту функцию он стал выполнять с 1725 года, когда Совет десяти направил туда «одержимых из благородных семей для содержания их в надлежащих условиях».

весь день с императором из опасения вызвать подозрения своих подданных». Оттону это было на руку: одетый, как бедняк, он посещал другие церкви и памятники, к которым испытывал живой интерес.

Переговоры, без сомнения, велись, хотя отчетом о них мы не располагаем. Был совершен обмен подарками, среди них были императорский трон и скамеечка для ног из слоновой кости. В ответ Оттон освободил венецианцев от обязательства дарить ему каждый год *pallium*, или императорское одеяние. Это была форма дани, которую вместе с ежегодной выплатой пятидесяти фунтов серебра венецианцы отправляли со времен его деда, Оттона Великого. Чтобы еще больше укрепить дружбу, Оттон во второй раз сделался крестным отцом другого ребенка Пьетро, на этот раз новорожденной дочери, которую император лично окунул в купель. Затем, возможно, не более чем через два дня после своего приезда, он выехал из Венеции так же тайно, как и приехал. Сопровождали его лишь дьякон Иоанн и двое личных слуг. Остальная свита официально уехала на следующий день.

Вернувшись в Равенну, Оттон немедленно объявил, где он побывал. Очевидно по договоренности дож сделал такое же публичное заявление в Венеции. Если верить Иоанну, это заявление было принято с энтузиазмом. Опять трудно понять почему. Венецианцы очень любили пышные праздники, а тайный императорский визит лишил их великолепного зрелища. Однако заявление Орсеоло только поспособствовало престижу республики, не говоря уж о его собственном. Как-никак, впервые император Запада добровольно покинул пределы своего государства ради того, чтобы самому увидеть Венецию, помолиться ее святыням, восхититься ее красотой и испытать из источника ее житейской и политической мудрости. Мы можем лишь предположить, что благодарность жителей перевесила их разочарование.

От императорского визита Венеция получила больше пользы, чем Оттон. Решив вернуться в Рим, молодой император приготовился к осаде. Из Германии были вызваны подкрепления. Не успели они прибыть, не успела приехать нетерпеливо ожидаемая Оттоном византийская невеста – она уже была на пути из Константинополя, – как императора неожиданно сразила болезнь. По всей видимости, это была оспа. Оттон скончался в замке Патерно, возле Чивита Кастеллана 24 января 1002 года. Ему было всего двадцать два года. Удивительно – хотя в тех обстоятельствах к счастью, – он выразил желание быть похороненным не в Риме со своим отцом³⁸, а в старой столице Карла Великого – в Ахене. Группа верных сподвижников перевезла туда его тело через враждебную римскую территорию. Его могила и сейчас находится в ахенском соборе.

Смерть Оттона III не помешала Пьетро Орсеоло II проводить дружественную политику по отношению к Западной империи. Когда спустя месяц ломбардцы провозгласили королем маркграфа Ардуина и объявили о своем выходе из империи, Пьетро без колебаний принял сторону Генриха II (Святого) Баварского. За это в конце года он был вознагражден новой хартией, в которой Орсеоло именовали «дожем Венеции и Далмации» и подтверждали все предыдущие привилегии республики. К тому же император стал крестным его следующего ребенка. Были проведены обычные приготовления, и, когда в 1004 году Генрих нанес первый визит в Италию, этой чести удостоился последний сын дожа. Последовала церемония конфирмации, на которой император стал крестным отцом. Он дал мальчику свое имя. Взаимоотношения Венеции с империей сулили республике блестящее будущее.

Можно было ожидать, что дож изберет для такой чести старшего, а не младшего сына, но Джованни Орсеоло приберегали для Византии. Пьетро не хотел, чтобы его сближение с Оттоном или Генрихом помешало дружбе с Василием II. Его далматское приключение, если и

³⁸ Могила Оттона II до сих пор можно увидеть в соборе Святого Петра. Он – единственный император Запада, похороненный в Риме.

не закрепило на будущее отношения с Константинополем, то вызвало одобрение императора Восточной империи, чьи права он скрупулезно охранял, а потому тот был только рад, что Венеция берет на себя обязанности по поддержанию порядка в регионе, с которым сам он вряд ли бы справился. Дождь приобрел в глазах Византии еще большее уважение, когда совершил еще одну экспедицию, не такую крупную, но еще более смелую, принес тем самым мир городу Бари. В качестве столицы так называемой Капитанаты – византийской провинции Южной Италии, объявившей сюзеренитет над всей южной территорией от Террачины на западе до Термоли на Адриатическом побережье – Бари был самым большим и важным греческим поселением на полуострове. В апреле 1002 года он, однако, был атакован сарацинами и все лето находился в осаде. Затем 6 сентября венецианский флот под личным командованием Орсеоло прорвал блокаду, доставил в голодающий город провизию и после трехдневной битвы у выхода из бухты обратил захватчиков в бегство.

То, что вмешательство Венеции было добровольным – хотя у нее имелись и собственные причины для противодействия экспансии сарацин в Италии, – еще более повысило ее авторитет в глазах Византии. Орсеоло, должно быть, решил, что пришла пора усилить свои позиции. Взяв в соправители девятнадцатилетнего Джованни, он отправил его вместе с младшим братом Оттоном с визитом в Константинополь. Там предполагалось женить его на принцессе Марии Аргира, племяннице двух императоров³⁹. Церемония состоялась в императорской часовне, проводил ее патриарх в присутствии императоров. Они короновали новобрачных по православному обряду и даровали им частицы мощей святой Варвары. Затем последовала череда великолепных празднеств, после которых молодые удалились в предоставленный им дворец. По возвращении в Венецию молодая догаресса была на поздней стадии беременности.

Пьетро Орсеоло II находился теперь на вершине своей карьеры. Благодаря ему республика процветала и пользовалась всеобщим уважением. Его отвага позволила государству избежать двух главных опасностей – нашествий славян на востоке и сарацин на юге. Он упрочил венецианское влияние в Далмации. К тому же он связал семейными узами Византийскую и Западную империи и впервые за шестьдесят лет взял своего сына в соправители. Но по мере роста его власти и укрепления репутации множились и опасности, угрожавшие его величию. Неудивительно, что многие венецианцы начали задумываться, не закружилась ли от успехов его голова, не планирует ли, как многие его предшественники, втихомолку установить в лагуне наследственную монархию.

Затем его мир вдруг обрушился. Осенью 1003 года на южном небе появилась блестящая комета и оставалась там три месяца. Все знали, что это – знамение, и верно: на следующий год Венецию поразил голод. Далматские нивы, пострадавшие не меньше тех, что находились на материковой Италии, ничем не могли помочь. Следом пришла чума, унесшая среди многих сотен более скромных граждан молодого Джованни, его греческую жену и их новорожденного сына. Святой Петр Дамиани с плохо скрытым удовлетворением приписывает смерть догарессы божественной каре за ее сибаритские восточные привычки:

Такой роскошью она себя окружила, что гнушалась умываться простой водой. Служанки набирали для нее росу, падавшую с неба. В ней она и купалась. Пальцами к еде не прикасалась, а заставляла евнухов нарезать ее на маленькие кусочки. Она подцепляла их специальным золотым инструментом с двумя зубцами и клала в рот. Ее комнаты пропахли столькими благовониями, что мне и говорить о них тошно, а уж читатели и представить себе этого не смогут. Всевышнего возмутило тщеславие этой женщины, и потому Он

³⁹ Во время своего царствования Василий II Болгаробойца – один из величайших императоров Византии – официально разделял трон со своим братом Константином VIII. На самом деле Константин был человеком пустым, любителем удовольствий, и держался в тени, в политической жизни участия не принимал. В нашей книге он не упоминается.

свершил свою кару. Он поднял над ней меч Своего божественного правосудия, и ее тело начало разлагаться, наполняя спальню непереносимым зловонием, которого никто – ни горничная, ни даже рабыня – не могли вытерпеть. Только одна служанка, с помощью ароматических смесей, осталась исполнять свой долг. И даже она поспешно приближалась к своей госпоже и немедленно убегала. После долгих и мучительных страданий, к облегчению своих близких, она испустила дух⁴⁰.

Джованни и его жена умерли через шестнадцать дней, один после другого. Их похоронили в монастыре Сан Дзаккария в одной могиле. Пьетро Орсеоло был безутешен. Надежды на будущее растаяли. Хотя ему не исполнилось еще и пятидесяти, он утратил желание жить. Возможно, подобно отцу он искал утешения в религии. В отличие от старого Пьетро, в монастырь он не ушел. Вместо этого взял себе в соправители третьего сына, Оттона. Составил завещание, согласно которому основную часть своей собственности он передал церкви и бедным, а затем перешел в удаленное крыло дворца и перестал общаться даже с женой. Менее чем через два года, в 1008-м, он умер.

Юному Оттону было всего шестнадцать. В подобных обстоятельствах странно, что венецианцы не возражали против его совместного правления с отцом. Еще более странно, что они позволили ему наследовать трон. Насколько нам известно, ни одного голоса не было подано против него, самого молодого дожа в истории Венеции. Но в Средние века и мужчины, и женщины рано взрослели. Шестнадцатилетние полководцы, командующие армией, – явление не такое уж и редкое, а Оттон Орсеоло, похоже, казался старше своих лет. «Католик по вере, чист в помыслах, справедлив в суде, благочестив в религии, порядочен в повседневной жизни, богат, исполнен достоинств, а потому и был всеми признан настоящим наследником своего отца и деда» – так описал его Андреа Дандоло три века спустя, что хотя и является слабой гарантией исторической справедливости, но, по меньшей мере, согласуется с относительно непредвзятой точкой зрения⁴¹. Оттон Орсеоло и в самом деле унаследовал многие черты характера своего отца, в том числе вкус к роскоши и любовь к власти. Новый дож был знаком с имперскими дворами Запада и Востока. При одном дворе он младенцем прошел обряд крещения, в другом его не раз удостаивали почестей. Вскоре после смерти Пьетро он женился на венгерской принцессе, дочери канонизированного впоследствии короля Стефана. Этот брак еще больше укрепил его положение. Как и отец, он быстро создал себе репутацию блестящего правителя, насколько это было возможно среди традиционно строгих подданных.

Для молодого человека с большими амбициями политические водовороты не представляли опасности. В 1017 году старый патриарх Градо Витале Кандиано наконец-то скончался. Патриархом он пробыл более полувека. На его место Оттон назначил своего старшего брата, Орсо. До тех пор Орсо был епископом Торчелло⁴², и его епархию дож передал другому брату, Витале. Ему следовало бы хорошо подумать. Новому патриарху было не более тридцати, новому епископу – на десять лет меньше. Вспыхнули прежние обиды, горожане испугались, что братья Орсеоло планируют создать наследственную династию. Недовольство еще не достигло такой мощи, чтобы вызвать бунт, и несколько лет прошли относительно спокойно, однако это не означало, что Оттон может полагаться на добрую волю и поддержку людей. В 1019 году на

⁴⁰ Поскольку Петр Дамиани не называет Марию Аргира по имени и не упоминает о смертях, случившихся в то же время и по той же причине, ее мужа и сына, некоторые специалисты предполагают, что, возможно, он спутал ее с другой греческой догарессой – Теодорой, женой дожа Доменико Сельво. В связи с тем, что Сельво стал дожем только в 1071 году, а Петр Дамиани умер в феврале 1072 года, эта теория не кажется правдоподобной. Может быть, Петр не знал о чуме или умолчал о ней, чтобы не испортить впечатления от своего рассказа.

⁴¹ Записи дьякона Иоанна прерываются здесь, оставляя нас без подробного комментария свидетеля тех событий.

⁴² Нынешний собор построен в бытность пребывания Орсо на посту епископа Торчелло. Собор сохранился в том виде, в каком его оставил Орсо.

горизонте появилось первое предгрозовое облако. Все началось с назначением баварца Поппо Треффена патриархом Аквилеи.

История не знает более удачного примера феномена, столь типичного для Средних веков⁴³, – светский, амбициозный, воинственный священник. Прежде чем официально заявить о притязаниях на Градо, как на законную часть своего патриархата, Поппо объявил Орсо мошенником и узурпатором. Это заявление не нашло поддержки у папы, зато вызвало одобрение в самой Венеции, у фракции, настроенной против братьев Орсеоло. В 1022–1023 годах дож и его брат бегут из города и находят приют в Истрии. Но теперь настала очередь Поппо перехитрить самого себя. Без санкции папы он вошел в Градо и принялся систематически грабить церкви и монастыри, а захваченные сокровища посылать в Аквилею. Вот этого население Градо и Венеции уже не потерпело. Началась кампания в поддержку братьев Орсеоло. Те поспешно вернулись, на удивление легко выгнали Поппо и его приспешников и заняли прежние места: Орсо – в Градо, Оттон – во Дворце дожей.

Когда в 1024 году папа Иоанн XIX отверг притязания Поппо и восстановил права Градо как независимой епархии, могло показаться, что братья Орсеоло преодолели трудности и упрочили свою власть. Так бы все и было, если бы дож прислушался к народному мнению, но амбиции Оттона, как и раньше, оказались сильнее здравомыслия. Произошел скандал в связи с церковными назначениями. Враги Оттона действовали быстро и решительно. На этот раз у него не было возможности спастись. Его схватили, сбрили бороду и изгнали до конца дней в Константинополь.

Приемник Оттона, Пьетро Барболадо (чаще его называли Центранико), в момент своего возвышения мог похвастать только одним отличием: тридцать лет назад он украл из Константинополя мощи святого Саввы и поместил их в церкви Сан Антонио⁴⁴. Четыре года пытался он объединить город, но его усилия оказались напрасными. Старая политика Орсеоло – ввести наследственную власть – проявила себя в полной мере. В Константинополе император предоставил убежище Оттону (деверю его племянницы) и в гневе отменил торговые привилегии, которые в конце предыдущего столетия были пожалованы старому Пьетро. Новый император Западной империи последовал его примеру, а венгерский король Стефан, вознамерившись отомстить за сосланных дочь и зятя, напал на Далмацию и завоевал несколько прибрежных городов⁴⁵. Венецию разрывали междоусобицы. Среди группировок были сторонники семьи Орсеоло. Эта фракция по-прежнему была сильна и еще больше окрепла, когда правительство перестало справляться со множеством накопленных проблем, а горожане все больше с тоской вспоминали прошлое. Кризис наступил в 1032 году, Центранико заставили покинуть свой пост. Тогда Витале Орсеоло, епископ Торчелло, поспешил в Константинополь с приглашением к своему брату вернуться править Венецией. Тем временем третий брат Орсо, патриарх Градо, которому, как и Витале, удалось пережить политическую бурю, временно взял власть в свои руки.

Казалось, все шло к возвращению Орсеоло, но, приехав в Константинополь, епископ Витале нашел своего брата серьезно больным. Оттон умер, не успев вернуться в Венецию. Патриарх тем временем продолжал исполнять религиозные и светские обязанности, но сложил полномочия, как только до него дошло печальное известие. Попытка захватить власть еще

⁴³ По крайней мере, это относится к Западной Европе. В католическом мире традиция живет до настоящего времени.

⁴⁴ Они были возвращены 973 года спустя – в 1965-м – папой Павлом VI по просьбе православного патриарха. Он трогательно описал, как монахи монастыря Святого Саввы «до сих пор каждый вечер собираются возле пустой гробницы» («Таймс», 18 марта, 1965).

⁴⁵ Эта кампания, возможно, была возбуждена его племянником, сыном Оттона Петром, который жил тогда в Венгрии. Там он должен был со временем сменить на престоле Стефана. Петр без труда уговорил деда завоевать Далмацию ради рода Орсеоло, в отместку неблагодарным венецианцам, которые их изгнали.

одним членом семейства, неким Доменико Орсеоло, без труда была подавлена. Современный историк Р. Чесси отозвался о нем как о жалкой пародии – «*miserabile parodia*». Он продержался лишь день и ночь, после чего сбежал в Равенну.

Время рода Орсеоло прошло, и никогда уже это семейство не правило Венецией.

Глава 6

Норманнская угроза (1032–1095)

Смел был народ сей и в бое морском весьма сведущ, ведь императора просьба отбыла в Венецию, город на побережье, равно обильный богатствами и людьми, волнами крайнего севера Адриатики он омываем. Стены города того окружает море повсюду, так что не могут иначе как в лодке они добраться от дома и до дома. Живут постоянно они на воде, и никто из народов не превосходит их в битвах морских и в искусстве мореплавания⁴⁶.

Вильгельм Апулийский. Деяния Робера Гвискара

Бесчестная попытка Доменико Орсеоло захватить власть в Венеции оказалась катастрофической не только для него самого, но и для его семьи. Венецианцы, даже те, кто поддерживал возвращение дожа Оттона, были поражены его идеей, что высшая власть в городе стала прерогативой рода Орсеоло, и они убедительно продемонстрировали свое недовольство: выбрали дожем Доменико Флабьянико, богатого купца, торговца шелком, возглавившего бунт за шесть лет до нынешнего события. Антидинастические взгляды Флабьянико, а также старинные венецианские традиции стали основой широко распространенного мнения, что вместе с назначением нового дожа была пересмотрена конституция города, а практика назначения соправителей осталась в прошлом. Период тирании уступил место демократическим свободам. Один авторитетный источник⁴⁷ даже утверждал, что был издан специальный закон, согласно которому гонениям подверглась вся семья Орсеоло: им запретили занимать публичные должности, и это несмотря на то, что два прелата, Орсо и Витале, по-прежнему служили в своих епархиях до самой смерти. Фактически реформа заключалась не столько в смене законов, сколько в пересмотре отношения к ним. Традиции избрания дожей и прав народного собрания уже существовали. Все, что требовалось – это пытаться им следовать. И у Флабьянико такое желание было. Люди пошли за ним. За семь с половиной столетий до конца существования республики дожами снова и снова избирали представителей определенных семей, пользующихся влиянием. Учитывая то, что большую часть времени в Венеции формой правления была олигархия, было бы удивительно, если бы таких семей не было. Но только дважды за весь период венецианской истории мы находим одно и то же имя, появляющееся несколько раз подряд. В обоих случаях власть переходит от брата к брату, а не от отца к сыну, причем нет ни малейшего сомнения в том, что исход дела решили выборы. После падения семьи Орсеоло к практике двойного правления не возвращались и даже не предпринимали подобных попыток.

Одиннадцатилетнее правление Доменико Флабьянико стало вехой в истории Венеции. В то же время за этот период не происходило ничего значительного. Республика снова обрела мир, о борьбе фракций забыли, граждане смогли сосредоточиться на двух вещах, которые лучше всего у них получались, – сколачивании состояний и расширении и украшении своего города. Столь счастливое положение дел было, однако, нарушено со смертью дожа. Во время краткого периода междувластия небезызвестный Поппо из Аквилеи увидел еще одну возможность подчинить себе Градо при помощи своих головорезов. Он второй раз ворвался в ничего не ожидающий город и похитил несколько сокровищ, которые двадцать лет назад каким-то

⁴⁶ Перевод И. В. Старикова.

⁴⁷ Анонимный комментатор «Хроники» Андреа Дандоло. Версия, о которой идет речь, была описана в XVIII веке директором миланской библиотеки Амброзиана как «confusa indigestaque farrago» («неупорядоченная мешанина»).

образом ускользнули от его внимания. К счастью, Поппо почти сразу же умер, а его приспешники бежали, заведя приближение венецианского флота под командованием нового дожа, Доменико Контарини. Хотя официально эта акция в 1044 году была осуждена папой, а права и положение Градо восстановлены, соперничество двух епархий продолжалось еще долгие годы. Было бы еще больше неприятностей, если бы патриарх Градо после смерти старого Орсо в 1045 году благоразумно не решил бы сделать своей резиденцией Венецию. С тех пор связи с Градо еще больше ослабели, так что, когда в XV веке папа официально признал перевод патриархии, кроме титула, мало что пришлось изменить⁴⁸.

Дож Контарини помог Градо и провел всего один заграничный поход. Совершен он был в Далмацию в 1062 году. Ситуация здесь, особенно после вторжения венгерского короля Стефана сорок лет назад, в связи с давлением венгров, хорватов и византийцев становилась все более неуправляемой. Венецианцы вернули Зару, это не положило конец беспорядкам, но тем не менее убедило местное латинское население в том, что дож не зря носит титул герцога Далматского. В самой Венеции Контарини на протяжении двадцати восьми лет способствовал спокойному преуспеваютию республики, начало которому положил его предшественник. Дож с практичностью, присущей венецианцам, уделял большое внимание церкви, что способствовало славе города. По распоряжению Контарини на Лидо вырос великолепный бенедиктинский монастырь, посвященный святому Николаю Мирликийскому, покровителю моряков.

Нынешняя церковь Сан Николо ди Лидо – довольно невыразительное строение XVII века. О первоначальном проекте напоминают лишь две великолепные колонны в греко-венецианском стиле, украшающие вход в монастырь. Ансамбль не имеет ничего общего с магической красотой другой (куда более древней), посвященной тому же святому венецианской церковью Сан Николо деи Мендиколли⁴⁹. Над входом в церковь висит мемориальная доска в память о трех триумфах Контарини – далматской экспедиции, возвращении Градо и, наконец, победе над норманнами в Апулии. По поводу первых двух побед не возникает вопросов, а вот третья вызывает удивление. Норманнов в Апулии никто не побеждал. С венецианцами они встречались только на море, на юге Адриатики, сначала рядом с Дураццо (современная Албания), позже – в проливе Корфу, да и произошли эти сражения через десять-пятнадцать лет после его смерти. Контарини повезло, что не он воевал с норманнами, поскольку последняя и решающая битва закончилась поражением Венеции, что привело к падению его преемника, Доменико Сельво, считавшегося до той поры одним из самых популярных дожей в истории города.

Как именно Доменико Сельво заслужил свою популярность, сказать трудно, однако можем быть уверены, что любовью народа он и в самом деле пользовался, потому что, по счастливой случайности, до нас дошел отчет о его избрании, написанный священником церкви Санто Микеле Аркнаджели, неким Доменико Тино. Это самое раннее описание, сделанное очевидцем подобной церемонии, и оно позволило нам увидеть проявление политической воли горожан.

Это произошло в 1071 году. Поскольку в соборе Сан Марко шли восстановительные работы, выборы состоялись в новой монастырской церкви Сан Николо ди Лидо. Раньше, если в базилике невозможно было собраться, дожей избирали в соборе Сан Пьетро ди Кастелло, но церковь Сан Николо была гораздо вместительнее. Власти, возможно, надеялись, что выбор столь отдаленной церкви уменьшит количество присутствующих. Если это и в самом деле так было, их ожидало разочарование, поскольку Тино сообщает, что «бесчисленное множество

⁴⁸ Первый дворец патриарха в Венеции находился на Большом канале, между церковью Сан Сильвестро и мостом Риальто. Его можно увидеть в Академии на картине Карпаччо «Изгнание беса» – одной из серии картин, изображающих чудеса Святого креста.

⁴⁹ Недавно восстановлена британским фондом «Венеция в опасности».

людей, практически вся Венеция», переправились через лагуну «*in armatis navibus*» – фраза, предполагающая, что для такого случая была призвана часть военного флота Венеции.

Процедура началась с торжественной мессы, во время которой «под сопровождение псалмов и литаний» молились о божественном озарении для избрания дожа, «который был бы достоин своего народа и принят людьми. Громкий крик поднялся до небес, казалось, он был исторгнут из одной груди. Все присутствующие кричали снова и снова, все громче и громче: “*Domenicum Silvium volumes et laudamus!*”⁵⁰». Яснее выразить волю народа было вряд ли возможно. Выборы состоялись. Самые влиятельные горожане подняли новоизбранного дожа и над головами ликующей толпы понесли его на пристань. Хор пел «*Kyrie*» и «*Te Deum*»; звонили колокола; на бесчисленных сопровождающих процессию лодках гребцы плашмя били по воде веслами, усиливая шум оваций. Так продолжалось на всем обратном пути до города. Сельво, теперь босого, одетого в простую рубашку, торжественно привели в базилику, где среди лестниц и строительных лесов он простерся ниц на только что положенном мраморном полу и, воздав благодарственные молитвы, принял у алтаря жезл – символ власти. В этот момент – хотя Тино об этом не пишет – он, вероятно, впервые надел одеяние дожа и прошел ко дворцу, где подданные принесли ему клятву верности, а он в ответ роздал традиционные подарки.

Началось правление двадцать девятого венецианского дожа. Тино заканчивает свой отчет любопытной подробностью. «Без промедления, – пишет он, – дож отдал приказ о реставрации и украшении дверей, скамей и столов, поврежденных после смерти дожа Контарини». Почему, спросите вы, это было необходимо? Не существует никаких свидетельств об общественных беспорядках после смерти Контарини. Он пользовался популярностью у народа. Ведь если бы это было не так, вряд ли Сельво, один из главных его сторонников, был бы избран так быстро и с таким воодушевлением. Мы можем лишь предположить, что венецианцам кто-то вдруг дал плохой совет – перенять варварскую традицию папского Рима, когда после смерти понтифика толпа каждый раз рушила Латеранский дворец. Если это так, то эта практика не прижилась. В последующие столетия Дворец дождей не раз подвергнется атакам в моменты кризиса, но никак не в праздники. Возможно, в XI веке официальная позиция относительно смерти дожа не была прояснена. Вскоре все будет решено: человека, признанного виновным в захвате или повреждения собственности республики, заставят до конца жизни жалеть о своем преступлении.

Первое десятилетие правления Доменико Сельво было вполне мирным. Вскоре после вступления в должность он женился на византийской принцессе Феодоре Дука, сестре правящего императора Михаила VII, и восстановил отношения с Западной империей, подняв их на уровень, которого не было со времен Орсеоло, хотя едва избежал интердикта для себя и всей республики, когда разгорелась борьба между императором Генрихом IV и папой Григорием VII, известным более как Гильдебранд. В самой Венеции царил мир, и только в 1081 году, когда только что взошедший на трон византийский император Алексей I Комнин обратился за помощью ввиду норманнской угрозы, этот мир был нарушен.

Завоевание норманнами Южной Италии и Сицилии является значимым событием в истории Европы. В то время, когда Алексей обратился за помощью к венецианцам, в Апулии жили еще старики, помнившие отважных юных искателей приключений, которые тогда только начинали ковать себе судьбу с помощью мечей по ту сторону Альп. Не прошло и десяти лет, как они завладели всеми землями к югу от реки Гарильяно. В 1053 году они сокрушили значительно превосходившую их числом армию, лично возглавляемую папой. Норманны захватили его и девять месяцев держали в плену. Через шесть лет Роберу де Отвилю, прозванному Гвискарсом (Хитрецом), папа Николай II пожаловал герцогства Апулия, Калабрия и Сицилия. С последним он поспешил: Сицилией владели мусульмане. Прошло тринадцать лет, прежде чем

⁵⁰ «Желаем Доменико Сельво!» (лат.)

Палермо сдался армии Робера, а потом – еще двадцать, прежде чем его соотечественники безраздельно завладели всем островом. Но даже до падения столицы Робер Гвискар устремился в своих планах к тому, что находилось за пределами его герцогства. Он задумал самое амбициозное предприятие в своей удивительной карьере – поход на Византийскую империю и взятие Константинополя. Внутренние проблемы в Южной Италии несколько лет мешали осуществлению этого заветного желания, но в конце весны 1081 года его флот был готов к отплытию. Первой целью был Дураццо, откуда к имперской столице через Балканский полуостров вела извилистая дорога Виа Эгнация, проложенная восемьсот лет назад.

Византийский император Алексей Комнин, услышав о высадке Робера на имперской территории, тут же послал дожу просьбу о помощи. Вероятно, в этом не было необходимости: угроза Венеции, боявшейся уступить норманнам контроль над проливом Отранто, была такой же серьезной, как и для империи. Доменико Сельво не колебался и отдал приказ немедленно подготовить военный флот. Взяв на себя командование, дож вышел в море. Он едва успел. Помешал сильный морской шторм, который потопил несколько кораблей. Норманны уже бросили якорь на рейде возле Дураццо, когда туда подошли венецианские военные галеры.

Люди Робера Гвискара сражались упорно, но им помешало отсутствие опыта ведения морского боя. Венецианцы усвоили старый византийский прием подъема шлюпок на нос: оттуда моряки стреляли по врагам. Кажется, им был известен секрет греческого огня, поскольку норманнский хронист Джеффри Малатерра пишет о том, как «они изрыгали огонь, называющийся греческим, и его невозможно было погасить водой. От этого хитрого пламени сгорел один из наших кораблей прямо под морскими волнами». Против такой тактики норманны были бессильны: потрепанный флот с большими потерями вернулся в гавань.

Норманнская армия, сумев высадиться на берег, почти не пострадала и после восьмимесячной осады, во время которой однажды одержала сокрушительную победу над византийским войском, возглавляемым самим императором, принудила Дураццо сдаться. Алексей уже послал богатые подарки Венеции в благодарность за помощь. Император не был бы столь щедр, узнай он, что сдача города произошла в результате предательства местного венецианского купца, который открыл ворота за обещание жениться на одной из дочерей Робера Гвискара.

Первая победа Венеции над норманнами оказалась лишь временным успехом. После падения Дураццо местное население, не слишком-то лояльно настроенное к Византии, не оказало большого сопротивления наступавшей армии Робера Гвискара. В течение нескольких недель сдалась вся Иллирия, а вскоре и важный македонский город Кастория, в центре Балканского полуострова, последовал ее примеру. Если бы Роберу было позволено продолжить движение, нет сомнения, что на следующее лето он стоял бы у ворот Константинополя и до заветной цели – императорского трона – было бы рукой подать. Его беда в том, что в этот, самый критический момент папа потребовал, чтобы он немедленно вернулся.

О захвате Рима императором Генрихом IV осенью 1084 года, о том, как папа Григорий VII укрылся в замке Сант Анджело и как его освободил Робер Гвискар, в этой книге мы рассказывать не будем. Достаточно лишь отметить, что в этот *annus mirabilis*⁵¹ – когда рыцарь удачи обратил в бегство императоров Востока и Запада, а в его руках был самый могущественный из всех пап Средневековья – Робер, похоже, мечтал лишь о том, чтобы как можно раньше вернуться на Балканы. Он якобы поклялся жизнью своего отца не мыться и не бриться, пока он не вернется в армию, которую оставил в Кастории на сына Боэмунда. До него доходили сведения о контрнаступлениях византийцев на суше и венецианцев на море, о значительных потерях в его армии, и это лишь усиливало его нетерпение.

⁵¹ Удивительный год (*лат.*).

Он вернулся осенью, и оказалось, что положение даже хуже, чем он ожидал. Венецианский флот вернул и Дураццо, и Корфу. Территория, захваченная норманнами, ограничилась одним-двумя островами и короткой прибрежной полосой. Хотя Роберу было уже шестьдесят восемь, тревоги он не проявил. Вместо этого тут же затеял новый поход на Корфу. Плохая погода задержала его корабли до ноября, и когда они получили возможность выйти в море, то защитники успели подготовиться. У северо-восточной оконечности острова, за гаванью, их встретил объединенный греко-венецианский флот, обрушившийся на них всей своей мощью и принесший им не меньший урон, чем в прошлом году у Дураццо. И все же Гвискар не признал своего поражения. Через три дня он снова повел флот в атаку – и снова поражение, еще страшнее предыдущего! Уверенные в своей победе, венецианцы направили самые быстрые полубаркасы домой – сообщить об успехе на Риаљто.

На протяжении его долгой жизни люди часто недооценивали Робера Гвискара. И каждый раз, если им вообще везло остаться в живых после встречи с этим рыцарем удачи, враги горько раскаивались в своем заблуждении. В случае с венецианцами это было понятной ошибкой. После двух предшествующих сражений мало норманнских кораблей способны были продолжить плавание, а уж тем более решиться на третий бой. Но Робер, заметив, что полубаркасы скрылись за горизонтом, увидел свой шанс. Собрав все суда, которые еще держались на плаву, он направил их в отчаянную атаку на ничего не подозревавшие галеры противника. Гвискар рассчитал все правильно: венецианцы были захвачены врасплох и не успели перестроиться в защитный порядок. Что еще хуже, к тому времени они освободили большие корабли от балласта и провизии, и суда стояли на воде так высоко, что когда в пылу сражения солдаты и команда ринулись на один борт, многие из них опрокинулись. (Так, по крайней мере, рассказывает Анна Комнин, дочь императора, в удивительном труде, посвященном правлению ее отца.) В это трудно поверить, учитывая то, что нам известно о венецианском искусстве мореплавания. По оценкам Анны, венецианцы потеряли 13 000 человек, а в плен было взято огромное количество людей, о мучениях которых она рассказывает с мрачным удовлетворением. Наконец, она изобретает четвертое сражение, в котором венецианцы якобы отомстили, однако этим рассказом, к сожалению, придется пренебречь, понимая, что Анна принимала желаемое за действительное. В венецианских источниках сведений об этом нет, да и где-либо еще – тоже. Вряд ли тогда дож Доменико Сельво лишился бы своего поста.

Есть сомнение и в том, что во время той катастрофы дож командовал флотом. Если же это правда, его наказание нельзя считать таким уж незаслуженным. Впрочем, в других отношениях его политика была успешной. Готовность и энтузиазм, с которыми он откликнулся на призыв императора Алексея о помощи, заслужили Венеции вечную благодарность византийцев. Алексей не замедлил выразить ее в материальной форме: ежегодные субсидии всем городским церквям, включая отдельную выплату в казну собора Сан Марко, разрешение иметь якорные стоянки и склады в бухте Золотого Рога и, наконец, в 1083 году – расширение прежних торговых привилегий, освобождение венецианских купцов на всем пространстве империи от всяких таможенных, портовых и других сборов. Значение этой последней уступки трудно переоценить. Неожиданно и в мгновение ока венецианцы получили огромные территории, которые могли считать своими. Как сказал великий французский ученый Шарль Диль, «император распахнул перед ними ворота на Восток. С этого дня началась мировая венецианская торговля».

Но факт оставался фактом: в короткое время Венеция потерпела не просто поражение, она испытала унижение. Погибли ее лучшие моряки. Из девяти больших галер – самых больших и лучше всего оснащенных – две оказались в руках норманнов, а другие семь – на морском дне, уничтоженные народом, не имевшим опыта подобных морских сражений, и это в момент, когда их собственные суда в момент боя едва держались на плаву. Норманны снова стали контролировать подходы к Адриатике. Венецианцы не знали, что через несколько месяцев Робер Гвискар умрет от тифа на острове Кефалония, а его армия, сильно пострадавшая от

той же болезни, развалится. Они не знали, что норманнская угроза исчезнет, по крайней мере на время, так же неожиданно, как и возникла. Но в тот момент требовался козел отпущения, и им оказался сам дож.

Все произошло очень быстро. Сельво, похоже, даже не сделал попытки себя защитить. Его отстранили от власти и отправили в монастырь. До конца года на его место явился другой. Вероятно, воля Сельво была сломлена, и он был только рад уйти, но все же это был печальный конец правления, начавшегося тринадцать лет назад так благополучно.

Историк Андреа Дандоло обвиняет нового дожа, Витале Фальеро, в том, что тот «с помощью обещаний и подкупа убедил народ сместить его предшественника». Возможно, так и было, но Дандоло писал это 250 лет спустя, и его хроника в этом случае столь поверхностна и неточна, что вряд ли Фальеро возможно осудить только по этому свидетельству. Другой английский историк, Ф. Ходжсон, просто отмечает, что «за десять лет его правления произошло мало событий, и особых проблем не было», что, возможно, и справедливо.

Тем не менее в этот период в истории Венеции произошло одно великое событие – освящение нового собора Сан Марко, того самого, что стоит и поныне. Работа над третьей церковью, построенной на этом месте после прибытия останков евангелиста, была начата дожем Контарини и с большим энтузиазмом осуществлена Доменико Сельво. Тот пошел еще дальше: в начале своего правления распорядился, чтобы каждый венецианский купец, возвращающийся с Востока, привозил оттуда для базилики мрамор или красивые резные украшения. Тот же Сельво привез из Равенны художников для мозаичных работ, остающихся до сих пор лучшим украшением храма⁵². Очень хочется надеяться, что летом 1094 года ему разрешили на пару дней покинуть свою келью и присутствовать при церемонии освящения. Если это так, то возможно также, что он увидел несколько чудес, которые венецианцы – простые горожане, не склонные к полетам воображения, считают своими.

После того как первая базилика сгорела в огне 976 года, мощи святого Марка, как гласит легенда, бесследно исчезли. Никто не думал, что их поглотило пламя. Проблема была в том, что точное место их нахождения известно было только троим людям, но они погибли, так и не открыв свой секрет. Когда новая церковь была наконец построена, в городе объявили трехдневный пост, во время которого дож, патриарх, а также епископы и духовенство молились об обнаружении драгоценной реликвии. На третий день – это было 25 июня – их молитвы были услышаны. Во время торжественной мессы из южного трансепта донесся звук обваливающейся каменной кладки. Все взоры обратились туда. Люди увидели, что часть одного контрфорса упала, а за ней обнаружилось отверстие, из которого торчала человеческая рука. Все немедленно узнали руку евангелиста. Его мощи с ликованием вынули из тайника и погребли в склепе. Там они и оставались до 1836 года, после чего их перенесли под алтарь, где они и покоятся до сих пор⁵³.

Освящение третьего и последнего собора Сан Марко – случилось там чудо или нет – было событием, имевшим резонанс далеко за пределами лагуны. На Западе – в Равенне, Ахене или даже в Риме – еще не возводили такого роскошного храма, дома Божия. Это послужило наглядным доказательством не столько набожности венецианцев (они были не религиознее своих соседей), сколько богатства их торговой империи и национальной гордости, Европе доселе неизвестной, – эта гордость побуждала их жертвовать личные средства во славу своего города. Этот урок не прошел даром для императора Генриха IV, когда летом 1095 года он посетил Венецию. Со следующего года в течение столетия многочисленные принцы не упускали случая проехать через город по пути на Восток и обратно. Но прежде чем начался поток первых

⁵² Некоторые мозаики XI века сохранились до сих пор, в том числе портреты святых в нишах у двери, ведущей в притвор.

⁵³ Две восхитительные мозаики конца XIII века на торцовой стене южного трансепта иллюстрируют эту находку (рис. 18 и 19). Рядом, на контрфорсе, слева от алтаря находится памятная доска, отмечающая точное место, где случилось чудо.

«туристов», и даже спустя всего несколько недель после визита императора Витале Фальеро скончался от чумы. На Рождество его похоронили в базилике. Там до сих пор находится его могила, с правой стороны у центрального входа. Это – самый старый погребальный памятник в Венеции. Преемнику пришлось управлять республикой в опасные годы, завершившие столетие – годы Первого крестового похода.

Глава 7

По следам крестового похода (1095–1130)

*И как в венецианском арсенале
Кипит зимой тягучая смола,
Чтоб мазать струги, те, что обветшали,*

*Кто чинит нос, кто корму клепают;
Кто трудится, чтоб сделать новый струг
Кто снасти вьет, кто паруса латает,*

*Так силой не огня, но божьих рук,
Кипела подо мной смола густая,
На скосы налипавшая вокруг...*

Данте. Ад. XXI, 7–18⁵⁴

Это произошло 27 ноября 1095 года, когда дож Фальеро лежал на смертном одре. Папа Урбан II обратился ко всему христианскому миру с призывом защитить Восточную империю и паломников в Святой земле. Призыв папы быстро распространился по Европе, феодальные властители были полны энтузиазма. К 1 декабря граф Раймонд Тулузский и многие вельможи заявили, что к походу готовы. Из Нормандии и Фландрии, из Дании, Испании и даже Шотландии на зов откликнулись и принцы, и крестьяне. В Италии общая реакция была такой же. Жители Болоньи получили письмо от папы, предостерегавшего их от чрезмерного усердия и советовавшего не пускаться в путь без дозволения священников, и если это были недавно женившиеся мужчины, то и без согласия жен. Сын Робера Гвискара, Боэмунд, увидел шанс, которого давно дожидался, и собрал собственную маленькую армию. Пиза и Генуя, быстро обретавшие морское могущество, решили использовать все перспективы предстоящего похода и принялись готовить флот.

Но Венеция сомневалась. Ее восточные рынки были застрахованы, особенно Египет, ставший главным поставщиком пряностей, ввозимых из Индии и южных морей, и являющийся рынком для сбыта европейского дерева и металла. Осторожные венецианцы не поддавались порыву спасти Святую землю. Война мешает торговле, а хорошие отношения с арабами и турками-сельджуками, за четверть века захватившими большую часть Анатолии, были очень важны, так как именно они контролировали караванные пути в Центральную Азию. Новый дож, Витале Микеле, предпочитал выждать, оценить размах предприятия и его последствия в случае успеха, прежде чем решиться принять в нем участие. Только в 1097 году, когда первая волна крестоносцев уже продвигалась по Анатолии, он начал серьезные приготовления, и лишь в конце лета 1099 года, после того как франкская армия вторглась в Иерусалим, где учинила страшную резню (в городе было убито множество евреев, а в главной синагоге сожгли живьем всех молившихся), только тогда венецианский флот численностью в 200 судов вышел из порта Лидо.

Командовал им сын дожа, Джованни Микеле, а за души венецианцев отвечал Энрико, епископ Кастелло и сын бывшего дожа Доменико Контарини⁵⁵. Флотилия продвигалась по

⁵⁴ Здесь и далее перевод М. Лозинского.

⁵⁵ Название епархии изменилось с Оливоло на Кастелло. Впервые она стала так называться при Энрико.

Адриатике, заходя в далматские города и принимая на борт людей и военное снаряжение. Согласно одному свидетельству, император Алексей просил их не участвовать в походе и возвращаться домой. Алексея ужасали размеры армий крестоносцев. Когда он впервые обратился к папе, то ожидал, что на помощь ему придут отдельные рыцари или небольшие отряды опытных наемников, которые будут ему всецело подчиняться, но уж никак не прожорливые и недисциплинированные орды, религиозные фанатики и обыкновенные авантюристы. Они прошли через его владения как саранча, и уничтожили хрупкий мир между христианами и неверными, неустойчивое равновесие, от которого зависело выживание его империи. Они даже не ограничивались атаками на сарацин. В ту зиму флот Пизы осадил имперский порт Латакии, в то время как Боэмунд, успевший основать княжество в Антиохии, одновременно атаковал его с суши. Учитывая долгую историю дружбы Венеции и Византии и привилегированное положение венецианцев в империи, Алексей вряд ли ожидал от них подобного поведения. Сейчас он был разочарован крестовым походом. Если это называлось христианским союзом, то он бы предпочел действовать сам. Император яростно защищался в Латакии, и пизанские пираты вынуждены были отойти к Родосу.

Так впервые в своей истории венецианцы и пизанцы встретились лицом к лицу. Последнее, несмотря на недавнее поражение, настроены были воинственно. Венецианцы, наблюдавшие подъем могущества Пизы с недовольством, возраставшим год от года, не намерены были делиться с наглыми выскочками своими прибылями. Последовавшая затем битва была долгой и очень кровавой. Венецианцы добились своего: захватили двадцать пизанских кораблей и 4000 пленных (почти всех вскоре освободили). Им удалось вытеснить побежденного соперника из Восточного Средиземноморья. Как и все сражения такого рода, победа вскоре была забыта. Венеция выиграла первый раунд против своего торгового соперника, а вся борьба шла на протяжении долгих столетий⁵⁶.

Существует множество свидетельств о настроениях венецианцев, отправляющихся в крестовый поход. Прошло шесть месяцев, с тех пор как флот вышел в море, а республика все еще не нанесла ни единого удара во имя спасения христианства. Да что там, флот даже не приблизился к Святой земле. Как и всегда, на первое место Венеция ставила собственную выгоду, и даже когда зима сменилась весной, ее интересы требовали промедлить еще несколько недель. Незадолго до отправления епископ Энрико посетил церковь отца – Сан Николо ди Лидо – и молился там. Он просил, чтобы Бог помог ему привезти в Венецию мощи святого покровителя из Мир. Мир, епархия святого Николая и место его погребения, находится в континентальной Ликии, почти напротив Родоса. Город был сильно разрушен сельджуками, но большая церковь все еще стояла над могилой святого. Венецианцы высадились, ворвались в церковь и скоро обнаружили три гроба из кипариса. В первых двух находились останки святого Теодора и дяди святого Николая, третий, принадлежавший самому святому, оказался пустым. Они допросили церковных служителей, даже пытали их, стремясь выяснить, где святыня. Несчастные могли лишь сказать, что мощей у них больше нет, несколько лет назад они были вывезены купцами из Бари. Но епископ не мог в это поверить. Упав на колени, он громко молился, просил, чтобы ему открылось место погребения святого. И только собрались они покинуть здание, как в отдаленном углу церкви появилось свечение, и они увидели еще одну могилу. В ней – как рассказывает легенда – лежало неповрежденное тело святого Николая. Он сжимал в руке пальмовую ветвь, свежую и зеленую, которую принес с собой из Иерусалима. Все три тела были торжественно перенесены на корабли. Венецианцы завершили свою миссию и отправились наконец-то в Палестину.

⁵⁶ Есть картина, изображающая это сражение, написанная Вичентино. Она находится в северном овале, на потолке, в зале голосования Дворца дождей.

После захвата Иерусалима в 1099 году крестоносцы избрали своим королем Готфрида Бульонского (Годфруа Буйонского), герцога Нижней Лотарингии. Отказавшись надеть корону в городе, где Христос носил терновый венец, Готфрид принял титул «освободителя Гроба Господнего» и в этом звании в середине июня 1100 года получил сообщение о том, что к Яффе подошел большой венецианский флот. Бой ни в коем случае не был окончен, большую часть страны занимали сарацины, а морские силы герцога были слабы. Он поспешил к побережью поприветствовать венецианцев, но, когда приблизился к Яффе, почувствовал себя не лучшим образом. По пути остановился в Кейсарии и принял участие в пире, данном в его честь вассалом, сарацинским эмиром. Поползли слухи об отравлении. На самом деле он, скорее всего, заразился тифом. Готфрид едва был способен принять венецианских предводителей, а потому ему пришлось вернуться в Иерусалим. Для переговоров он оставил вместо себя кузена, графа Уорнера Грея.

Условия венецианцев бескорыстием не отличались. За свою помощь они попросили права на свободную торговлю во всем франкском государстве, церковь и рынок в каждом христианском городе и в дополнение каждый третий город из тех, что в будущем они помогут захватить. И, наконец, они потребовали город Триполи. И даже если все это будет им предоставлено, на Святой земле они останутся только на два месяца, до 15 августа.

Это была жесткая, типично венецианская сделка, а быстрота, с которой франки ее приняли, показывает, как сильно они нуждались в морской поддержке. Союзники договорились, что первой целью будет Акра, за ней последует Хайфа. К несчастью для крестоносцев, сильный северный ветер задержал корабли у Яффы, и, пока они там пережидали шторм, пришла весть, что Готфрид скончался. Возникла проблема: предводители франков хотели присутствовать в Иерусалиме во время выборов и передела завоеванных земель. С другой стороны, оставалось меньше месяца до отплытия венецианцев. Нельзя было отказываться от флота, за помощь которого заплатили такой дорогой ценой. В последующих переговорах стороны пришли к компромиссу: нападение на Акру будет отложено, первой целью станет Хайфа: она и ближе, и не так сильно укреплена.

Хотя Хайфу защищал маленький египетский гарнизон, население, в основном иудейское, оказало сильное сопротивление. Они помнили, что случилось менее года назад с их братьями в Иерусалиме, поэтому делали все, чтобы спасти город. Однако против венецианских баллист и осадных машин предпринять ничего не могли, и 25 июля – через неделю после смерти Годфрида – вынуждены были сдаться. Их страхи полностью оправдались: не многим удалось спастись. Большинство иудеев и мусульман были убиты на месте.

Вряд ли сами венецианцы принимали в побоище активное участие. Кровожадность они не отличались. Это были купцы, а не убийцы. Франки, напротив, замечены были в подобного рода резне не только в Иерусалиме, но и в Галилее. Факт остается фактом: это был военный альянс, и, поскольку Микеле, Контарини и их последователи присутствовали при этом, невозможно снимать с венецианцев ответственность за преступление. Сознали ли они это сами, сказать не можем. В отрывочных венецианских хрониках нет упоминания о каких-либо зверствах. Не сказано и о том, получили ли они обещанные награды, хотя, возможно, они согласились повременить с этим до выборов нового короля. Вскоре после падения Хайфы они отправились домой, захватив с собой, кроме трофеев и товаров из Святой земли, святые мощи из Мир. Свое возвращение венецианцы приурочили ко дню святого Николая. Их приветствовали дож, духовенство и народ. Мощи святого торжественно перенесли в церковь Доменико Контарини на Лидо.

Не прозвучала ли в этой церемонии фальшивая нота? Наверняка прозвучала, потому что служители в Мирах сказали правду. За тринадцать лет до венецианцев в Миры приехала группа купцов из Апулии. Они и похитили мощи святого Николая. Перевезли их в Бари, где немедленно началась работа над базиликой, названной в его честь. Теперь это – одна из лучших

церквей Италии, построенных в романском стиле. Поскольку склеп этой церкви в 1089 году был освящен самим папой Урбаном, а за годы строительства базилику, должно быть, видели бесчисленные венецианские моряки – на их глазах она становилась все выше и выше, – то вряд ли возможно, что дож и его советники не знали о притязаниях Бари. Насколько мы знаем, они не пытались опровергнуть заявления соперников. Мы можем лишь заключить, что все было основано на самообмане, и венецианцы, обычно такие здравомыслящие, способны были убедить себя в том, что черное – это белое. Пусть речь идет о чести и славе, но нельзя же пренебречь финансовой выгодой, получаемой от паломников. Потому они и заявляли, что настоящие мощи святого Николая лежат в его могиле на Лидо. Прошло несколько столетий, прежде чем это утверждение было опровергнуто.

Новый дож, избранный в 1102 году, после кончины Ви-тале Микеле⁵⁷, был фигурой загадочной. О его происхождении и прежней карьере нам ничего не известно, за исключением того, что он являлся еще одним членом семейства Фальеро. По поводу его имени, уникального для венецианской, да и для всей итальянской истории, – Орделафо – удовлетворительного объяснения никто так и не дал. Было отмечено, что это – венецианский вариант более распространенного имени Фаледро. В этой форме имя нового дожа является палиндромом. Кто знает, может, то был каприз со стороны родителей, назвавших так своего ребенка. Несомненно лишь, что это имя мы находим в нескольких документах того времени, а также, в сокращенной форме, под портретом дожа (в византийском императорском одеянии) на Золотом алтаре (Pala d'Oro) собора Сан Марко. В 1105 году Орделафо реконструировал и украсил этот алтарь.

Работы над Золотым алтарем, должно быть, еще продолжались, когда Венеция пострадала от первого из наводнений, которым она была подвержена на протяжении всей своей истории. Наводнения происходят от сочетания разных факторов – высоких приливов, сильных дождей, паводков, сильных и непрекращающихся юго-восточных ветров и других причин, которые лишь недавно были исследованы. Взятые отдельно, эти явления часто происходят и особых опасений не вызывают. Когда же они соединяются в одно целое, последствия бывают ужасными, в январе 1106 года это привело к катастрофе. Не следует доверять свидетельствам того времени о том, что сопровождало наводнение – жара не ко времени, от которой впадали в безумие и человек, и зверь; зловещее громохание в лагуне; рыба, в ужасе выпрыгивающая из-под воды; сверкавшие на небе метеоры. Венецианские наводнения драматичны и без этих предзнаменований. Вода сметает все на своем пути. От города Маламокко, бывшей столицы Венецианской лагуны, оплота, триста лет назад героически спасшего острова Риальто, не осталось ни единого камня. Размылась сама земля, на которой стоял Маламокко, и в XVIII веке во время отлива на дне лагуны еще можно было увидеть развалины домов и церквей. Те, кто выжил, бежали, прихватив с собой городские сокровища, которые еще можно было спасти, в том числе и драгоценную реликвию – голову святого Фортуната. Ее доставили на Кьоджу, куда вскоре после этого перенесли и старую епархию. Спустя много лет люди вернулись на Лидо, построили новый Маламокко и защитили остров от наводнений, укрепив его.

Несмотря на сильные разрушения, жители Риальто радовались тому, что удалось выжить, однако ужасный 1106 год еще только начался. Через несколько дней в одном из домов рядом с церковью Санти Апостоли вспыхнул пожар, перекинувшийся на другие здания. Прежде чем с ним удалось справиться, он уничтожил шесть приходов. 6 апреля того же года произошло еще одно, более сильное возгорание. Пожар стер с лица земли не менее двадцати четырех городских церквей. Некоторое представление о силе огня и ветре, раздувшем пламя, можно получить из

⁵⁷ Могилы Витале Микеле не сохранилась, и это странно, потому что могила его жены цела. Она умерла незадолго до мужа, и ее гробница находится в атриуме собора Сан Марко, неподалеку от могилы Витале Фальеро по другую сторону от главного входа.

того факта, что по меньшей мере один из потоков пламени пересек Большой канал⁵⁸. Не следует забывать, что в те времена небольшие церкви и почти все частные дома Венеции оставались деревянными. Только благодаря тому, что собор Сан Марко и Дворец дожей были построены из камня и мрамора, пострадали они не слишком сильно. С тех пор, однако, использование дерева для строительства везде, кроме самых бедных кварталов, не одобрялось. Разрушенные церкви восстановили из мелкого красного кирпича и твердого белого камня, привезенного из Истрии, – пусть дорого, зато крепко. Это и теперь основные строительные материалы в Венеции.

Следующие два года Венеция восстанавливалась после бедствий, свалившихся на город одно за другим в короткий срок, так что дож Орделафо решился на следующую экспедицию в Святую землю не ранее 1109 года. Он хотел ее возглавить сам. И снова мотивы венецианцев были далеко не бескорыстны. Крестоносцы постепенно основывали новые доминионы в заморских землях, христианское население начало туда прибывать, а рынки – расширяться. И время, когда Венеция могла использовать свою традиционную монополию на восточную торговлю, миновало. Пиза, похоже, совсем позабыла об обещании, данном ею десять лет назад в Родосе, и явно хотела утвердить себя в Восточном Средиземноморье. Еще одна поднимающаяся морская республика, Генуя, не намного от нее отстала. Венеция не желала терять свои позиции.

Летом 1110 года венецианский флот числом около ста судов вышел из лагуны и в октябре прибыл в Палестину. Очень вовремя. Король Балдуин I, бывший граф Булонский, сменивший на троне Иерусалима Готфрида и, в отличие от предшественника, со спокойной совестью принявший королевскую корону, в это время осаждал Сидон. Несмотря на помощь сильного скандинавского отряда, дела у него шли неважно, и неожиданное появление венецианцев, должно быть, показалось ему даром небес. Сидон сдался 4 декабря. Как ни странно, Венеция не получила ни земель, ни каких-либо привилегий. Вместо этого ей отдали часть Акры – в ее захвате шесть лет назад она не принимала никакого участия – и еще разрешили использовать собственные меры длин и весов, а также предоставили право на открытие местного представительства.

Эти подарки были приняты с благодарностью, поскольку Генуя и Пиза, сделавшие для успеха крестового похода гораздо больше, были вознаграждены наравне с Венецией. Без сомнения, венецианцы были довольны, тем более что они привезли еще одну важную реликвию – в Средние века это особенно высоко ценилось, – им достались сильно поврежденные мощи святого первомученика Стефана. По прибытии в Венецию дож Орделафо донес их на своих плечах до барки дожа. После ожесточенного спора между несколькими соперничающими церквями, хорошо сознающими ценность реликвии, мощи поместили в монастырской церкви Сан Джорджо Маджоре. С той поры почти семь столетий вплоть до падения республики в рождественскую ночь дожи возглавляли факельную процессию и присутствовали на вечерней службе⁵⁹.

И все же, несмотря на выгоду, извлеченную из этой экспедиции, и надежды на дальнейшие успехи, Венеция не была уверена в будущем. Лет через десять она отправила триста солдат, желая по полной программе использовать новые торговые возможности на Востоке. Для того чтобы выдержать соревнование с Пизой и Генуей, ей требовалось больше как военных, так и торговых судов. Дож Орделафо создал довольно амбициозный судостроительный проект. До тех пор корабельные плотники Венеции были рассеяны по лагуне, многие, если не все, занимались мелким частным строительством. Теперь судостроение сделалось национализированной отраслью. В качестве центра дож избрал два маленьких болотистых острова, прозванные «близнецами» («Zemelle» – на венецианском диалекте), в дальнем конце Ривы, с восточ-

⁵⁸ К счастью, пожар пощадил прекрасную маленькую церковь Сан Джакомо ди Риальто, построенную за несколько лет до бедствия. Церковь и рыночная площадь сейчас выглядят почти так же, как и тогда.

⁵⁹ Гробницу святого Стефана до сих пор можно увидеть в северном трансепте, куда она в 1581 году была перенесена из хоров.

ной стороны города. Через пятьдесят лет здесь вырос мощный комплекс из верфей, литейных цехов, складов и мастерских, в которых трудились плотники, канатчики и кузнецы. Данте описал их в «Божественной комедии» («Ад»). В английском и многих других языках родилось новое слово – «арсенал»⁶⁰.

Само собой, немало прошло времени, прежде чем Арсенал сумел увеличить темпы судостроения. Там было задействовано свыше 16 000 рабочих, почти все – специалисты в своей области. Работая из всех сил, за несколько часов они спускали на воду полностью оснащенные военные суда. На реформирование судостроения республики понадобилось около десяти лет. С этих пор Венецию врасплах было не застать: у нее всегда были наготове надежные суда. Теперь она могла планировать долгосрочные судостроительные программы, если того требовала ситуация и позволяли финансы. Еще важнее было то, что республика могла теперь, используя принципы стандартизации и взаимозаменяемости, создавать склады запасных частей, в результате даже крупный ремонт здесь осуществляли в кратчайшие сроки. При таких условиях можно было модернизировать и сами корабли, и технологию их изготовления. Неудивительно, что основание Арсенала совпадает с развитием прогрессивной технологии обшивки шпангоутов: корабль собирался на предварительно созданном рангоуте, а не строился, как раньше, – снизу, от киля до планширя. В XII веке Венеция начала строить корабли, предназначенные только для войны, и другие суда – для торговли.

Такое разделение функций не следует преувеличивать. Один из секретов роста могущества Венеции заключается в том, что республика никогда не рассматривала войну и торговлю отдельно. Капитаны ее военных кораблей – и тогда, и позднее – не возражали против попутной торговли, и потому многие военные экспедиции оказывались безубыточными, а торговые суда всегда могли защитить себя от пиратов, а иногда и от конкурентов. В феодальной Европе, где военная аристократия высокомерно пренебрегала торговлей, такая система представлялась невероятной, но в Венеции не существовало отдельного воинского сословия. Патриции были купцами, а купцы – патрициями, их интересы совпадали. На военных кораблях, созданных в Арсенале, предусмотрено было место для хранения дополнительного груза, а на торговых отводили достаточно пространства для оружия.

Однако и Арсенал не мог работать без материала. Дерево поступало с островов у далматского побережья, берега которого густо заросли лесом. Они казались почти неиссякаемым источником древесины. Проблема заключалась в том, что на эту территорию претендовала Венгрия. Венгерский король Коломан, захватив Хорватию, высадился на побережье и занял несколько главных городов, совершив тем самым акт открытой агрессии против Венеции, которая в тот момент завязла на Востоке, а потому ничем не могла ответить. Теперь, по крайней мере, она была способна отомстить. С помощью обоих императоров – Генриха V (посетившего Венецию два месяца назад) и Алексея Комнина – города были возвращены, но, увы, стоило победителям вернуться домой, как венгры снова нагрянули. Орделафо возобновил борьбу, но ненадолго. Через одну или две недели, летом 1118 года, его убили в бою под стенами Зары⁶¹.

За шестнадцать лет своего правления дож Орделафо Фальеро завоевал любовь и уважение своего народа. Он был прирожденным лидером. Увидев, что он упал, его сторонники – как все венецианцы, они не любили воевать на суше – запаниковали и обратились в бегство. Венгры бросились вдогонку... Уцелевшие, еще недавно так уверенно рвавшиеся в бой, вернулись домой с печальной вестью.

Преемник Орделафо, Доменико Микеле, хотя и участвовал в бою при Заре, бессилен был предотвратить бегство. Трусом он не был. «Хроника Альтино» описывает его как храбреца.

⁶⁰ Само слово произошло из арабского – Dar Sinf'a – «строительный дом».

⁶¹ См. картину Алиенсе в зале голосования во Дворце дожей.

С годами он не раз доказал свою отвагу. Будучи внуком дожа Витале Микеле и сыном Джованни, предводителя экспедиции на Восток 1099 года, он был воспитан патриотом, согласно венецианской традиции служения республике. И все же первое, что он сделал, став дожем, – направил делегацию к сыну Коломана, королю Стефану II, с предложением мира. Принимая во внимание слабость его положения, результаты, которых он добился, были замечательные. Стефан с готовностью согласился на пятилетнее перемирие, во время которого большая часть побережья, вместе с городами и столь важными лесами оставалась в руках венецианцев.

Такая щедрость со стороны венгров, возможно, до некоторой степени была вызвана известием, дошедшем из Палестины летом 1118 года. 2 апреля скончался король Балдуин. Через четыре месяца, 15 августа, за ним последовал император Алексей Комнин. Тем временем сарацины становились все сильнее. Будущее христианства на Востоке выглядело мрачно. Даже на Западе дела шли не лучшим образом. Старая борьба между империей и папством никак не разрешалась, и, когда в январе скончался папа Пасхалий II, императора Генриха V так возмутило избрание Геласия II, что он назначил антипапу и посадил его в Латеранский дворец, а Геласия отправил в ссылку. Такой пример вряд ли можно назвать поучительным, но христианским народам на тот момент было не до того. Два самых мощных государства в Центральном Средиземноморье должны были на время забыть свои противоречия ради Христа и общего блага.

Таковыми, по крайней мере, были доводы послов дожа, и король Стефан с ними согласился. Насколько искренно он верил Венеции, другой вопрос. У венецианцев было много достоинств, но, как уже отмечалось, особого желания участвовать в крестовых походах, утверждая христианство, у них не было. Интерес у них вызывали лишь открывавшиеся перспективы в торговле. Им было неважно, с кем торговать, с христианами или мусульманами, лишь бы товары доставлялись по выгодным ценам, да оплачивались бы вовремя. Прошло еще четыре года, прежде чем они организовали следующую экспедицию на Восток, а когда они это сделали, помыслы их были, по меньшей мере, не совсем благочестивыми.

В помощи венецианцев страшно нуждались. К тому времени новые заморские франкские государства переживали самый серьезный кризис в своей короткой истории. В июне 1119 года один из их принцев, Роджер Салернский, правитель Антиохии, погиб со всей своей армией в бою, прозванном «битва на кровавом поле». С этого времени христиане вынуждены были страдать от нехватки бойцов, и это именно в тот момент, когда они более всего требовалось. Их положение осложнял флот египетских Фатимидов, чье постоянное патрулирование побережья делало регулярные морские коммуникации почти невозможными. Король Балдуин II в ответ на известие о «кровавом поле» обратился просьбой о помощи к Венеции. Новый папа Каликст II поддержал его, и до конца года общее собрание граждан Венеции решило – хотя и не единогласно – откликнуться на этот призыв.

На их решение также повлияло другое соображение. Вот уже несколько лет ухудшались отношения с Византийской империей. Мы видели, что во время Первого крестового похода венецианцы не откликнулись на призыв Алексея Комнина вернуться домой. А росту их торговли, распространившейся в порты Эгейского и Черного морей, уже не хватало особых привилегий, пожалованных в 1082 году императором дожу Доменико Сельво. Процесс ухудшения отношений продолжился, пока торговля самой империи не оказалась под угрозой. Когда сын Алексея, Иоанн II, в 1118 году вступил на византийский престол, одним из первых его указов стала отмена привилегий. Он дал понять венецианцам, что они могут продолжать свою коммерческую деятельность, однако с этих пор ничем не будут отличаться от своих конкурентов.

Гнев, с которым эту новость приняли на Риальто, был в чем-то оправдан. Полагая, что договор 1082 года будет возобновлен, венецианцы понесли значительные затраты. Генуя и Пиза уже давали им повод для беспокойства, и на новое ущемление своих прав они ответили оружием. В августе 1122 года из лагуны вышел флагман дожа в сопровождении семидесяти одного

военного корабля и многих других более мелких судов. Они пошли крестовым походом на христиан, а не на неверных.

Первой целью флота стал Корфу, место, где сорок лет назад Венеция потерпела унижающее поражение от Робера Гвискара. Остров давно был важной византийской крепостью. Его охранял сильный гарнизон. Венецианцы осаждали его шесть месяцев. Возможно, задержались бы там и дольше, если бы их не призвал в крестовый поход корабль, посланный специально из Палестины с известием о новой беде: король Балдуин взят в плен. Требовалось их немедленное вмешательство ради сохранения латинского Востока. Дож Микеле нехотя отдал приказ поднять якоря, но даже и тогда он, похоже, не чувствовал реальной опасности. Во время неспешного путешествия на Восток он останавливался и нападал на торговые греческие суда. Если верить византийскому историку Иоанну Циннамусу, он даже свернул на север в Эгейское море и разграбил острова Лесбос и Хиос, а также Родос и Кипр, прежде чем в конце мая 1123 года бросил якорь в порту Акры.

Наконец-то венецианцы загладили свою вину. Египетский флот, как они узнали, оставил намерение блокировать Яффу и снова двинулся на юг. Теперь он пребывал возле Аскелона, единственной прибрежной крепости, кроме Тира, находившейся в руках мусульман. Только это и нужно было знать дожу. Он быстро выдвинул вперед флотилию маленьких кораблей, чтобы заманить египтян в бой. Основной его флот стоял в стороне, за линией горизонта. План прекрасно сработал. Не успели египтяне опомниться, как их окружили превосходящие силы противника. Вряд ли какое судно уцелело. Дож лично потопил флагман египтян. Его победа оказалась более значительной, чем он мог сознавать. После потери Сицилии и перехода ее в конце прошлого века к норманнам мусульманские корабельные плотники испытывали хроническую нужду в хорошем дереве, а потому вынуждены были рассчитывать на импорт из Европы. Когда по стратегическим причинам эти поставки прекратились⁶² – или практически прекратились, – они были уже не в состоянии строить новые суда и даже содержать старые. Победа Венеции возле Аскелона означала, что власти сарацин в Восточном Средиземноморье пришел конец.

Доменико Микеле с триумфом вернулся в Акру, захватив по пути десять доверху нагруженных торговых судов. Теперь нужно было совершить тяжелую сделку. Франки хотели воспользоваться венецианским флотом для захвата Тира или Аскелона, либо того и другого, но дож, столь убедительно доказав свою значимость, занимал сильную позицию. Переговоры тянулись несколько месяцев. К Рождеству они все еще продолжались. Микеле посетил праздника в Вифлееме, в Иерусалиме его по-королевски приветствовал патриарх и другие вельможи плененного короля. В первые недели 1124 года соглашение наконец было достигнуто и договор подписан. Условия оказались для венецианцев еще более выгодными, чем те, о которых договаривались в 1100 году. В каждом городе Иерусалимского королевства им пожаловали улицу с церковью, баней и пекарней, при этом освободили от всех налогов и таможенных пошлин. Было подтверждено их право пользования собственными мерами и весовыми единицами. Наконец, за помощь при захвате Тира и Аскелона им пообещали третью часть этих городов и принадлежащих им территорий.

Обговорив все детали, дож более не медлил, а направился к Тиру. Франкская армия одновременно осаждала город с суши. Тогда, как и теперь, Тир занимал конечную часть короткого и узкого полуострова. Единственной связью его с континентом был искусственный перешеек – чуть шире дамбы – его построил Александр Великий почти пятнадцать столетий назад. По перешейку был проложен акведук, дорога жизни для города, поскольку его собственные колодцы для населения не годились. Микеле вытащил на берег корабли, все, кроме одного, –

⁶² Первое такое эмбарго было провозглашено Пьетро Кандиано IV в 960 году.

тот патрулировал подходы к городу, – отрезал акведук, и 15 февраля 1124 года осада города началась.

Несмотря на постоянный обстрел из баллист и катапульт, жители Тира мужественно обороняли свой город. После зимнего дождя их цистерны были полны, и запасов пищи оставалось вволю. К тому же они надеялись на помощь египтян с моря или на наземную армию, обещанную эмиром Дамаска. Ни того ни другого они не дождались. Египетский флот еще не оправился после недавнего поражения, а эмир не решился прийти на помощь без поддержки с моря. В середине лета истощенный гарнизон вынужден был капитулировать. Согласно условиям сдачи, мародерства не было. Крестоносцы вошли в город 7 июля, над главными городскими воротами был поднят штандарт короля Иерусалима, а по бокам, на башнях, – флаги Триполи и Венеции. Микеле получил обещанную третью часть города, и там был посажен венецианский правитель. На этот район распространялись венецианские законы, а великолепную церковь называли церковью Сан Марко.

Так Венеция положила начало колониальной империи. Она просуществовала почти семь веков, до падения республики, дольше, чем любая другая империя в европейской истории. Но сам дож остался в Тире всего на несколько дней. Он лишь хотел убедиться в том, что франки держат слово. Прошло два года, с тех пор как он оставил Венецию. Хотя экспедиция была на редкость успешной, продолжалась она долго. Еще один прибрежный город оставался в руках неверных – Аскелон, и награда за помощь в его захвате обещала быть значительной. Но с Аскелоном пришлось подождать еще тридцать девять лет. Довольный достигнутым, Микеле вернулся домой вместе с флотом. Он задержался лишь для того, чтобы выгнать из Спалато венгров да совершить несколько рейдов на византийские острова. С собой он привез и другие реликвии – мощи святого Доната из Кефалонии (сейчас они находятся в изысканной романской церкви на острове Мурано), а также мощи святого Исидора, захваченные на Хиосе (правда, сделано это было не столь благочестиво, как об этом повествует роспись на стене его часовни в северном трансепте собора Сан Марко), и, наконец, гранитную плиту, на которой, как говорят, стоял сам Христос, обращаясь с проповедью к гражданам Тира (сейчас она венчает алтарь в баптистерии собора).

Доменико Микеле был восторженно встречен своими подданными, когда на следующий год одержал значительные победы над венграми в Далмации и византийцами в Кефалонии. При этом он заставил Иоанна Комнина вернуть все торговые привилегии, которые тот отменил при восшествии на трон. Репутация Микеле была полностью восстановлена. В последующие века она стала почти легендарной. Он единственный дож, которого трижды увековечили три разных художника в зале голосования Дворца дожей. Этот зал вместе с соседним залом Большого совета можно считать залом славы Венеции⁶³. Из трех представленных там событий только одно – победа, одержанная над египетским флотом у Аскелона, что над третьим окном со стороны Пьяцетты, – исторически достоверное. Далее, на той же стене, есть картина Алиенсе, на которой, как написано в стандартном путеводителе, «дож отдает приказ вынести суда на берег, дабы показать союзникам, что венецианские галеры не уйдут, пока Тир не будет взят». Ни один из хронистов того времени такой факт не упоминает. Вытаскивание кораблей на берег было обычной практикой, если их не предполагалось использовать длительное время. Так что нет причины предполагать, что Микеле имел тогда на этот счет какие-то особые соображения. Третья картина, на потолке, в маленьком овале, работы Бамбини, изображает дожа, отказывающегося от короны Сицилии. На самом деле ему ее никогда и не предлагали. Последние пять лет своей жизни он никуда не выезжал, а мудро сосредоточился на внутренних делах республики, где среди многих других дел организовал своеобразное уличное освещение, сделав

⁶³ В зале есть триумфальная арка, а на ней шесть маленьких картин Лаццарини (1655–1730), посвященных еще более прославленному дожу, Франческо Морозини.

тем самым Венецию первым городом Европы (возможное исключение – Константинополь), где по ночам регулярно зажигали огни. Уже в его время на углах каналов появилось множество маленьких типично венецианских часовен в честь Девы Марии или местных святых покровителей. Доменико Микеле в 1128 году распорядился с наступлением ночи зажигать перед каждым таким святилищем лампу. Ответственность за это возлагалась на местного епархиального священника, а расходы оплачивала республика. Затем, два года спустя, после одиннадцатилетнего правления, он снял с себя полномочия и удалился в монастырь Сан Джорджо Маджоре, где вскоре умер. Там находится сейчас его могила.

Глава 8

Между двумя империями (1130–1172)

*Народу над народом власть дая,
Она свершает промысел свой строгий,
И он невидим, как в траве змея.*

Данте. Ад. VII. 82

Избрание тридцатилетнего Пьетро Полани после ухода его тестя произошло в течение нескольких недель. В это время случилось два других события, куда более важных: норманнская Сицилия сменила статус и из графства превратилась в королевство, а граф Рожер II Отвиль, племянник Робера Гвискара, стал его королем. В глазах венецианцев, да и в глазах большей части Европы, способ, которым Рожер добился успеха, был небезупречен. За несколько месяцев до этого прошли выборы папы, пост понтифика оспаривали два кандидата, один из них, Иннокентий II, благодаря страстной поддержке его святым Бернаром Клервоским (1091–1153) заручился большей частью голосов, другой, Анаклет, обратился к Рожеру, а тот потребовал за свою поддержку королевскую корону. В таких обстоятельствах трудно было ожидать, что приверженцы Иннокентия признают новое королевство, которое к тому же считали своим Восточная и Западная империи. Их нежелание еще больше усилила скорость, с которой при Отвилях Сицилия достигла богатства, процветания и власти. В самом центре Средиземноморья, между трех континентов, остров контролировал торговые пути между Севером и Югом, Востоком и Западом. Его византийское и исламское прошлое, вкупе с растущим греческим и арабским населением, гармонично живущим рядом друг с другом, придавало сицилийским портам космополитический характер, с которым никакие другие города не могли сравниться. В прошедшие два года Рожер буквально впитал в свои владения всю южную часть итальянского полуострова, некогда собственность его слабых и беспомощных кузенов, а последний *coup*⁶⁴, после которого он стал говорить с принцами Европы на равных, не сулил ничего хорошего в будущем.

Нигде, кроме Венеции, не чувствовали так остро тревогу. Морское могущество Сицилии уже можно было сравнивать с венецианским. В то время как базары Палермо, Катаньи, Мессины и Сиракуз становились все более людными, на Риальто медленно, но верно дела приходили в упадок. Что еще хуже, венецианские торговые суда страдали от участвовавших атак сицилийских пиратов. К 1135 году их потери достигли 40 000 талантов. В том же году в Венеции остановились дипломаты из Константинополя, направлявшиеся ко двору императора Лотаря II. Они искали финансовой и военно-морской помощи в запланированной ими совместной экспедиции против так называемого короля Сицилии. Полани не только с энтузиазмом отозвался на предложение, но присоединил к византийской делегации своих представителей: нужно было придать обращению дополнительный вес.

Экспедицию должным образом подготовили. На следующий год войска вошли в Южную Италию, однако боевые действия велись в основном на суше, а не на море, и Венецию не пригласили в них участвовать. Оказалось, что это и к лучшему: несмотря на несколько тактических успехов, экспедиция не смогла подорвать сицилийское могущество и престиж. Старый император умер в декабре 1137 года на обратном пути через Альпы. Менее чем через восемь

⁶⁴ Ход (*фр.*).

недель за ним последовал антипапа Анаклет. В июле 1139 года папа Иннокентий ехал верхом во главе своей армии. Рожер заманил его в ловушку, взял в плен, а освободили его только после того, как тот неохотно признал своего захватчика законным королем Сицилии.

Норманнская угроза была больше, чем когда-либо, однако сделать в тот момент ничего было нельзя. Новый император Священной Римской империи⁶⁵, Конрад Гогенштауфен, был слишком занят внутренними проблемами Германии. Папская курия изменила свою политику и согласилась с тем, что на южной границе империи находится новое королевство. В Константинополе Иоанн Комнин твердо стоял на своем: он хотел сокрушить «сицилианского узурпатора», однако весной 1143 года во время охоты нечаянно поранился отравленной стрелой и через несколько дней умер от заражения крови. Дождь Полани, в свою очередь, был занят внутренними делами Венеции. В 1141 году городок Фано обратился за помощью: ему угрожали агрессивные соседи. Венеция никогда не упускала случая показать свою силу, а потому согласилась помочь. Условия первого договора, заключенного между республикой и другим итальянским городом, ясно показывают авторитет, который Венеция приобрела у населения Адриатического побережья. С этого времени каждый венецианец пользовался в Фано теми же привилегиями, что и местный житель. Люди из Фано, в свою очередь, были обязаны объявить себя подданными и союзниками республики, такими же, какими они были по отношению к Западной империи. Они должны были платить ежегодную дань в виде 1000 мер масла для освещения собора Сан Марко и ста мер – для Дворца дождей.

Через два года произошел конфликт с Падуей, которая вздумала без предупреждения изменить русло Brentы. Они хотели укоротить доступ к лагуне, но не понимали того, что венецианцы знали очень хорошо: малейшее вмешательство в географическую систему лагуны создавало риск нарушения равновесия вод на побережье, столь важного для выживания Венеции. Перспектива скопления песка вокруг Сант-Иларио и заиливания существующих каналов вызвала у венецианцев резкий протест, и, когда их протест проигнорировали, венецианцы взяли за оружие. Развязка была неизбежной: падуанцы не могли сравниться силой с соседями. После единственного короткого сражения они сдались, пообещав бросить свой проект и убрать последствия нанесенного ими урона. Что, однако, было более важным – и это единственная причина, по которой столь тривиальный инцидент упомянут в этой книге, – это то, что в первой сухопутной кампании Венеция использовала наемников, которыми командовали два знаменитых кондотьера той поры – Гвидо ди Монтеккио из Вероны⁶⁶ во главе кавалерии, и Альберто да Брагакурта, возглавивший пехоту. Какие на то были причины? Одна, без сомнения, заключалась в отсутствии у венецианцев опыта ведения боев на суше. Возможно также, что они почувствовали страх, превратившийся впоследствии в навязчивую идею, что каждый коренной венецианец, вернувшись с победой, будет пользоваться популярностью, не подходящей гражданину республики, и такая слава может быть опасна государству. Когда в последующих веках кондотьеры стали забирать власть то в одном, то в другом городе и оказывать решающее влияние на исход событий в Северной и Центральной Италии, выяснилось, что страхи венецианцев были небезосновательны.

Вслед за императором Иоанном Комнином на византийский трон взошел его сын, Мануил, молодой человек двадцати с небольшим лет. Он прославился красивой внешностью и, в отличие от отца, ксенофобией не страдал. Молодость его прошла в дружбе с франкскими рыцарями заморских христианских доминионов. Восхищение западным образом жизни он выразил, введя рыцарские турниры в Константинополе, чем шокировал людей старшего поко-

⁶⁵ Строго говоря, он не был императором, поскольку его не короновал римский папа. Конрад так этого и не добился, поэтому вынужден был довольствоваться положением некоронованного императора.

⁶⁶ Монтеккио – те самые Монтекки из «Ромео и Джульетты» Шекспира.

ления. Мануил был интеллектуалом и ученым, на него производили впечатление сообщения о блеске и роскоши двора в Палермо. Благодаря тому что Рожер покровительствовал искусству и наукам, его двор стал культурным центром Европы, местом, где ведущие мыслители трех крупных цивилизаций Средиземноморья – латинской, греческой и арабской – могли встретиться и обменяться опытом.

Мануил понимал опасность, исходившую от норманнской Сицилии. Но он также знал, что две трети Малой Азии – бывшей ранее главным источником для набора в византийскую армию – заняты теперь турками-сельджуками, да и его западная граница находится под постоянной угрозой. Поэтому его империя должна бороться за выживание. Прав ли был его отец в своем враждебном отношении к Сицилийскому королевству? Не благоразумнее ли попытаться прийти к соглашению? Вскоре после своего восшествия на престол он направил в Палермо делегацию, которая должна была выяснить возможности альянса, а укрепить его он надеялся, выдав византийскую принцессу за одного из королевских сыновей.

Если бы эти переговоры увенчались успехом, последствия для Венеции могли быть серьезными. Тогда Рожер смог бы контролировать пролив Отранто с двух сторон. К счастью, переговоры провалились, и Мануил задумался о собственной женитьбе на свояченице императора Конрада, что и осуществилось в начале 1146 года. Через три месяца, в Вербное воскресенье, произошло событие, оказавшее влияние на весь цивилизованный мир: святой Бернар Клервоский начал Второй крестовый поход.

Вмешательство святого Бернара в политическую жизнь Европы – от которого он, к сожалению, всю свою жизнь не в силах был отказываться – заканчивалось почти всегда катастрофой, но ни одно из них не потерпело столь унижительного фиаско, как эта экспедиция, возглавляемая совместно германским королем Конрадом III и французским королем Людовиком VII. Целью похода было возвращение Эдессы, захваченной сарацинами, и усиление на Востоке франкской власти. Бесчисленные тысячи людей умерли, не добравшись до Святой земли. Те, что уцелели во время путешествия, бежали после первого и единственного вооруженного столкновения. Из-за скудости источников сведений о венецианской истории того времени мы не знаем, принимал ли участие в этих событиях венецианский флот. Хотя один хронист – Марино Сануто-старший, писавший в начале XIV столетия, – рассказывает о *magnū auxilium*⁶⁷, направленной республикой под командованием Джованни Полани, брата дожа. Это сообщение не подтверждается другими историками крестового похода, а потому им можно было бы пренебречь. Но венецианцы не надолго оставались в покое. В первые недели 1148 года они получили срочное сообщение от Мануила: против его империи вышел сицилийский флот.

Флотом командовал Георгий Антиохский, левантский грек скромного происхождения, первый обладатель высшего титула норманнской Сицилии – эмир эмиров. Он стал адмиралом⁶⁸ и главным министром королевства. Сначала он взял Корфу, который сдался без боя, и охотно принял под командование сицилийский гарнизон в составе 1000 человек. Обогнув Пелопоннес и высадив в стратегических точках вдоль берега другие вооруженные отряды, он взял курс на север до Эвбеи, по пути грабя города. Особенно большая добыча досталась ему в древних Фивах, центре византийского шелкового производства. Оттуда он вывез в Палермо не только тюки дамаста и парчи, но и высококвалифицированных еврейских работников в целях улучшения производства в королевской шелковой мастерской, бывшей к тому же еще и гаремом. На обратном пути адмирал разграбил Коринф. Его суда – по словам византийского историка того времени Никиты Хонианта (Акоминанта) – «осели в воду так низко, что напоминали больше купеческие, а не пиратские корабли, какими были на самом деле».

⁶⁷ Большая помощь (лат.).

⁶⁸ Это слово в норманнской Сицилии трансформировалось из арабского слова «эмир».

Никита прав: это было пиратство. Но не только. У короля Рожера иллюзий не было. Поскольку попытка союза между ним и византийским императором сорвалась, он знал, что это лишь вопрос времени: Мануил, возможно, договорится с Венецией и Священной Римской империей и выступит против него. Его собственные действия ускорят атаку – неплохая вещь сама по себе, поскольку Мануил может нанести удар раньше, чем подготовится, – но он, по крайней мере, завладел стратегическими точкам на Балканском полуострове и Корфу, главном плацдарме, откуда в Южную Италию мог бы прийти любой противник.

Ни один венецианец за просто так ничего не делал, и Мануил дал им дополнительные торговые привилегии на Кипре и Родосе, как и в собственной столице, прежде чем получил то, что хотел, – полную поддержку военного флота республики на шесть месяцев. Тем временем он отчаянно готовил собственный флот, около 500 галер и 1000 транспортных судов – достойный ответ армии, насчитывающей 20 или 25 тысяч человек.

С самого начала этой внушительной объединенной военной силе не благоволили звезды. Хотя встречу назначили на апрель 1148 года, обе стороны сильно задержались: на греков неожиданно напали половцы, племя из степей Причерноморья, которым вздумалось в этот момент перейти через Дунай на территорию империи. Венецианцев задержала смерть дожа Полани. Только осенью два флота встретились в южной части Адриатики и начали осаду Корфу, и только весной армия могла к ним присоединиться. Во главе войска стоял сам император.

По прибытии Мануил обнаружил, что осада идет плохо. Цитадель с гарнизоном Рожера находилась на скале, нависшей над морем, до нее не доставали византийские баллисты. По словам Никиты, греки, казалось, стреляли в небо, в то время как сицилийцы спокойно выпускали на противника дождь стрел и водопад камней. (Непонятно было, как в прошлом году они безо всяких усилий овладели крепостью.) Еще более зловещим выглядело неуклонное ухудшение отношений между греками и венецианцами, дошедшее до кульминации, когда последние заняли соседний островок и начали обстреливать византийские суда. Позднее им удалось завладеть императорским флагманом. Там они устроили спектакль: издеваясь над смуглой кожей императора, надели на эфиопского раба императорские одежды и устроили пародийную коронацию на палубе, так чтобы их видели греческие союзники.

Этого оскорбления Мануил венецианцам не простил. На тот момент, однако, они были его союзниками, и заменить их никто не мог. Благодаря природному терпению, такту и обаянию он восстановил отношения и взял руководство осадой на себя.

К концу лета Корфу пал, возможно из-за предательства. Если верить Никите, командир гарнизона впоследствии поступил на службу к императору. Радость Мануила, должно быть, была омрачена, когда он услышал, что Георгий Антиохский через Дарданеллы и Мраморное море привел к самым стенам Константинополя флот из сорока кораблей. Высадка, к счастью, была предотвращена, но сицилийцев это не смутило: они проплыли до Босфора, разграбив несколько богатых вилл на азиатском берегу, а на обратном пути вдобавок выпустили еще и одну или две стрелы в сад императорского дворца. После возвращения Корфу Мануил не смог закрепить победу. Ему срочно пришлось уехать на север – подавлять очередной бунт на Балканах, к которому Рожер, чьи дипломатические сети протянулись далеко за пределы Сицилии, вполне мог приложить руку.

Так окончилась война с Сицилией, от которой и Венеция, и Византия так много ожидали. Кроме возвращения единственного острова, захваченного за два года до этого, они ничего не добились. Сицилийские гарнизоны по-прежнему стояли вокруг греческого побережья. Король Рожер по-прежнему правил Сицилией, и его влияние на Европу и Средиземноморье было ничуть не меньше. Как оказалось, самым значительным результатом той войны был, возможно, и самый негативный, ибо в том первом печальном скандале между двумя так называемыми союзниками в водах Корфу появились первые семена углубляющейся враждебности между

республикой и империей, принесшие ядовитые плоды через пятьдесят пять лет, во время Четвертого крестового похода.

Когда весной 1148 года, откликнувшись на византийский призыв о помощи, дож Полани вывел флот из лагуны, он был уже болен. Добравшись до Каорле, он вынужден был вернуться. Через несколько недель дож умер. Следующие семь лет и семь месяцев Венецией управлял Доменико Морозини. Его семья играла ведущую роль в венецианских делах добрые двести лет и в последующие века. Кроме Доменико, она дала республике еще троих дожей. Правление Доменико стало для его подданных счастливым. К концу 1149 года сицилийцы обрели мир. На картах великого арабского географа Абу Абдуллы Мохаммеда аль-Идриси, проведенного пятнадцать лет при дворе Палермо и к чьей работе король Рожер проявлял большой личный интерес, северная Адриатика обозначена как *Gulfus Venetiarum* (Венецианский залив), а после смерти Рожера в 1154 году его сын и наследник Вильгельм I официально признал зоной венецианского влияния воды к северу от линии, идущей на запад от Рагузы. Несмотря на инцидент с Корфу, отношения с Византией продолжались якобы на дружеской основе. Торговые договоры начали приносить прекрасные плоды, в то время как в Западной империи племянник Конрада Фридрих Швабский, наследовавший в 1152 году дяде, без возражений подтвердил венецианские привилегии. Неудивительно, что правление Морозини привело к очередному строительному буму. Самым значительным было завершение строительства кампанилы Сан Марко, начатого 250 лет назад.

А над континентальной Италией между тем быстро сгущались тучи. Тридцатидвухлетний Фридрих (из-за рыжевато-каштановых волос и бороды его прозвали Барбароссой) стал императором с одной целью. «Я желаю, – признался он папе, – возродить древнее величие и великолепие Римской империи». Такая концепция не оставляла места для компромисса ни с Византийской империей, ни с Сицилией, а уж тем более – с городами Северной Италии, вдохновляемыми Миланом, чей дух независимости, подпитываемый на протяжении долгих лет бесконечной чередой пап, борющихся за престол, был не менее силен, чем стремление Фридриха подавить его. Сила этого духа, однако, искренно удивила его, когда в октябре 1154 года он въехал в Италию на церемонию коронации. Все города и деревни выслали в Ронкале своих представителей, но в отличие от тех немногих, кто видел в империи возможность сбросить господство Милана, подавляющее большинство намеревалось уйти от старых феодальных отношений и принять республиканское самоуправление. Фридрих тем не менее гнул свою линию. Милан на тот момент был для него слишком силен, зато его маленький союзник, Тортон, после героического двухмесячного сопротивления был полностью уничтожен.

Дав этот наглядный урок, весной 1155 года Фридрих продолжил поход на юг, к Риму. Путь человека, не склонного к компромиссам, не был гладким. Первая его встреча возле Сутри с недавно избранным папой Адрианом IV – единственным англичанином, занимавшим трон святого Петра, – осложнилась в связи с отказом императора от традиционного обычая вежливости – придерживать папские стремена во время спешивания понтифика. Папа ответил тем, что отказал Фридриху в поцелуе мира. Прошло два дня, прежде чем приступили к переговорам. Когда день или два спустя Фридриха приехала поприветствовать делегация от римского сената и попросить денег и гарантий, которые обычно давали императоры во время коронации, он их выдворил, что повлекло за собой более серьезные последствия. Благодаря остроумному плану папы 17 июня Фридрих сумел незаметно проскользнуть в Рим на восходе солнца, где и совершилась тайная коронация, но через несколько часов город восстал против него, а к ночи более тысячи римских мятежников и солдат императора лежали мертвыми на улицах и на дне Тибра.

Хотя Венеция и послала в Ронкале своих представителей, тем не менее сделала все возможное, чтобы остаться в стороне от последовавших событий. Как независимый город-республика, освободивший себя от имперского контроля, она не могла не испытывать сочувствия к

ломбардским городам, старавшимся сделать то же самое. С другой стороны, все ее политическое и экономическое развитие шло по совершенно другому пути, так что о настоящей близости между ними не могло быть и речи. В отличие от этих городов, Венеция была мировой державой, ее внешняя политика, тонкое дипломатическое маневрирование связывало республику не только со Священной Римской империей, но и с Византией, норманнской Сицилией, папством и государствами крестоносцев, не говоря уже о сарацинах как из Северной Африки, так и с Ближнего Востока. В этот исторический момент, когда ее отношения с Мануилом Комнином становились все более натянутыми, а итальянские рынки все более выгодными, ей не хотелось лишиться раз злить Фридриха Барбароссу. Когда в 1136 году дож Морозини скончался, то оставил после себя республику, не присоединившуюся к той или иной стороне.

Его преемник, Витале Микеле II, сделал все возможное, чтобы придерживаться той же нейтральной позиции, однако действия Фридриха в Италии вынудили дожа нарушить нейтралитет. Перейдя через Альпы в 1158 году во главе армии, гораздо более сильной, чем та, которую он привел сюда четыре года назад, император созвал второй собор в Ронкале, где выказал еще более непримиримое отношение к ломбардским городам, и, хотя некоторые города все еще оставались к нему лояльными, через несколько недель большая часть Северной Италии открыто выступила против него. Тем временем по Апеннинскому полуострову прокатилась большая волна протеста против империи. Требовался центр сопротивления, большая сила, способная выразить надежды и идеалы тех, кто стоял за свободу против тирании, за республику против империи, за Италию против Германии. К счастью для осажденных городов, две такие силы оказались под рукой: папство и королевство Сицилия.

За два года до этого, в 1156-м, папа Адриан и король Сицилии Вильгельм подписали в Беневенто договор. С тех пор, работая вместе и по отдельности, папские и сицилийские дипломаты многого добились, и в августе 1159 года представители четырех решительно настроенных итальянских врагов Фридриха – Милан, Крема, Брешиа и Пьяченца – встретились с папой в Ананьи и в присутствии посланников короля Вильгельма поклялись в том, что первоначальное соглашение станет основой великой Ломбардской лиги. Города пообещали не иметь дел с империей без согласия папы, а папа, в свою очередь, должен был отлучить императора от церкви через сорок дней после предупреждения.

Это был последний политический шаг Адриана. Он был болен и вечером 1 сентября 1159 года умер от ангины. Его смерть дала возможность Фридриху Барбароссе затеять еще одну интригу. Узнав, что следующий избранный папа наверняка продолжит линию своего предшественника, император сознательно устроил раскол в папской курии. Как только кардинал Роланд из Сиены – будучи канцлером Адриана, он являлся главным лицом по вопросам внешней политики – в соборе Святого Петра начал подниматься на престол, чтобы занять его под именем Александра III, его коллега, кардинал Октавиан из базилики Санта Цицилия, неожиданно схватил папскую мантию и надел ее на себя. Сторонники Александра выхватили ее, но Октавиан заранее принес с собой еще одну, которую надел на себя, после чего рванулся к трону, уселся на него и провозгласил себя папой Виктором IV. Зрелище было недостойное, однако план Барбароссы сработал. Послы Фридриха в Риме немедленно признали Виктора законным понтификом. Вся остальная Западная Европа поклялась в верности Александру, однако урон был нанесен, и хаос в папстве продолжился следующие восемнадцать лет.

Столкнувшись с необходимостью признать одного из соперничающих пап, Венеция не могла больше остаться в стороне. Ее серьезно стала беспокоить ситуацию в Ломбардии. Если Фридрих собирался продолжать в том же духе, то вряд ли он выкажет венецианской независимости больше уважения, нежели любому другому итальянскому городу. Поэтому Венеция высказалась в пользу Александра, а значит, и в пользу ломбардских бунтовщиков. Императорское возмездие было быстрым, но неэффективным. Три ближних города, остававшихся пассивно лояльными Фридриху – Падуа, Верона и Феррара, – легко согласились атаковать своего

гордого и властного соседа, однако получили достойный отпор. Возможно, морально они не были настроены на борьбу: в 1163 году Верона и Падуя вместе с Виченцей объединились с Венецией в союз, не намеренный подчиняться более Барбароссе, как когда-то их предки не подчинялись Карлу Великому. Последовавшая атака на Градо, затеянная по наущению Фридриха родившимся в Германии патриархом Аквилеи, была еще менее успешной, на помощь пришел венецианский флот и взял в плен патриарха вместе с семьями его приспешниками, а освободил только после того, как тот пообещал присылать в республику ежегодную дань в виде дюжины свиней перед окончанием великого поста.

Для Венеции эти два инцидента были подобны булавочным уколам. Ей повезло в том, что, хотя Фридрих Барбаросса и желал бы увидеть ее униженной возле своих ног, у него на тот момент имелись три другие важные цели на итальянском полуострове. Одной была Анкона, бывшая в глазах Фридриха нераздельной частью Священной Римской империи, где за несколько лет до этого Мануил Комнин оставил византийский гарнизон. Второй целью, как и всегда, была норманнская Сицилия, а третьей Фридрих считал Рим. Император намеревался сместить папу Александра и заменить его новой имперской марионеткой. (Бывший протеже Фридриха, антипапа Виктор, не смог утвердить себя в городе. В 1164 году он умер в Лукке, где несколько лет добывал деньги на свое существование путем не слишком успешного разбоя и где местные власти даже не позволили похоронить его в стенах города.)

Не станем задерживаться на подробностях этой самой амбициозной из всех итальянских кампаний. Достаточно сказать, что с первыми двумя целями у Фридриха ничего не вышло, зато третья удалась на славу. Рим, как и города Севера, был коммуной, с собственным гражданским правительством, а римляне, ненавидевшие Фридриха со времен его первого визита с неудавшейся коронацией, героически пытались его не впустить. Собор Святого Петра поспешно окружили рвами и превратили в крепость. Продержались защитники восемь дней. Войскам императора удалось тем не менее ворваться через большие бронзовые двери. По словам современника, на мраморном полу нефа осталось множество мертвых и умирающих, алтарь был забрызган кровью. Александру пришлось скрываться. 20 июля 1167 года преемник Виктора, антипапа Пасхалий, служил в соборе мессу.

Фридриху, уже коронованному императору, вручили золотое кольцо патриарха Рима, нанеся тем самым намеренное оскорбление римскому сенату. Фридрих достиг пика своей карьеры. Он не мог знать, что через четыре дня всю его армию сразит чума. Эпидемия оказалась такой страшной, что ему ничего не осталось, как распорядиться о немедленном отступлении. Добравшись до своего штаба в Павии, он обнаружил, что потерял свыше двух тысяч людей, включая канцлера, архиепископа Рейнольда Дассельского и многих других самых преданных помощников и советников.

Это было похоже на божью кару из Ветхого Завета, да и вся Европа восприняла это как возмездие Господа за осквернение собора Святого Петра и удаление наместника Бога на земле. Но наказание Фридриха на этом не кончилось. Он был еще в Павии, вместе с остатками своей поредевшей армии, когда 1 декабря не менее пятнадцати ведущих городов Северной Италии объединились в Ломбардскую лигу. Это был открытый вызов, и так велико было презрение городов к императору, что они даже не посчитали нужным дожидаться, когда Фридрих покинет Италию.

Венеция была учредителем лиги. Она не могла предложить сухопутную армию, зато предоставила свой флот, ходивший по лагуне и по судоходным рекам. Венеция согласилась разделить с союзниками любые субсидии, которые она получит от Константинополя или Палермо, и заручиться их согласием на объявление войны или заключение мира с любым государством. Эти обязательства, следует признать, не были слишком строгими. Необходимо обратить внимание на то, что венецианский флот должен был защищать интересы Лиги в ограниченном пространстве. Не было разговоров о действиях флота за этими пределами, если где-то будет в

том большая нужда. Тем не менее ясно, что республика снова стала смотреть – если не в коммерческом, то в дипломатическом отношении – в сторону Запада. Своим участием в Ломбардской лиге в 1167 году она фактически идентифицировала себя с континентальной Италией, чего не бывало за все пять столетий ее существования.

Тем временем отношения с Византией ухудшались. Тому имелось несколько причин, и виноваты в этом были обе стороны. Количество латинян, постоянно проживавших в это время в Константинополе, было не менее 80 000, все они пользовались специальными привилегиями, которые Мануил и его предшественники вынуждены были предоставить им в моменты своей слабости. Венецианцы составляли большинство. Они были наиболее привилегированной и, по всей видимости, самой нежелательной частью населения. Никита Хониат, глава дворцового секретариата в Константинополе, жаловался, что их колония «так кичится своим богатством и процветанием, что позволяет себе смотреть свысока на императорских чиновников». Возможно, он был прав: венецианцев никто не видел униженными, и они, без сомнения, доставляли византийским хозяевам причины для беспокойства. Но как бы ни посмеивались венецианские моряки над Мануилом Комнином, ни один венецианский купец, живший на Риаљто или Босфоре, не стал бы его недооценивать. Вот уже несколько лет республика с опаской поглядывала на своих главных торговых соперников – Геную, Пизу и Амальфи, постепенно укрепляющих свои позиции там, где раньше безраздельно царила Венеция. Венецианцы совершенно уверились в том, что этот процесс был частью намеренной политики Мануила и его отца – уменьшить влияние республики. Обеспокоены они были и недавними изменениями в Далмации. С 1162 года они воевали с венгерским королем Стефаном III, который в последующие пять лет сумел захватить почти все прибрежные города, за исключением Зары. Затем, в 1167 году, Мануил Комнин одержал победу над Стефаном и забрал себе все завоеванные им территории. Такие действия вряд ли внушили к нему любовь венецианцев, и, когда вскоре после этого он имел наглость искать их поддержку в образовании постоянной византийской колонии в Анконе – с долгосрочной целью восстановления старого экзархата Равенны, – они открыто высказали ему все, что думают.

В начале 1171 года, в атмосфере взаимного подозрения и обиды за основание нового генуэзского поселения в Галате (район Константинополя на дальней стороне Золотого Рога), было совершено нападение с необратимым разрушительным результатом. Кто был за него ответствен, мы так никогда и не узнаем. Для Мануила, однако, это был шанс, которого он ждал. Возведя вину исключительно на венецианцев, 12 марта он отдал приказ: немедленно арестовать всех граждан республики, проживавших на византийской территории. Их корабли и собственность конфисковали. Немногим удалось ускользнуть на византийский военный корабль, предоставленный в их распоряжение капитаном венецианского происхождения, находившимся на службе у императора. Большинству не повезло. В одной столице были схвачены 10 000 человек. Когда все тюрьмы заполнились до отказа, арестованных разместили в монастырях.

Можно представить себе реакцию Венеции, когда эта новость достигла Риаљто. Мнение о том, что нападение на генуэзский квартал было ничем иным как предлогом, укрепилось, когда сами генуэзцы объявили, что венецианцы к этому инциденту отношения не имеют. Гладкость, с которой прошла операция по всей империи, со всей очевидностью продемонстрировала, что все было тщательно спланировано, и это соображение вызвало в памяти печальное событие двухлетней давности. Тогда, дабы прекратить слухи о том, что он замышляет подобные действия, император дал эмиссарам дожа специальные гарантии безопасности его граждан. Эти гарантии привлекли на Восток дополнительные венецианские капиталы, и теперь император пожинал плоды своей затеи.

Была забыта последняя связь, притягивавшая Венецию к Византии. Забыты были и сделанные менее четырех лет назад, до создания Ломбардской лиги, торжественные обещания о помощи. Венецианцы настроились на войну. Имелась финансовая проблема: некоторое время правительство тратило больше, чем следовало, к тому же Венеция выплачивала Лиге ежегодные крупные субсидии. Надо было выбираться из долгов. Был объявлен обязательный заем: каждый гражданин обязан был платить в соответствии со своими доходами. Для облегчения сбора денег город разделили на шесть районов, или сестьере, которые существуют и по сей день: Кастелло, Канареджо, Дорсодуро, Санта-Кроче, Сан-Поло и Сан-Марко. Была и серьезная нехватка людских ресурсов. Венецианцев, живших за границей (за исключением тех, кто томился в тюрьмах Мануила), вызвали домой. Ожидали, что они присоединятся к армии.

Несмотря на все эти трудности и благодаря суровым мерам, принятым для их преодоления, ровно через три месяца дож Микеле сумел подготовить флот из 120 судов. Это было невероятным достижением, к которому не способно было никакое другое государство. В сентябре 1171 года дож вывел свою армаду из лагуны. Флот пошел войной на империю Востока. Он останавливался в разных портах Истрии и Далмации, брал на борт венецианских подданных и продолжил путь вокруг Пелопоннеса к Эвбее. Там его дожидались послы Мануила. Они были настроены примирительно. Их господин, заверили они дожа, войны не хочет. Дож отправил мирное посольство в Константинополь. Оказалось, что все разногласия могут быть решены к взаимному удовлетворению.

Витале Микеле согласился. Это было самой большой ошибкой в его жизни. В то время как его эмиссары (среди которых был Энрико Дандоло, позже сыгравший судьбоносную роль в европейской истории) продолжили свой путь к Босфору и провели большую часть зимы в бесплодных переговорах с византийскими властями, он повел свой флот на Хиос в ожидании результата. Там и разразилась беда. На переполненных кораблях вспыхнула чума и распространилась с ужасающей скоростью. К началу весны тысячи людей были мертвы, а выжившие ослабели физически и морально. Они были не готовы ни к войне, ни к какой-либо другой деятельности. В это время из Константинополя прибыли послы. С ними обошлись крайне плохо, и миссия закончилась полным провалом. Император не имел ни малейшего намерения изменить свое отношение. Единственной его целью было желание выиграть время, для того чтобы укрепить оборону.

В довершение всех остальных несчастий на дожа свалилась новая беда – стыд и унижение из-за собственной доверчивости. Как случилось, что он попал в столь очевидную ловушку?! Дальше идти он не мог. Экспедиция закончилась провалом. Представители знатнейших семей либо были мертвы, либо умирали, даже не увидев в глаза противника⁶⁹. Флот, вернее то, что от него осталось, был на грани открытого мятежа. Дожу оставалось лишь вернуться как можно скорее в Венецию и предать себя суду разгневанных подданных.

Он явился в середине мая 1172 года и немедленно созвал во дворце общее собрание. Там рассказал о произошедшем, защищая собственные действия и решения, как только мог. Выслушали его в зловещей тишине: мало того, что он навлек на республику несчастья, так он еще и чуму с собой принес. Этого ему не простили. Собрание выступило против него, и, хотя перед дворцом собралась толпа, требовавшая его крови, Витале Микеле думал, что сможет бежать. Выскользнув из боковой двери, он поспешил к монастырю Сан Дзаккария.

Добраться до него он не успел. Дорога к монастырю вела через Соломенный мост (Ponte della Paglia), а дальше, ярдов через сто по набережной, к узкому переулку, известному как

⁶⁹ В это время, согласно историческим источникам, погибли представители всего мужского рода Джустиниани, за исключением юного монаха в монастыре Сан Николо ди Лидо. Чтобы не позволить столь знатной линии закончиться, папа даровал юноше временное освобождение от данного им обета. Монах покинул монастырь, женился на дочери дожа и сделал то, чего от него ожидали. Затем, уверившись в будущем потомстве, вернулся в монастырь. Его жена дождалась, когда дети вырастут, после чего и сама постриглась в монахини.

Калле делле Рассе. Как только он собрался завернуть за угол, из тени ближайшего дома выскочил человек и заколол его кинжалом.

Нельзя не испытывать сочувствия к Витале Микеле. Он со всех сторон был окружен политическими противниками: безжалостный Фридрих Барбаросса, непредсказуемый Мануил Комнин, на севере Италии – объединившаяся Ломбардская лига, на юге – союз норманнской Сицилии с величайшим из пап XII века. Микеле досталась более трудная ситуация, нежели любому из его предшественников: он прокладывал изощренный курс между мелей европейской дипломатии. Пятнадцать из шестнадцати лет пребывания на посту дожа делал он это безупречно. Только в последний год своего правления, в момент кризиса и в непривычных условиях, дож принял неверное решение. Даже и в этом случае... не винить же его за чуму и даже и за то, что он вернулся с нею в Венецию. Если бы промедлил с возвращением домой, то спровоцировал бы бунт.

Неудивительно, что в Венеции не поставлено ему памятника, и все же около тридцати лет назад о его смерти вспомнили те, кто знал его историю. Вскоре после гибели дожа его убийца был привлечен к суду и казнен, а дом его в Калле делле Рассе снесен. На этом месте решено было не ставить каменного здания. Это распоряжение соблюдали вплоть до Второй мировой войны, поэтому на всех картинах и фотографиях берега Ривы до этого времени мы видим лишь жалкую группу старых деревянных домов. Только в 1948 году власти решили наконец отказаться от этой традиции, и даже сейчас, когда мы смотрим на фасад гостиницы «Даниели роял эксельсиор», некоторые из нас задумываются: не лежит ли старое проклятие на месте, где восемьсот лет назад встретил свою смерть Витале Микеле?

Глава 9

Примирение (1172–1187)

*Никогда не боритесь с религией... ибо все эти вещи слишком
укоренены в умах глупцов.*

Гвиччардини

Венецианцы не сразу выбрали другого дожа. Они хотели подумать. Ситуация сложилась чрезвычайно серьезная. Венеция находилась в состоянии войны одновременно с обеими империями. От великолепного нового флота осталась лишь тень того, чем они располагали всего полгода назад, многие корабли, как зачумленные, намеренно сожгли на Эгине. Рабочая сила – поскольку никого из пленников, захваченных на Востоке, до сих пор не освободили – оставалась большой проблемой, тем более что эпидемия в городе и в окрестностях уносила все больше людей. Казна опустела, банкротства можно было избежать, лишь взяв принудительный заем⁷⁰. Хуже всего – моральный дух венецианцев упал. Витале Микеле стал восьмым дожем в истории республики, погибшим насильственной смертью, но первым за двести лет. Возможно, венецианцы осознали силу массовой истерии и почувствовали коллективную ответственность за убийство. Кажется, они испытали шок и стыд, почувствовали необходимость разобраться в себе и реформировать власть. Что пошло не так? Ясно, что большую вину за неудачу похода и банкротство государства они возлагали на Микеле, но чем можно измерить, на каких весах взвесить правильность его действий? В свое время дож Доменико Флабьянико привлекал двух советников, более того, он был обязан «приглашать» других выдающихся горожан – прегади⁷¹ – и прислушиваться, в случае необходимости, к их советам. У него было также право обращаться ко всем жителям. Но Флабьянико умер почти полтора века назад, и те два советника утратили свой авторитет, прегади редко получали «приглашения», да и к населению, сильно выросшему с тех пор, больше не обращались. Венецианцы не собирались толпой в одном месте, как это бывало когда-то, не было способа и управлять столь большим сборищем. Последние годы показали, что толпе нельзя доверять важные государственные решения. В результате народ и не призывали, исключая случаи, когда закон требовал этого, например в случае избрания дожа или для объявления войны. Назрела необходимость перераспределить три властных структуры государства: дож, советники и народ. В 1172 и 1173 годах такая необходимость привела к самым важным конституционным реформам в венецианской истории.

Первым нововведением стало собрание из 480 знатных венецианцев, их выдвигали на один год по два представителя от каждого района. С тех пор это собрание, *Comitia Majora*, или Большой совет, отвечало за назначение всех главных чиновников государства, включая двенадцать представителей сестьере. На практике это означало, что демократически избранные представители и Большой совет формировали закрытый круг, не допускавший каких-либо возражений населения в свой адрес. Городская толпа не была полностью отстранена, но даже если она где-то и собиралась, то лишена была какой-либо власти. В основном она поддерживала выборы дожа. Прежде, как, например, при выборах Доменико Сельво, простые венецианцы реально участвовали в процессе, их право было закреплено законом. Сейчас выбор доверили одиннадцати выборщикам, которых номинировал совет. Имя нового дожа как свершившийся факт провозглашалось в присутствии собравшегося населения. Первая попытка

⁷⁰ Эти государственные займы – такого рода первые в мире – вскоре стали постоянной чертой венецианской экономики. Четырехпроцентные государственные облигации давали возможность бесконечных спекуляций на Риальто.

⁷¹ Совет приглашенных (*ит.*).

введения нового порядка вызвала протесты. В результате пошли на некоторые компромиссы: успешный кандидат должен был быть представлен населению в соборе Сан Марко со словами: «Вот ваш дож, если это вас устраивает». Таким образом, теоретически учитывали голос народа, хотя люди прекрасно понимали, что это формальность.

Следующим изменением стало увеличение количества советников – с двух до шести. Они должны были постоянно находиться при доже, а поскольку функция их заключалась главным образом в ограничении его власти, то, должно быть, они испытывали удовольствие, накладывая вето на его решения. Вместе с дожем они формировали внутренний государственный совет, позже получивший название «синьория». Внешний орган, прегади, или сенат, остался, и его влияние возросло, особенно в области международных отношений. Он принимал большую часть важных решений, которые впоследствии ратифицировал совет.

Если коротко, то принятые меры ослабили как вершину, так и основание административной пирамиды, одновременно усилив ее в центре. Венеция сделала еще несколько шагов к олигархической форме правления, а в следующем столетии развила ее и сделала своим достижением. С другой стороны, важно было не уронить престиж дожа, поэтому его окружили роскошью и обращались к нему с большими церемониями. Сразу после избрания дожа проносили вокруг площади Сан-Марко на специальном круглом стуле, фамильярно прозванном поццетто, поскольку он напоминал крышки городских колодцев, а дож бросал людям пожертвования. Каждый раз его сопровождала большая свита из аристократов, духовенства и горожан, когда, покидая дворец, он направлялся куда-то с государственной миссией.

Однако ни богатство, ни пожертвования, определенные постановлениями – не менее 100 и не более 500 дукатов – не возмещали то, что, было отнято у дожей.

Как бы венецианцы в целом ни сожалели об ограничении новой избирательной системой их древних прав, никто серьезно не оспаривал мудрость выборных представителей, когда их выбор упал на Себастьяно Дзиани. Новый дож был очень умен и энергичен, несмотря на свои семьдесят лет, и обладал большим административным опытом. К тому же он был невероятно богат, что было весьма кстати. Зная, что республика находится на грани банкротства, он первым делом занялся восстановлением национальных финансов и, по совету прегади, отложил выплаты по новым государственным облигациям. Это было смелое решение, однако оно не вызвало такого большого возмущения, какого можно было бы ожидать. Держатели облигаций были венецианцами, они любили деньги, но Венецию любили еще больше, и обращение к патриотизму нашло у них немедленный отклик.

Однако не могло быть и речи о продолжении войны против Византии. Послов снова отправили в Константинополь договариваться о мире: надеялись на освобождение тех, кто все еще томился в плену. Но миссия оказалась неудачной: Мануил Комнин на уговоры не поддавался. Его поведение было предсказуемо: ведь то, что еще осталось от венецианского флота, в настоящий момент активно использовалось армией Фридриха Барбароссы для осады Анконы, удерживаемой Византией. Тем не менее отказ от этой второй инициативы оказался большой ошибкой, о которой его преемникам пришлось горько пожалеть. Венецианцы между тем попали под обаяние короля Сицилии Вильгельма II (Доброго). В 1175 году они заключили с ним двадцатилетний договор на невероятно выгодных условиях.

Итак, при мудром правлении Себастьяно Дзиани республика начала восстанавливаться. Для материальной реабилитации, естественно, требовалось время, а с моральной точки зрения процесс шел гораздо быстрее. Кульминация произошла летом 1177 года. Это событие обратило на себя внимание всего христианского мира: примирение папы Александра III и Фридриха Барбароссы завершило семнадцатилетний раскол и привело к миру, по крайней мере в Италии. Буквально за год до этого, 29 мая 1176 года, в Леньяно Ломбардская лига нанесла Барбароссе самое сокрушительное поражение в его истории. Он потерял большую часть своей армии и едва сам не распрощался с жизнью, однако это несчастье привело его в чувство. После

четырёх долгих итальянских кампаний он увидел, что ломбардские города как никогда твердо настроены противостоять ему, тем более что их лига на это была способна. Папу Александра признали теперь повсюду – даже в самой империи – настоящим понтификом. Настаивать на проведении политики, на которую истратил лучшие годы своей жизни, Фридрих больше не мог: в этом случае вся Европа от него бы отвернулась.

Его послы встретились с папой в Ананьи для обсуждения условий примирения. По сути, они были просты: с имперской стороны – признание Александра, реституция церковных владений и заключение мира с Византией, Сицилией и Ломбардской лигой. Со стороны папы – провозглашение жены Фридриха императрицей, сына Генриха – римским королем и отказ в поддержке антипап. Обсудили следующий вопрос: где устраивать собор. Предложили Болонью, но Фридрих это предложение отклонил в связи с присоединением Болоньи к Ломбардской лиге. Наконец, после продолжительной дискуссии, решили, что папа и император встретятся в Венеции при условии, что в город Фридриха не допустят, пока Александр не даст на то своего согласия.

С политической точки зрения лучшего выбора и сделать было нельзя. Венеция, разумеется, была основателем Ломбардской лиги, хотя, с другой стороны, недавние разногласия с Византией мешали ей играть слишком активную роль в делах лиги. В какой-то момент под стенами Анконы она даже боролась рядом с боевыми отрядами Священной Римской империи. Продолжительностью своей независимости она превосходила любой город Северной Италии. Для нее, большой, великолепной метрополии, не составляло труда разместить у себя всех европейских аристократов – принцев, епископов, послов и других знатных представителей ломбардских городов и предоставить им условия, к которым они привыкли.

10 мая 1177 года приехал папа со своей курией. Его принял дож и патриархи Градо и Аквилеи. После торжественной мессы в соборе папу отвезли в государственной барке в патриарший дворец в Сан-Сильвестро. Помещение предоставлялось в его распоряжение на весь срок, который был ему необходим. До встречи с императором нужно было проделать много работы. Во время дискуссий в Ананьи папа не успел высказаться от лица Сицилии и лиги. И та и другая должны были достигнуть соглашения с императорскими полномочными представителями, если обещанный поцелуй мира обретал значение, на которое рассчитывал папа. Сейчас в патриаршей капелле начался второй раунд переговоров. Между тем император, вход которому, по условиям договора, на венецианскую территорию был все еще запрещен, находился в ожидании в Равенне.

С представителями лиги особенно трудно было договориться, и переговоры растянулись почти на два месяца. К началу июля дело, однако, сдвинулось с мертвой точки, и, чтобы ускорить процесс, папа согласился допустить Фридриха в Кьоджу: там можно было связаться с ним в течение дня. До этого момента император демонстрировал неожиданную для него сдержанность, и это в ситуации, которая должна была казаться ему страшно унижительной, однако под конец он начал проявлять признаки нетерпения. За шесть лет разрыва с Венецией число его сторонников выросло настолько, что теперь они составляли влиятельную фракцию. Они понуждали его немедленно въехать, не обращая внимания на папское вето, и заставить Александра и ломбардцев согласиться на более благоприятные для него условия. Фридриху очень хотелось так и поступить, однако он отказался от этого шага без одобрения дожа. Дзиани, понимая, что отказ может спровоцировать восстание в пользу императора, колебался. Послы из лиги, обуреваемые гневом и опасениями, отбыли в Тревизо. На какой-то миг показалось, что осторожная дипломатия прошедшего года ни к чему не привела.

Положение спасли сицилийцы. Лидер их делегации, архиепископ Салерно Ромуальд, приказал своим кораблям готовиться к быстрому отправлению, намекнув тем самым, что, если он и его миссия уйдут, то его хозяин, король Вильгельм, не замедлит с мстью Венеции. Этот намек был слишком ясен. В прошедшие два года в Палермо, Мессине и Катанье сильно выросло

количество венецианских купцов. Ничто не мешало Вильгельму повторить ход Мануила Комнина в 1171 году. Отбросив колебания, Дзиани издал указ, подтверждающий, что въезд Фридриха Барбароссы в Венецию может быть позволен только после санкции папы.

Кризис, похоже, подействовал целительно на всех участников переговоров. 23 июля 1177 года соглашение было готово. По просьбе папы венецианская флотилия направилась в Кьоджу и привезла Фридриха в Лидо. Туда направилась делегация из четырех кардиналов. В их присутствии Фридрих торжественно отрекся от антипапы и официально назвал Александра настоящим понтификом, а тот, в свою очередь, снял семнадцатилетнее отлучение императора от церкви. Теперь наконец-то ему разрешили появиться в Венеции. На следующий день рано утром дож, с внушительной свитой аристократов и священнослужителей, сам прибыл в Сан Николо ди Лидо, где Фридрих провел ночь. Он лично препроводил императора на барку дожа «Бучинторо», особо украшенную для этого случая, и они торжественно поплыли к набережной Моло.

В Венеции были закончены последние приготовления. Любовь венецианцев к роскоши всем известна, а поскольку этот день был величайшим в их истории, постарались они на славу. В город стекались толпы, развевались флаги. Из нескольких уцелевших свидетельств очевидцев самым ярким и полным является так называемое «*De Pace Veneta Relatio*», имя автора неизвестно, но, кажется, он был германским священником:

На рассвете помощники папы поспешили в собор Сан Марко и закрыли центральные двери большого портала. Принесли туда много деревянного бруса и лестницы. Из этого был сооружен великолепный трон. На набережной поставили две сосновые мачты огромной высоты. На них повесили штандарты святого Марка, великолепно расшитые и такие большие, что они касались земли. Эта набережная, называемая Мармореум, находится совсем рядом с церковью. Туда папа приехал в первом часу дня, отслужил мессу и, поднявшись на трон, стал ожидать прибытия императора. Там он сидел с патриархами, кардиналами, архиепископами и бесчисленными епископами. По правую руку от него был патриарх Венеции, по левую – Аквилеи.

Между архиепископом Милана и архиепископом Равенны произошла ссора: каждый хотел сидеть третьим от папы, с правой стороны. Но понтифик положил конец этому раздору и, спустившись по ступеням, уселся под ними. Так не стало третьего места, и никто уже не мог сидеть справа от него. Около трех часов прибыл корабль дожа. На нем сидел император с дожем и кардиналами, посланными за ним накануне. Семь архиепископов и кардиналов привели императора к папскому трону. Дойдя до него, он сбросил свой красный плащ, простерся ниц перед папой и поцеловал сначала его ноги, а потом и колени⁷². Но папа поднялся и, обхватив руками голову императора, обнял его и поцеловал, затем усадил его по правую руку и наконец произнес такие слова: «Сын церкви, добро пожаловать». После этого взял его за руку и повел в собор. Зазвонили колокола, запели «Тебя, Бога, хвалим». По завершении церемонии оба вместе покинули церковь. Папа уселся на лошадь – император придерживал его стремяна – и отправился во Дворец дожей. Все это произошло в воскресенье, в канун дня святого Иоанна.

И в тот же день папа прислал императору много золотых и серебряных кувшинов, наполненных разнообразной едой. Он послал также откормленного

⁷² В северо-западном углу зала Большого совета есть отличная картина Дзуккари, на которой изображена эта сцена.

теленка со словами: «станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся⁷³».

Для папы Александра венецианский договор означал кульминацию его понтификата. Ему пришлось пережить восемнадцать лет схизмы и десять лет ссылки из Рима, не говоря уже о неприкрытой враждебности одного из самых жестоких людей, носивших корону Западной империи. Он ждал до своих семидесяти с лишним лет, прежде чем нашел награду. Награда пришла: Фридрих признал его легитимность.

Император также признал все временные права папства над Римом. Шестилетний мирный договор, который он заключил с Ломбардской лигой, был лишь преддверием к признанию независимости отдельных ломбардских городов. Это была самая знаковая победа, когда-либо одержанная папой над императором, она была намного значительнее, чем пустое торжество в Каноссе сто лет назад. Все это произошло благодаря мудрости и терпению, с которыми Александр провел свою церковь через один из самых тревожных периодов в ее истории.

Все эти качества остались при нем. Ни в день своего триумфа, ни в любое другое время пребывания императора в Венеции Александр не проявил ни малейшего желания восторжествовать над бывшим врагом. Один или два более поздних историка Венеции, как, например, неисправимо романтичный Мартино да Канале, писавший почти сто лет спустя, увековечил легенду о папе, будто бы вставшем ногой на шею Фридриха, а император якобы тихо пробормотал: «Не тебе, а святому Петру», на что Александр якобы резко ответил: «И мне, и святому Петру». Эта история рассказана писателем не той эпохи, и она расходится с дошедшими до нас свидетельствами очевидцев. Император, похоже, тоже вел себя безупречно. На следующий день, последовавший за великим примирением, он повел себя еще более любезно: снова подержал стремя папы, отъезжавшего из базилики, и готов был провести лошадь Александра до самой пристани, если бы папа ласково не отказал ему. Интересно, вспомнил ли император в тот момент о двух днях в Сутри, когда он отказал в этой услуге папе Адриану, ехавшему двадцать два года назад на коронацию в Рим?

Роль, которую сыграла в преодолении схизмы Венеция, была значительной, и награда за это была велика. С финансовой точки зрения памятное лето 1177 года сильно поспособствовало восстановлению ее благосостояния. Император был гостем города полные восемь недель. Уехал лишь 18 сентября. Папа Александр оставался до середины октября, то есть продолжительность его пребывания превысила пять месяцев. Большую часть этого времени Венеция была заполнена народом, как никогда. Обычный поток путешественников и купцов вырос в несколько раз. Сюда съехались самые знатные принцы и прелаты Европы. Каждый пытался превзойти соперников великолепием свиты. Один из них, архиепископ Кельна, привез с собой не менее 400 секретарей, капелланов и сопровождающих. За патриархом Аквилеи приехало 300 человек, столько же с архиепископами Майнца и Магдебурга. Граф Рожер из Андрии, второй посол короля Сицилии, имел свиту из 330 человек. Герцог Леопольд Австрийский со своими 160 придворными выглядел, должно быть, жалко на этом фоне.

С политической точки зрения Венеция тоже выиграла. Было бы странно, если бы венецианцы, так долго удерживавшие у себя императора и папу, не добились чего-то взамен. Так и есть: они заключили с обоими несколько договоров. Фридрих Барбаросса разрешил им свободный проезд, безопасность и полное освобождение от императорских пошлин во всех частях империи в обмен за сходные привилегии для его подданных – «до Венеции, но не далее». Это было признание превосходства Венеции на Адриатике. Папа Александр, со своей стороны, проявил свое расположение тем, что даровал индульгенции главным церквям города. Сверх того, разрешил вечную борьбу между Градо и Аквилеей, внесшую столько раздоров и неприят-

⁷³ Лк 15:24.

ностей в церковные дела Венеции. По условиям договора патриарх Градо – ставший резидентом Венеции – отказался от всех притязаний на сокровища, украденные Поппо Аквилейским 150 лет назад, за это ему вернули власть над селениями вокруг лагуны, а также над Истрией и Далмацией. Можно легко представить, что влияние Венеции в этих городах значительно усилилось.

Пребывание папы Александра в Венеции придало особое значение ежегодно отмечаемому празднику Вознесения. Церемония происходила с 1000 года в открытом море за портом Лидо. Из молитвенного обряда она превратилась в символическое бракосочетание с Адриатикой. Над одними дверьми в северной стене зала Большого совета во Дворце дождей есть картина Вичентино. На ней изображен папа, подающий дожу Дзиани кольцо, которое тот должен бросить в волны. К сожалению, приходится сказать, что история эта не имеет исторического основания, как и полностью выдуманное морское сражение при Сальворе, изображенное сыном Тинторетто Доменико (картина справа). Передача золотого кольца – чистого и простого символа – приняла с годами матримониальный оттенок. Произошло это примерно в то самое время, хотя разумно было бы предположить, что поскольку день Вознесения приходился в том году на 2 июня, не существует свидетельства, что папа активно принимал участие в той церемонии, а уж тем более радикально изменил ее характер.

Самым главным выигрышем Венеции стал небывалый взлет ее репутации. В то памятное лето она оказалась в фокусе внимания всей Европы, фактически стала столицей христианского мира. Ее дож принимал двух лидеров Запада и был с ними если не на равной ноге, то, по крайней мере, добрым другом. Именно ее, Венецию, выбрали для переговоров папы и императора, потому что – если еще раз процитировать «Relatio» – она «подчинялась только одному Богу... это место, где отвага и авторитет горожан смогли сохранить мир между обеими сторонами, так чтобы разногласия или бунты, намеренные или случайные, не могли более возникнуть». Надо сказать, что сделать это ей удалось только сейчас. Тем не менее она это сделала, обретя тем самым новый статус большой и сильной европейской метрополии.

Собор Сан Марко с маленьким порфировым ромбом, вставленным в пол при входе в центральные двери, традиционно означает место, где Фридрих Барбаросса распростерся перед папой. Это – единственное место на площади, сохранившееся в том самом виде, в каком оно было к моменту описанных здесь событий. Сегодня окружающая обстановка, в которой происходили те давние события, выглядит более торжественной, и в этом заслуга дожа Себастьяно Дзиани. Это он приказал снести старую церковь Сан Джиминьяно⁷⁴, это он купил у монастыря Сан Дзаккария огород (броло), находившийся между церковью и лагуной, он засыпал старый канал Рио Батарио, начинавшийся за зданием Старых прокуратур⁷⁵, шедший к собору, мимо кампанилы к Рио ди Дзекка и далее к городскому саду. Все это пространство дож замостил кирпичом «в елочку», и у Венеции появилась площадь, которую мы знаем теперь как площадь Сан-Марко. Дзиани также распорядился, чтобы все дома вокруг площади были объединены арками и колоннадами, поэтому с самого начала площадь, должно быть выглядела такой, какой ее в 1496 году изобразил Джентиле Беллини (1429–1507), и, несмотря на строительство двух длинных рядов Прокуратур вдоль северной и южной стороны, площадь сохранила свой облик⁷⁶.

Дождь Дзиани оставил память о себе и в облике Дворца дождей и Пьяцетты. Дворец построили заново, после того как народ в 976 году восстал против предшественника Дзиани и уни-

⁷⁴ Она была перестроена в западном углу площади Сан-Марко, где и стояла, пока Наполеон в 1807 году не уничтожил ее окончательно: ему понадобился бальный зал в крыле Новых прокуратур.

⁷⁵ Дом прокураторов, чиновников, ведавших государственной недвижимостью.

⁷⁶ Картина Беллини «Процессия на площади Сан-Марко» входит в серию «Чудеса Святого креста», находящуюся сейчас в Академии (рис. 10). Здание Старых прокуратур с северной стороны при Беллини было только начато. Здание Новых прокуратур, с южной стороны, было начато в конце XVI века после сноса больницы Пьетро Орсеоло.

чтожил первоначальное здание. В 1106 году пожар уничтожил и этот дворец. Дзиани, как нам поведал Сансовино, «увеличил его во все стороны», и, хотя сведения, которыми мы обладаем, отрывочны, можно предположить, что архитектор следовал традиции, и дворец был похож на те несколько византийских зданий, которые до сих пор стоят на Большом канале, например Фондако деи Турки или дворцы Фарсетти и Лоредано возле моста Риальто.

Пьяцетту расчистили и увеличили, как и площадь Сан-Марко. Возможно, готовясь к приезду Барбароссы, снесли старую стену Пьетро Трибуно. Она почти триста лет закрывала доступ с воды. За последние пять лет на площади подняли две из трех античных колонн, которые привез Витале Микеле из неудачной экспедиции на Восток. (Невезучий, как и всегда, он потянул третью колонну. Она ненароком упала за борт во время разгрузки и до сих пор лежит у Моло. Попытки поднять ее окончились неудачей.) Перед дождем предстал молодой венецианский инженер. Настоящее его имя было Николо Старатонио, но обычно его звали Бараттиери. Это прозвище в переводе с итальянского означает склонность к шулерству. Возможно, так оно и было. Нам известно, что он предложил поднять две колонны за право устроить между ними игральные столы. Дзиани согласился. Колонны были подняты и стоят до сих пор, позже одна из них была увенчана львом святого Марка, вторая – святым Теодором с крокодилом. Поставили и игральные столы. Вскоре после этого Большой совет распорядился проводить на этом месте публичные казни. Бараттиери не оставил своей инженерной деятельности, поскольку несколько лет спустя он занялся постройкой первого понтонного моста Риальто.

Государственный деятель, дипломат и строитель, Себастьяно Дзиани обладал редкими способностями реформатора. Нет необходимости задерживаться на подробностях его дальнейшей реорганизации административной машины, создании новых государственных учреждений, совершенствовании законов. Более важной для нас является философия, лежавшая в основании всей программы реформ. Целью ее была поддержка и усиление олигархических принципов, оказывавших определяющее влияние на венецианскую политическую мысль. Незадолго до своей отставки Дзиани созвал собрание, на которое пригласил главных чиновников и приказал им взять себе за правило предоставлять властные места самым богатым и авторитетным гражданам, «так как, увидев себя обойденными, они разочаруются и перейдут к насильственным действиям». Этот совет был не таким реакционным, как это кажется на первый взгляд. Некоторые благородные венецианцы смотрели на высокие посты как на неприятную ответственность, ограничивающую их личную свободу и куда менее выгодную, чем торговля. От гражданских обязанностей – дома или за границей – без уважительных причин отказаться было нельзя. За это с 1185 года следовали суровые наказания.

За шесть лет своего правления Себастьяно Дзиани добился многого. Но в момент избрания ему уже было больше семидесяти, и в 1178 году он решил уйти от общественной жизни и удалиться, как и некоторые его предшественники, в монастырь Сан Джорджо Маджоре. Там он вскоре умер, а позже его имя увековечили на палладианском фасаде, напротив имени Трибуно Меммо. В своем завещании он распорядился распределить ренту с определенных домов в Мерчерии между базиликой и церковью Сан Джулиано, чтобы те обеспечивали едой пленников государства, и другой собственностью на той же улице. Согласно его распоряжению, каждый вторник должны были подавать хороший обед двенадцати городским нищим, а его семье, в качестве урока в смирении, устраивать трапезу, состоящую из дешевой рыбы, вина и чечевицы. Происходило это в праздник святого Стефана, перед могилой которого постоянно горела лампада.

Незадолго до смерти Себастьяно Дзиани сделал еще одно изменение в процедуре выборов дожа. Вместо одиннадцати выборщиков, назначаемых Большим советом, было решено, что совет теперь будет назначать только четверых, и эти четверо будут выставять команду из сорока человек, причем за каждого должно быть подано по меньшей мере три голоса из четы-

рех. В результате этой процедуры – хотя она и упростилась в сравнении с прежними годами – в 1178 году выбрали Орио Мастопьетро, пожилого дипломата, служившего в посольствах Палермо и Константинополя и сыгравшего там ведущую роль в основании первого государственного займа Витале Микеле. Его дипломатический опыт сослужил ему хорошую службу, ибо на Востоке, как и на Западе, снова начали собираться грозные тучи.

24 сентября 1180 года после долгой болезни скончался император Мануил Комнин. Следующие пять лет принесли Византийской империи нищету и смуту. Законным наследником Мануила был его двенадцатилетний сын Алексей, мать которого, Мария Антиохская, стала его регентом. Первая латинянка на престоле Константинополя была сестрой норманнского принца Бозмунда III. Мария открыто покровительствовала франкским соотечественникам в ущерб грекам, а потому подданные ее ненавидели. Первый бунт против нее провалился, но второй, в 1182 году, перешел в полномасштабную бойню, во время которой буквально все уроженцы Запада погибли, включая женщин, детей и даже больных в госпиталях. Весь франкский квартал города был разграблен, так что в сравнении с этим разбой, от которого одиннадцать лет назад пострадали венецианцы и генуэзцы, можно было назвать незначительным. Тем временем двоюродный брат Мануила, Андроник Комнин, пришел в столицу и захватил трон. Марию задушили. Вскоре после этого ее юный сын, которого заставили подписать приговор о смертной казни матери, тоже был удушен шнурком. У него осталась невеста, Агнес – византийцы перекрестили ее в Анну, – двенадцатилетняя дочь французского короля Людовика VII. Она приехала в Константинополь за несколько месяцев до бунта, однако из-за ее слишком юного возраста венчание не состоялось. Ничуть не смутившись, шестидесятичетырехлетний Андроник женился на ней, и этот брак был освящен. Последовали почти три года жестокости и террора, с которыми до самой Французской революции ничто не могло сравниться. Наконец, в сентябре 1185 года свергли и Андроника. Толпа растерзала его.

В предыдущий год до Риалято дошла новость, что короткий медовый месяц Венеции с Сицилией близится к концу. Король Вильгельм Добрый и королева Иоанна Английская – сестра Ричарда Львиное Сердце – были бездетными, так что следующей претенденткой на трон стала тетя Вильгельма, Констанция, а она была помолвлена с Генрихом Гогенштауфеном, сыном и наследником Фридриха Барбароссы. Для Венеции и городов Лиги перспектива такого брака была ужасной. Они долго чувствовали себя независимыми от империи, а происходило это в большой степени оттого, что у Фридриха не было в Италии постоянного дома, и по феодальному закону он не мог держать германские войска к югу от Алып. После заключения брака император стал бы не просто титулованным сюзереном, но и полновластным хозяином на полуострове.

Мало что можно было сделать, пока в Византии продолжался кризис, но как только Андроника не стало и на константинопольский трон вступил Исаак II Ангел, венецианцы не стали терять время. В 1186 году начались переговоры, и на следующий год заключили договор. За события 1171 года им была обещана полная компенсация, император вызвался защищать Венецию и ее территории от всех нападений, откуда бы ни исходила угроза. В ответ на это венецианцы обещали за счет императора за шесть месяцев построить на своих верфях от 40 до 100 галер. Каждые трое из четырех венецианцев, проживающих на территории Византии, призывались на службу на галерах под командованием венецианских офицеров, а те, в свою очередь, подчинялись имперскому адмиралу. (Поскольку на каждую галеру требовалась команда из 140 гребцов, можно предположить, что на территории империи до сих пор проживали около 18 000 мужчин призывного возраста.)

Исаак Ангел был порочным и слабым правителем – Никита Хониат писал, что он торговал правительственными должностями, словно овощами на рынке. Но вот почему он решил доверить постройку судов чужому народу, с которым империя последние двадцать лет находилась во враждебных отношениях – особенно когда Константинополь и сам обладал отличными

судами, – понять невозможно. Венеция выигрывала во всех отношениях: ей пообещали имперскую защиту и дали власть над всем византийским флотом. Через шестнадцать лет Восточная империя окажется практически беззащитной перед венецианским флотом, и винить ей в этом придется только саму себя.

Глава 10

Постыдная слава (1187–1205)

Знаем мы все так мало (большие мы знать не хотим)

*О Метрополисе странном; о храмах его со свечами,
Сенаторах-содомитах, облаченных в белые тоги,
Спорах на ипподромах, кончающихся резней,
О евнухах в пышных салонах.*

Роберт Грейвз. Латники на границе⁷⁷

Венецианский договор с Византией 1187 года почти совпал с трагедией на Востоке. 4 июля сарацины под командованием Саладина разбили армию Ги де Лузиньяна, короля Иерусалима, в битве при Хаттине. Три месяца спустя, 2 октября, святой город пал. Когда эта новость достигла Рима, старый папа Урбан III умер от потрясения. Его преемник, Григорий VIII, не теряя времени, призвал всех христиан в крестовый поход. Для Венеции это был удачный момент. Она недавно начала одну из кампаний за возвращение Зары, которая снова поддавалась на уговоры короля Венгрии, правда, в этот раз реакция венгров была сильнее и быстрее, чем ожидалось. Папское предписание объединиться против неверных позволило уйти от конфликта, не потеряв лица.

Ожидалось, что венецианцы с энтузиазмом откликнутся на призыв папы Григория. В результате поражения Иерусалимского королевства при Хаттине они тоже много потеряли. Тир, благодаря быстрым действиям сицилийского флота и просчету Саладина, остался в руках христиан, но Акра, с венецианским кварталом и богатой купеческой колонией, сдалась почти сразу, вместе с Сидоном, Бейрутом и другими городами на побережье и отдаленных районах. Дождь Мастопрьетро объявил принудительный государственный заем. От знатных семей требовались суммы, точно подсчитанные в соответствии с их доходами. В Пасху 1189 года военный флот пустился в поход, увозя на своих бортах армию, только что собранную со всех уголков Италии.

В последующие месяцы эта армия увеличилась за счет англичан и французов, датчан и фламандцев, германцев и сицилийцев. Из четырех европейских монархов, взявших крест, двое умерли, не добравшись до Святой земли. Вильгельма Доброго Сицилийского болезнь сразила в возрасте тридцати шести лет, старый Фридрих Барбаросса утонул во время переправы через реку Каликадн на юге Анатолии. Но два других вели своих подданных в бой: Ричард Львиное Сердце, ставший легендой благодаря смелости и рыцарской славе, но в то же время импульсивный и безответственный, и Филипп Август, мрачный, необаятельный, но мудрый политик, заслуживший тем самым место среди лучших французских королей в противоположность Ричарду, бывшему одним из худших королей Англии.

Самое доброе, что можно сказать о Третьем крестовом походе, так это то, что он был лучше второго. Он был лучше организован, командиры тоже были опытнее. В этот раз они добились одной значительной победы: после двухлетней осады отвоевали Акру, и, если крестоносцы не всегда соответствовали высшим стандартам рыцарства, установленным Саладином (а вовсе не Ричардом, который организовал хладнокровное убийство почти 3000 пленни-

⁷⁷ Перевод И. Озеровой.

ков-сарацин после падения Акры, добавив еще одно несмываемое пятно к своей репутации), то в целом боролись они отважно, а иногда и героически. Тем не менее в целом поход окончился поражением. Иерусалим остался в руках мусульман, и маленькое христианское королевство Акра ничего с этим не могло поделать.

Что до Венеции, то ее роль в Третьем крестовом походе – как и во втором – остается загадкой. После внушительного начала она выпадает из поля зрения. Хронисты того времени ее не упоминают. Возможно, ее участие ограничивалось предоставлением транспорта для солдат и снаряжения. В этом случае мы можем быть совершенно уверены, что за свои услуги она была полностью вознаграждена, еще не выведя корабли из гавани. Венецианские купцы, разумеется, не растерялись: через несколько дней после сдачи города они снова завладели своим кварталом в Акре. Но о мощном военном флоте ничего не было слышно. Дож Мастропьетро откликнулся на папский призыв, и, похоже, что он тут же посчитал свою задачу выполненной. Во всяком случае, к иноземным экспедициям он склонности не питал. Он предпочитал сосредоточиться на улучшении судебной системы. Дож создал орган народных прокураторов, чьей задачей являлось представительство интересов республики во всех официальных процедурах, а также установил специальный судебный орган для иностранцев. Во время его правления мы впервые встречаем упоминание о квантарии, Совете сорока, – исполнительном и судебном органе, промежуточном между Большим советом и синьорией. Первоначальной целью, кажется, было создание совещательного собрания наподобие прегади, только большего масштаба. Впоследствии, однако, когда синьория преобразовалась в постоянный комитет, а потом в сенат, квантария сделалась исключительно судебным органом.

Все эти изменения были довольно важными, и вклад Орио Мастропьетро за сорок лет пребывания на посту дожа весьма значителен. Если, тем не менее, он до сих пор представляется бесцветной фигурой, винить его в этом никак нельзя, потому что ему не повезло оказаться между двумя самыми великими дожами средневековой республики и двумя самыми важными главами ее истории. О Себастьяно Дзиани и мирном договоре Венеции мы уже рассказали, обратимся же теперь к более темному и постыдному триумфу. Это мрачное событие называется Четвертым крестовым походом, и его инициатором был Энрико Дандоло.

Никто точно не знает возраста Энрико Дандоло, когда, после смерти предшественника, 1 января 1193 года его провозгласили дожем Венеции. Считают, что ему было восемьдесят пять и он был абсолютно слеп, впрочем, это представляется невероятным, когда мы читаем о его энергии и героизме и когда через десять лет после избрания мы застаем его на стенах Константинополя. Более вероятно, что при восшествии на престол ему было лет семьдесят пять. Тем не менее во время Четвертого крестового похода ему должно было быть не менее восьмидесяти. Убежденный, почти фанатичный патриот, он посвятил большую часть своей жизни республике. Мы, например, слышим о нем в 1171 году: он принимал участие в восточной экспедиции Витале Микеле, а на следующий год был одним из послов дожа в неудавшейся мирной миссии к Мануилу Комнину.

Может, тогда он и потерял зрение? Согласно тому, что написал о нем позже его тезка, историк Андреа Дандоло, заносчивость и упрямство Энрико вывели Мануила из себя: император арестовал его и частично ослепил. С другой стороны, его современник и, возможно, более надежный источник, приложение к «Хроникам Альтино», сообщает, что дож Дзиани послал свою миссию в Константинополь только «после того как увидел, что три посла его предшественника вернулись целыми и невредимыми». Эти слова – вместе с тем, что мы узнали о характере Мануила и отсутствием каких-либо других ссылок на то, что вызвало бы сильную реакцию в Венеции, если бы это и на самом деле случилось, – твердо указывают: хотя ослепление было частым наказанием в Византии, но в этом случае оно произойти не могло. Согласно другой гипотезе, в Константинополе Дандоло ввязался в драку, во время которой и повредил глаза. «Хроника Альтино» делает это предположение невероятным. Кроме того, Дандоло был

тогда далеко не юн: зрелому дипломату было далеко за сорок. Имеющиеся в нашем распоряжении факты уже не вызывают сомнений: Жоффруа де Виллардуэн, кто знал его хорошо, уверяет, что «хотя его глаза казались нормальными, он не видел руки перед своим лицом, поскольку потерял зрение в результате ранения в голову».

Ни возраст, ни слепота, похоже, ничуть не повлияли на энергию и способности Дандоло. Спустя несколько недель после своего избрания он затеял новую кампанию, намереваясь отвоювать Зару. На помощь Заре пришли Пиза и Бриндизи, так что венецианцам несколько лет пришлось бороться за свою власть над Адриатикой. Положение ухудшилось, когда в Рождество 1194 года германский император Генрих VI в соборе Палермо принял корону Сицилии. Норманнскому королевству Сицилии пришел конец.

Этого венецианцы боялись больше, чем чего-то другого. Их не успокаивало то, что они знали о самом Генрихе. Сын Барбароссы обладал отцовской решительностью и силой воли. Свою ненависть, однако, направил он не столько против городов Северной Италии, сколько против Восточной империи. Его цель была проста – уничтожить Византию, подчинить себе старую Римскую империю, усилить ее, добавив большое средиземноморское владение, после чего совершить еще один крестовый поход и захватить Святую землю. Всего несколько лет назад такая мечта показалась бы фантастической, даже абсурдной, но Комнинов больше не было, а семья Ангелов, занявших трон Константинополя, оказалась неспособной к эффективному правлению. В 1195 году император Исаак II после десяти лет хаоса был свергнут с престола. Брат Алексей, слабый и непредсказуемый человек, страдающей манией величия, заключил его в тюрьму. Хотя он был совершенно неспособен к принятию ответственных решений, его тем не менее короновали, и он вошел в историю под именем Алексея III⁷⁸. Святую землю тоже, казалось, было легко завоевать. Саладин умер, без него армии мусульман больше не являлись тем грозным противником, каким были недавно.

В планах Генриха не было места для независимой морской республики, и если бы он добился успеха в своем первом амбициозном плане – а он вполне мог в этом преуспеть, – то Венеция наверняка стала бы одной из его жертв. К счастью для мира, этого не случилось. В 1197 году в возрасте тридцати двух лет он умер в Мессине. Спустя несколько месяцев за ним последовала его жена Констанция, оставив пятилетнего сына Фридриха на попечение папы Иннокентия III.

Две империи остались без правителей, а норманнская Сицилия прекратила свое существование. В Германии началась война за имперское наследие, а Англия и Франция также – хотя и не с такой яростью – занялись проблемами наследования в связи со смертью в 1199 году Ричарда Львиное Сердце. Папа Иннокентий обнаружил, что в Европе у него нет соперников. По поводу Византии он не испытывал сильных чувств, зато проявлял энтузиазм в отношении крестовых походов. Трудность заключалась в отыскании подходящих лидеров. Смерть коронованных особ его не волновала. Опыт показал, что короли и принцы, возбуждавшие национальное соперничество и беспокоившиеся о протоколах и процедурах, создавали больше шума, чем следовало. Несколько крупных аристократов замечательно подойдут для достижения его цели. Иннокентий оглядывался по сторонам в поисках кандидатов, когда к нему пришло письмо от графа Тибальда Шампанского.

Как-то раз, в сентябре 1197 года, правитель Заморья Генрих Шампанский проводил смотр войск из окна своего дворца в Акре, когда к нему в комнату вошла делегация из местной пизанской колонии. Он обернулся, чтобы поприветствовать их, и машинально отступил назад.

⁷⁸ Никита Хониат написал о нем: «Какую бы бумагу ни поднес кто императору, он тотчас ее подписывал; будь там бесконечные вопросы, или бессмысленный набор слов, или требования просителя, чтобы море пахало, а по земле плавали, а горы переставили на середину моря, или, как в басне говорится, чтобы Афон поставили на Олимп».

Карлик Скарлет в попытке удержать Генриха ухватил его за одежду, но было слишком поздно. Вместе они рухнули из окна. Скарлет отделался переломом ноги, а Генрих погиб.

Два года спустя младший брат Генриха Тибальд проводил турнир в замке Экри на Эне. Из-за своей юности – тогда ему было лишь двадцать два года – Тибальд не сопровождал Генриха в Святую землю, но, поскольку являлся внуком Людовика VII и одновременно племянником Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце, крестовые походы были у него в крови. Энергичный и амбициозный юноша был к тому же религиозным фанатиком. Во время турнира к нему и его друзьям обратился знаменитый проповедник Фулько Нельи⁷⁹. Священник ездил по Франции и призывал людей в новый поход на Восток. Молодые люди тут же откликнулись. К папе Иннокентию немедленно прибыл гонец и объявил об их согласии. Другие поспешили к принцам вроде Тибальда – во Францию, Германию и Фландрию – добиваться их участия в походе. Реакция была положительной: молитвы папы Иннокентия исполнились.

Главной проблемой был способ передвижения. Ричард Львиное Сердце, прежде чем покинуть Палестину, высказал мнение, что самым слабым местом мусульманского Востока был Египет, и именно туда должны быть направлены в первую очередь следующие экспедиции. Из этого ясно следовало, что новая армия должна переправляться по морю, и ей потребуются корабли, а столько кораблей можно получить лишь в Венецианской республике.

В 1201 году, в первую неделю Великого поста, группа из шести рыцарей во главе с Жоффруа де Виллардуэном, маршалом Шампани, явилась в Венецию. Свою просьбу они изложили на заседании Большого совета. Ответ они получили через восемь дней. Республика обязалась предоставить сроком на один год суда для перевозки 4500 рыцарей и столько же коней, а также 9000 оруженосцев и 20 000 пеших воинов вместе с оружием и снаряжением, а также съестными припасами, которыми она бралась снабжать войска в течение 9 месяцев. Цена составит 84 000 серебряных марок⁸⁰. Кроме того, Венеция принимала обязательства снарядить на годичный срок за свои средства пятьдесят полностью экипированных галер при условии, что она получит половину всех завоеванных территорий.

К счастью для потомков, Жоффруа оставил полный отчет не только о самом походе, но также и о приготовлениях к нему. Мало кто из его современников мог бы сделать лучший отчет. Старофранцузский, на котором он пишет, по мнению одного английского историка, является «самым восхитительным средством выражения, который когда-либо видел мир», а Гиббон более точно называет его «грубой идиомой его века и страны». Однако стиль Жоффруа обладает ясностью и энергичностью. На первых страницах своих хроник он дает нам глазами очевидца описание венецианской демократии, такой, какой она была в действии. Дожд Дандоло, оказывается, прежде чем принять решение, несколько раз консультировался с Советом сорока, с прегади и Большим советом. Но в деле такой важности необходима была и ассамблея глав семейств – аренго. Итак, пишет Жоффруа:

Он собрал по меньшей мере десять тысяч человек в церкви Святого Марка, самой красивой в городе. Отслужили мессу и обратились к Богу, чтобы он их наставил. После мессы дож созвал послов и наказал им, чтобы они сами просили народ принять участие в походе. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, выступил с речью... Тогда дож и люди воздели руки и закричали, как один человек: «Мы согласны! Мы согласны!» И таким громким был крик, что, казалось, земля дрожит под ногами.

На следующий день были заключены контракты. Жоффруа мельком отмечает, что все соглашения упоминают Египет как конечную цель. Разъяснений не дает, возможно, он и его

⁷⁹ Фулько Нельи привлек к походу 200 000 воинов и собрал огромные денежные средства.

⁸⁰ Марка была мерой веса, а не монетой и отличалась от региона к региону.

коллеги боялись – оказалось, не зря, – что такая новость не будет популярна у рядовых крестоносцев: для них главной целью был Иерусалим. Они не видели причин тратить время на что-то другое. Более того, египетская экспедиция наверняка означала опасную высадку на враждебном берегу. Это вовсе не спокойный спуск якоря в христианской Акре и возможность отдохнуть от путешествия, прежде чем броситься в бой. Венецианцы, со своей стороны, были бы рады участию в обмане, поскольку у них был собственный секрет: в самый момент заключения переговоров их послы были в Каире и обсуждали чрезвычайно выгодный контракт с наместником султана, которого вскоре после того заверили, что у Венеции нет намерения напасть на Египет⁸¹.

Такие размышления, однако, не могли помешать сборам в поход: ведь там можно будет захватить куда большую добычу, поэтому было решено, что крестоносцы соберутся в Венеции в день святого Иоанна, 24 июня 1202 года. Флот будет их ждать.

Как Энрико Дандоло удалось отговорить франков от уже поставленной цели, мы так и не узнаем. Возможно, он и его приближенные были ответственны за распространение слухов относительно намерений крестоносцев, и о них узнали в странах Запада. Такие вещи становятся известны в удивительно короткое время. Но если он надеялся, что реакция на эту новость заставит предводителей изменить свое мнение, то он ошибался. От своих намерений отказались наемники. Многие, услышав об этом, отказались от похода, другие решили во что бы то ни стало идти в Палестину и искать корабли в Марселе или портах Апулии. В назначенный для встречи в Венеции день армия, собравшаяся в Лидо, насчитывала менее трети ожидаемого.

Для тех, кто пришел, как и планировалось, ситуация была высшей степени неловкой. Венеция исполнила свою часть сделки: флот стоял в ожидании крестоносцев. Ни один человек, по словам Жоффруа, не видел ничего прекраснее, только вот флотилия была в три раза больше, чем требовалось для собравшихся на берегу людей. В таком маленьком составе крестоносцы не могли надеяться заплатить венецианцам деньги, которые им пообещали. Нынешний их предводитель, маркиз Бонифаций Монферратский (Тибальд Шампанский умер в предыдущем году вскоре после возвращения), прибыл в Венецию довольно поздно и тут же обнаружил, что экспедиции грозит провал. Венецианцы не только отказывались выпустить из порта хотя бы один корабль, прежде чем им заплатят деньги, они даже угрожали не отпустить провизию ожидавшей армии – угроза тем более серьезная, что армия была заперта в Лидо и солдатам запрещено было входить в город. Эта мера, следует отметить, была не столь уж чрезвычайной, напротив, при таких обстоятельствах венецианцы проявили обычную предосторожность: нельзя было допустить нарушения мира или распространения болезней. Атмосферу это, впрочем, вряд ли улучшило. Бонифаций опустошил собственные сундуки, многие рыцари и бароны поступили так же, и каждому человеку в армии пришлось отдать то, что он мог, но общая сумма, включая золото и серебро, все же была на 34 000 марок меньше того, что требовалось.

Пока деньги продолжали поступать, Дандоло держал крестоносцев в неизвестности. Убедившись, что выкачал все, он выступил с предложением. Город Зара, заметил он, недавно попал в руки короля Венгрии. Если франки согласятся помочь Венеции отвоевать его, то они получат с долгом. Это было циничное предложение, и как только папа Иннокентий услышал его, он тут же послал гонца с распоряжением от него отказаться. Но у крестоносцев, как он понял позднее, выбора не оставалось.

В соборе была совершена еще одна церемония, которую Энрико Дандоло, несмотря на свои годы, провел великолепно. Он обратился к подданным. Жоффруа де Виллардуэн, присутствовавший при этом, приводит его речь:

⁸¹ Это утверждение не может быть доказано. Договора не существует, и, хотя свидетельство, что он был, очень похоже на правду, есть проблема с определением точной даты. Однако большинство современных историков убеждены: нет ничего невероятного в двойной игре венецианцев в то время.

«Синьоры! Отныне вы соединились с самыми достойными людьми на свете и ради самого высокого дела, которое кем-либо и когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и немощен и нуждаюсь в покое, к тому же тело мое изувечено, но тем не менее я вижу, что среди вас нет никого, кто мог бы руководить вами, как я, ваш правитель. Если вы позволите, чтобы я взял крест, дабы оберегать и вести вас, и чтобы на моем месте остался мой сын и защищал бы страну, тогда я отправлюсь жить или умереть с вами и крестоносцами».

И когда они слышали его, то закричали все как один человек: «Богом просим вас поступить именно так и отправиться с нами!»

Затем он сошел с кафедры и направился к алтарю, встал на колени, рыдая, и ему надели крест на большую шапку, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест.

Итак, 8 ноября 1202 года крестоносцы отплыли из Венеции в Четвертый крестовый поход. 480 кораблей, возглавляемые галерой самого дожа, «окрашенной в алый цвет, с шелковым тентом того же цвета, под стук кимвал, под пение четырех серебряных труб» отправились не в Египет и не в Палестину. Неделю спустя они взяли Зару и разграбили город. Между венецианцами и франками почти немедленно развязалась драка за добычу, что вряд ли предвещало благополучный исход экспедиции, тем не менее мир был восстановлен, и две группы зазимовали в разных частях города. Тем временем новость об этом событии дошла до папы. Иннокентий разгневался и захотел запретить всю экспедицию. Хотя позже он передумал и распространил свой запрет только на венецианцев, начало похода нельзя было назвать удачным.

Худшее, однако, было еще впереди. В начале следующего года прибыл гонец с письмом к Бонифацию от германского короля, Филиппа Швабского (1178–1208). Филипп был не только сыном Барбароссы, братом императора Генриха VI, чья смерть пять лет назад оставила пустым трон императора Запада. Он был также и зятем низложенного императора Византии Исаака Ангела, так что, когда его юный сын, еще один Алексей, в 1201 году бежал из тюрьмы, в которую он и его отец были заключены, двор Филиппа стал для него естественным убежищем. Там он встретил Бонифация незадолго до отъезда последнего в Венецию. Возможно, что именно тогда эти трое разработали план, который Филипп теперь официально изложил в письме. Если крестоносцы проводят юного Алексея в Константинополь и посадят его на трон вместо узурпатора-дяди, Алексей, в свою очередь, профинансирует завоевание Египта, даст дополнительно своих 10 000 солдат, а потом будет в Святой земле содержать за свой счет 500 рыцарей. Он также передаст церковь в Константинополе под покровительство Рима.

Бонифацию этот план понравился. Кроме явных долгосрочных выгод для самого похода и возможности выплатить долг Венеции, он увидел в этом собственную выгоду. А почему бы и нет? За прошедшие сто лет многие крестоносцы не считали за грех, следуя за Крестом, обогащаться. Когда Бонифаций рассказал об этой идее Дандоло – вряд ли тот ей слишком удивился – старый дож воспринял ее с энтузиазмом. Отлучение от церкви его не пугало: папские запреты Венеция нарушала не в первый и не в последний раз. Военный и дипломатический опыт мало поспособствовали его любви к Византии. Кроме того, нынешний император, вступив на трон, создал невероятные трудности при продлении торговых льгот, дарованных его предшественником. Соперничество с Генуей и Пизой становилось все яростнее. Если Венеция хочет сохранить влияние на восточных рынках, она должна вести активные действия. Таким действием станет изменение пункта назначения египетской экспедиции.

Армия крестоносцев приняла изменение планов охотнее, чем можно было ожидать. Некоторые все же сразу отказались и направились в Палестину. Большинство было радо осуществить план, обещавший богатство, а также восстановить единство христианского мира. Со времен великой схизмы, и даже еще раньше, Византия на Западе не пользовалась популяр-

ностью. Предыдущим походам она давала мало или вообще ничего, а потому считалось, что в нескольких случаях она предала дело христиан. Предложение молодого Алексея активно помочь стало приятной новостью, никто не хотел пренебрегать такой возможностью. Наконец, в рядах крестоносцев должно было быть немало циничных людей, надеющихся на личное обогащение. Обычный франк о Византии практически ничего не знал, однако все слышали истории о ее несметном богатстве. И для любой средневековой армии, будь на ее штандартах Святой крест или что-то другое, сказочно богатый город означал только одно – добычу.

Молодой Алексей лично явился в Зару к концу апреля, и спустя несколько дней флот пустился в плавание, сделав остановки в Дураццо и Корфу. В обоих городах Алексея назвали законным императором Востока. 24 июня 1203 года, через год после встречи в Венеции, он бросил якорь у Константинополя. Узурпатор Алексей III получил много предупреждений о приходе флота, тем не менее не подготовил свою столицу к обороне. Доки простояли без дела с тех пор, как глупый братец шестнадцать лет назад поручил Венеции строительство кораблей. По свидетельству Никиты Хониата – как бывший секретарь императора, он хорошо знал, что происходит, – тот позволил своему адмиралу (являвшемуся его шурином) продать все якоря, паруса и оснастку нескольких оставшихся судов. Теперь они превратились в бесполезные скорлупки, гниющие во внутренней гавани. Подданные императора, собравшиеся на стенах, с тупым изумлением смотрели на огромный военный флот, входивший в устье Босфора.

Но и крестоносцам тоже было на что посмотреть. Жоффруа сообщает:

Так вот, знайте, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто никогда его не видел, ибо когда они увидели эти высокие крепостные стены и мощные башни, которыми город был полностью окружен, и великолепные дворцы, и парящие купола церквей – так много всего представилось их глазам, что если бы сами не видели, никому бы не поверили. Никто и представить себе не мог длину и ширину города, который главенствовал между всеми городами. Они никогда бы не подумали, что где-либо на свете может существовать такой богатый и мощный город. И заметьте, не было среди них столь храброго и отважного человека, который не задрожал бы всем телом, и это не было удивительно, ибо с тех пор как сотворен мир, никогда столь великое дело не принималось таким малым числом людей.

Крестоносцы не спешили начать осаду. Они высадились на азиатском побережье пролива, возле императорского дворца Халкедон в Скутари (современный Шкодер, Албания), чтобы пополнить запасы. «Окружающая земля была прекрасна и плодородна; снопы только что сжатой пшеницы стояли в полях, так что любой человек мог взять, сколько ему надо». Там они легко отразили нерешительную атаку небольшого отряда греческой кавалерии – конница бежала при первом отпоре – и позднее без церемоний распрощались с послом императора. Если, сказали они ему, его хозяин хочет передать трон своему племяннику, они попросят последнего проявить к дяде снисхождение. Если же император не согласен, пусть больше не посылает гонцов, а подумает об обороне.

Вскоре после восхода 5 июля они переправились через Босфор и высадились у Галаты, напротив бухты Золотого Рога. Галата была купеческим поселением, в ней находились иностранные торговые сообщества. У города не было крепостных стен, единственным оборонительным сооружением была большая круглая башня. Эта башня, однако, являлась важной стратегической точкой, потому что в ней стояла большая лебедка, поднимавшая и опускавшая цепь и блокировавшая в случае опасности вход в бухту Золотого Рога⁸². Для защиты башни вышел

⁸² Этой башни больше нет, ее снесли в 1261 году. Нынешняя башня Галаты – сооружение XIV века.

большой отряд с императором во главе. Несмотря на общее разложение в армии византийцев с приходом Ангелов, неизвестно, смогли бы они действовать лучше при другом командовании. Все знали, как Алексей захватил трон, да и его характер был не из тех, что внушают любовь или преданность. Вид флотилии, состоявшей более чем из ста кораблей, скорость, с которой высаживались на берег люди и лошади, вытаскивали осадную технику – венецианцев в нерасторопности никто еще не упрекнул, – наполнили их ужасом, и едва первая волна крестоносцев приступила к атаке, как они развернулись и побежали, причем император снова был впереди всех.

В самой башне гарнизон сражался храбрее и выдержал двадцать четыре часа, тем не менее к утру вынужден был сдаться. Венецианцы отстегнули огромную железную цепь, протянувшуюся на пятьсот ярдов через устье бухты, и с грохотом сбросили ее в воду. Флот вошел в бухту, уничтожив несколько византийских судов во внутренней гавани. Морская победа была безоговорочной.

Константинополь тем не менее не сдался. Его северные крепостные стены – те, что шли вдоль берега бухты, – не могли сравниться мощностью или великолепием с огромными опоясывающими город с суши стенами, возведенными в V веке императором Феодосием II, однако их яростно защищали. Постепенно греки стали набираться отваги и решимости, которых до сих пор им так недоставало. За все 900 лет существования их город ни разу не сдался иноземному захватчику. До сегодняшнего дня они и не думали, что такое может случиться. Очнувшись наконец-то и в полной мере осознав угрожающую им опасность, они приготовились сопротивляться.

Атака была направлена против самой слабой точки византийской обороны. Это был морской фасад императорского Влахернского дворца, занимавший угол, образованный стеной Феодосия и той, что огибала бухту Золотого Рога с северо-западной оконечности города. Атаку начали утром, в четверг 17 июля, одновременно с суши и моря. Венецианские корабли шли низко, проседая под тяжестью осадной техники – стоявших на полубаке метательных орудий и таранов, тут же были сходни и штурмовые лестницы, подвешенные на канатных блоках между нок-реями. Первая наземная атака франков была отбита англичанами и датчанами, которые триста лет составляли знаменитую варяжскую стражу императора. Исход битвы решили венецианцы и до значительной степени лично Энрико Дандоло.

Об отваге старого дожа нам известно не по отзывам хронистов Венецианской республики, а со слов Жоффруа де Виллардуэна. Он сообщает, что, хотя венецианский флот подошел так близко к берегу, что люди, стоявшие на штурмовых лестницах, врукопашную сражались с защитниками города, венецианские моряки не решались втащить суда на берег.

И тут произошло удивительное проявление храбрости. Дож, человек старый, к тому же слепой, встал на носу галеры рядом со знаменем Святого Марка и крикнул людям, чтобы его первым высадили на сушу. И они послушались и высадили его на берег и вынесли знамя, тогда вслед за ним и остальные прыгнули на берег и воткнули древко знамени в землю. Когда другие венецианцы увидели штандарт святого Марка, а рядом с ним галеру дожа, то устыдились и последовали его примеру.

В разгар атаки защитникам стало ясно, что шансов у них нет. Дандоло послал весть франкским союзникам, что в руках венецианцев не менее двадцати пяти башен. К этому времени его люди ворвались в город через бреши в стене и деревянные дома в влахернском квартале, примыкавшем к атакованному участку городской стены. В тот вечер Алексей III, император Константинополя, тайно бежал из города и оставил жену и детей, за исключением любимой дочери. Он взял с собой ее, а также несколько других женщин, 10 000 фунтов золота и мешок с драгоценностями. В общем, приготовился к будущему, как сумел.

В самый критический момент своей истории Византия осталась без императора. Возможно, кто-то удивится, узнав, что на поспешно собранном городском совете решено было выпустить из тюрьмы старого Исаака Ангела и вернуть его на императорский трон. Он был совершенно слеп – брат из предосторожности лишил его не только трона, но и глаз. На трон уселся безнадежно некомпетентный правитель. Тем не менее он был законным императором, и, вернув его, византийцы верили, что устранили причины дальнейших посягательств крестоносцев. В какой-то степени так и случилось, однако оставался вопрос касательно обещаний, данных молодым Алексеем Бонифацию и Дандоло. Исаак вынужден взять себе в соправители сына. Только тогда франки и венецианцы официально признали Исаака, после чего удалились к Галате и стали дожидаться обещанных наград.

1 августа 1203 года Алексея IV короновали и наделили полномочиями, такими же как у отца. Он немедленно забыл об обещаниях, данных им весной в Заре. Имперская казна, после правления его дяди, была пуста. Против налогов, которые он вынужден был ввести, открыто выступили подданные. Они слишком хорошо знали, куда пойдут эти деньги. Тем временем духовенство, всю жизнь игравшее важную роль в политике Константинополя, возмутилось, когда Алексей принялся забирать церковную утварь и расплавлять ее. Еще больше разъярились, узнав о его планах расплатиться с римским папой. Прошла осень, настала зима, недовольство народа крепло, а присутствие ненавистных и ненасытных франков усиливало напряжение. Однажды группа франков, слоняясь по городу, увидела в мусульманском квартале маленькую мечеть, стоявшую за церковью Святой Ирины. Мечеть разграбили и сожгли. Пламя распространилось, и в следующие сорок восемь часов Константинополь был охвачен самым страшным пожаром в его истории.

Алексея в тот момент в городе не было: он безуспешно искал сбежавшего дядю. Вернулся и увидел большую часть столицы в руинах, а своих подданных – почти открыто воюющими против чужеземцев. Напряжение достигло высшей точки, но, когда несколько дней спустя делегация из троих крестоносцев и троих венецианцев явилась к Алексею и стала требовать немедленного возврата долга, сделать было ничего нельзя. По свидетельству Виллардуэна – он, как обычно, был одним из делегатов, – они ели унесли ноги: трудно было дойти до дворца и уйти из него. «Вот так, – пишет он, – началась война. Каждая сторона сделала столько вреда, сколько могла, и на море, и на суше».

Ирония судьбы: никто – ни крестоносцы, ни греки – не хотел войны. Жители Константинополя имели перед собой одну цель: избавиться от вандалов, разрушивших их любимый город и доведших их до нищеты. Франки, со своей стороны, не забыли о причине, по которой оставили свои дома. Им страшно не хотелось оставаться среди этого никудышного народа, да еще и общаться со схизматиками. Даже если греки отдадут долги, крестоносцы ничего не выиграют: придется еще расплачиваться с Венецией.

Ключ к разрешению этой загадки был у Венеции, или, что более точно, у Энрико Дандоло. Он в любой момент мог дать приказ к отплытию. Если бы он так поступил, то и крестоносцы почувствовали бы облегчение, и византийцы бы возрадовались. Он не делал этого, потому что ждал, когда франки отдадут ему долг, а те, в свою очередь, надеялись на деньги, обещанные им Алексеем и его отцом. На самом деле этот долг представлял для него относительно малый интерес, едва ли больший, чем сам поход. Он думал о куда более великих вещах: о падении Византийской империи и установлении на троне Константинополя венецианской марионетки.

Итак, надежды на мирный договор растаяли. Дандоло заговорил с франкскими союзниками по-другому. Нечего ожидать от Исаака и Алексея: они не постеснялись предать друзей, которым были обязаны троном. Если крестоносцы хотят получить то, что им было обещано, придется это взять силой. С моральной точки зрения они совершенно правы: вероломные Ангелы не могут ожидать проявления к себе лояльности. Надо войти в город с собственным лидером, назначить его императором, и тогда Венеция не только получит по долгам, но и

оправдает весь поход. В этом их шанс, они должны им воспользоваться сейчас, потому что такой возможности больше не представится.

В Константинополе все согласились с тем, что Алексей IV должен уйти. 23 января 1204 года в храме Святой Софии собрались сенаторы, духовенство и представители народа – объявить Алексею о его смещении, а затем избрать преемника. Обсуждение шло три дня, после чего остановились на полном ничтожестве по имени Николай Канав. Тот взял власть в свои руки.

Алексей Дука по прозвищу Мурцуфл (что значит «нахмуренный») – брови у него были черные, косматые и сходились у переносицы – происходил из аристократической семьи. В его роду уже было два императора, а теперь он занимал должность протовестиария, что давало ему доступ к императорским покоям. Поздно вечером он вошел к спящему Алексею, разбудил его и сказал, что подданные восстали против него и предложил бежать. Закутав императора в длинный плащ, вывел его из дворца через боковую дверь, где уже дожидалась группа заговорщиков. На незадачливого юношу надели оковы и отвели в темницу. Две попытки отравить его оказались безуспешными, в конце концов Алексея задушили. Примерно в это же время умер его слепой отец. Рассказывая об этом в своих хрониках, Виллардуэн с неподражаемой наивностью приписывает эту смерть шоку, полученному отцом от известия о судьбе Алексея. Похоже, Виллардуэну и в голову не приходит, что смерть от «шока» могла быть вызвана искусственным путем.

Уничтожив соперников – Николай Канав скрылся в безвестности, – Мурцуфл взойшел на трон в храме Святой Софии как Алексей V. Он немедленно начал проявлять качества лидера, которых так долго недоставало его империи. Впервые с момента прихода крестоносцев на крепостных стенах и в башнях появились люди: работая день и ночь до седьмого пота, укрепляли их и надстраивали. Франкам стала ясна одна вещь: переговоров больше не будет, а уж о долге и речи идти не может: новый император не несет за него никакой ответственности. Ничего не оставалось как напасть на город, а теперь, когда Мурцуфл проявил себя как узурпатор и закоренелый убийца, крестоносцы почувствовали, что имеют на это полное моральное право. Тем более, что, в отличие от Алексея, он не является законным императором.

Вышло то, о чем несколько месяцев говорил Энрико Дандоло. И венецианцы, и франки признали в старом доже предводителя экспедиции. Бонифаций Монферратский старался удерживать свое влияние. Императорская корона была совсем близко, он должен был ею завладеть, однако его отношения со смещенным императором были слишком тесными, и теперь, когда Алексей IV был смещен, Бонифаций почувствовал себя до некоторой степени дискредитированным. К тому же у него были связи с генуэзцами, и Дандоло знал это.

В начале марта в лагере у Галаты произошло несколько собраний. Обсуждался на них не столько план атаки – несмотря на оборонительную работу Мурцуфла, с городом можно было легко справиться, – сколько управление империей после ее завоевания. Было решено, что и крестоносцы, и Венеция выдвинут по шесть делегатов в выборный комитет, и этот орган выберет нового императора. Если, как ожидалось, это будет франк, патриархом станет венецианец. Либо наоборот. Император получит четверть города и империи, включая два главных дворца – Влахернский в бухте Золотого Рога и старый дворец Буколеон на берегу Мраморного моря. Остающиеся три четверти разделят поровну: половина Венеции, другая половина – крестоносцам. Дож при этом освобождался от обязанностей ленной присяги императору. Вся добыча должна быть доставлена в определенное место и распределена поровну. Наконец, стороны обязаны были целый год оставаться в Константинополе, по крайней мере до марта 1205 года.

Нападение началось в пятницу утром, 9 апреля. Удар был направлен на тот участок морской стены против бухты Золотого Рога, где отличились девять месяцев назад Дандоло и его люди. На этот раз попытка провалилась. Стены стали выше, а с венецианских мачт до башен

было не добраться. К тому же греки построили платформы, с которых им удобно было обстреливать катапультами наступающих. К середине дня атакующим пришлось разворачивать своих людей, лошадей и орудия и возвращаться в Галату. Следующие два дня устраняли неполадки, в понедельник возобновили атаку. На этот раз венецианцы приводили свои корабли попарно: это позволило им в два раза усилить давление на каждую башню. Вскоре подул северный ветер и прибил корабли под самые стены, гребцам бы это оказалось не под силу. Теперь нападающие действовали под прикрытием навесов, протянутых от одной мачты к другой. Вскоре были захвачены две башни. Почти одновременно крестоносцы открыли ворота и ворвались в город.

Мурцуфл галопом скакал по улицам города, стараясь вселить в жителей мужество и решительность, но, как пишет Никита:

Всех охватило отчаяние, никто не слушал ни приказов, ни угроз... Видя, что все усилия безуспешны, а с другой стороны, опасаясь сам быть схваченным и попасть своего рода лакомым кушаньем или десертом в зубы латинян, Дука бросился в большой дворец и, посадив с собой на шлюпку супругу царя Алексея царицу Ефросинью и дочь ее Евдоксию, в которую был влюблен с ранних лет, бесстыдный развратник и сластолюбец, без всякой справедливости разведшийся с двумя супругами, оставил город, где царствовал два месяца и шестнадцать дней.

Все трое, вместе с бывшим императором, нашли убежище в Траки. Между тем Мурцуфл женился на Евдоксии и начал собирать силы для контрудара.

Как только победители ворвались в город, начался страшный грабеж, настолько оголтелый, что даже Виллардуэн пришел в ужас. Только к наступлению ночи, «устав от сражения и побоища», победители устроили перемирие и удалились в лагерь, разбитый на одной из площадей города.

В эту ночь часть крестоносцев, опасаясь ответного удара, устроила пожар в районе, находившемся между ними и греками... город начал гореть, и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день до самого вечера. Это был третий пожар в Константинополе с той поры, как франки пришли в эту землю. И сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах Франции.

После этого те из немногих защитников, кто еще не сложил оружия, потеряли желание продолжать бой. На следующее утро крестоносцы проснулись и увидели, что сопротивление закончилось.

Но для жителей Константинополя трагедия едва началась. Не для того армия так долго ждала падения самого богатого города мира. Теперь он принадлежал им, и, поскольку для грабежа им отвели традиционные три дня, они набросились на город как саранча. Со времен варварских нашествий, происходивших семь веков назад, Европа не была свидетелем такого разгула жестокости и вандализма. Никогда еще в столь короткое время не было уничтожено столько произведений искусства. Среди свидетелей, беспомощных, пришедших в ужас, почти не веривших в то, что люди, называвшие себя христианами, способны на такие чудовищные деяния, был Никита Хониат:

Не знаю, с чего начать и чем закончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди. Они крушили святые изображения, швыряли мощи мучеников в места, которые я стыжусь называть, разбрасывали повсюду плоть и кровь Спасителя. Эти посланники антихриста хватали пресвятые сосуды и диски, вырывали из них драгоценные камни, а потом использовали

их как чашки для питья... Тому же, что за богохульство творили они в Великой церкви [храм Святой Софии] трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделен на части между грабителями... Они ввели в храм лошадей и мулов, чтобы вывезти оттуда священные сосуды, а также серебро и золото, вырванное из трона, кафедры, дверей и мебели. Когда животные скользили на гладком полу и падали, они закалывали их мечами, оскверняя храм их кровью и пометом.

На патриаршем престоле проститутки распевали песни, оскорбляющие Иисуса Христа, отплясывали в святом месте непристойные танцы... честных женщин и даже монахинь насиловали в храме... На улицах, в домах и церквях слышались плач и причитания.

И все эти люди, продолжает хронист, ходили с нашитым на плечах крестом, крестом, который сами же поклялись пронести через христианские земли без кровопролития. А ведь они говорили, что поднимут оружие только против язычников, и от телесных удовольствий клялись отказаться, пока не сделают святое дело.

Это был самый темный час Константинополя, страшнее того, что произошел два с половиной столетия спустя, когда город окончательно сдался османскому султану. Однако не все его сокровища погибли. Пока французы и фламандцы упивались разрушением, венецианцы головы не теряли. Они понимали толк в прекрасном и, хотя в грабежах не отставали от других, бессмысленно ничего не разрушали. Все то, что захватывали, отсылали в Венецию, начиная с четырех бронзовых коней, украшавших ипподром со времен Константина. После короткого пребывания в Арсенале коней перенесли к собору Сан Марко, где они и стоят сейчас над главным входом. Северный и южный фасады базилики украшены скульптурами и барельефами, доставленными в то же время. Внутри, в северном трансепте, висит чудесная икона Богородицы Никопеи (Победоносной) – императоры брали ее с собой перед сражением. Венеция обладает одной из самых больших коллекций византийских произведений искусства – еще одно доказательство венецианской ненасытности.

После трех дней бойни порядок был восстановлен. Согласно договоренности, всю добычу – или ту ее часть, которая не была успешно припрятана, – собрали в трех церквях и распределили: четверть – императору, остальное разделили на равные доли между франками и венецианцами. Как только это было сделано, крестоносцы заплатили Дандоло 50 000 серебряных марок, которые задолжали республике. Уладив эти формальности, обе стороны занялись следующим делом – выбором императора.

В отчаянной попытке восстановить утерянный престиж и усилить свою позицию Бонифаций Монферратский отыскал императрицу Маргариту, вдову Исаака Ангела, и женился на ней. Ему не надо было беспокоиться: Энрико Дандоло сразу отказался от притязаний, и выбор благодаря давлению Венеции немедленно пал на добродушного и податливого Балдуина, графа Фландрского. 16 мая Балдуин был коронован в храме Святой Софии и стал третьим императором, избранным за один год. И хотя новоизбранный патриарх, венецианец Томазо Морозини⁸³, еще не приехал в Константинополь и соответственно не мог принимать участия в церемонии, мало кто из присутствующих стал бы отрицать, что новый император обязан своим статусом Венецианской республике.

Венеция завладела лучшей частью имперской территории. По условиям договора с крестоносцами ей отошло три четверти города и империи плюс право свободной торговли в

⁸³ «Толстый, как бочка, – фыркнул позднее Никита, – а облачение такое тесное, словно нашито на кожу». Несмотря на то что был уже монахом, Морозини не был посвящен в духовный сан, когда стал патриархом. Его сразу же сделали дьяконом, две недели спустя – священником, а на следующее утро – епископом.

имперских владениях, при этом Геную и Пизу таких прав лишили. В самом Константинополе Дандоло потребовал целый район, окружавший храм Святой Софии, и земли патриарха, раскинувшиеся до бухты Золотого Рога. Венеции также отошли территории, дававшие ей власть над Средиземноморьем – непрерывная цепь портов, начинавшихся от лагуны и доходивших до Черного моря, включая западное побережье континентальной Греции, Ионические острова, весь Пелопоннес, Эвбею, Наксос и Андрос, Галлиполи, Фракийское побережье, город Адрианополь и, наконец, после непродолжительных переговоров с Бонифацием, крайне важный остров Крит.

Не остается никаких сомнений в том, что венецианцы, а не французы или фламандцы, и даже не сам Балдуин, являвшийся, по сути, номинальной фигурой, были настоящими победителями в Четвертом крестовом походе. Этой победой они прежде всего были обязаны Энрико Дандоло. С самого начала, со дня, когда четыре года назад на Риалято прибыли франкские послы с просьбой о помощи в своем священном предприятии, он повернул все дело в пользу Венеции. Отвоевал Зару, защитил от нападений Египет и тем самым сохранил коммерческие интересы Венеции в мусульманском мире. Он незаметно направил франкские силы в Константинополь, возложив при этом на них ответственность за принятые решения. В Константинополе его отвага вдохновила первую атаку; талант дипломата способствовал смещению Ангелов, а это позволило захватить город. Благодаря дипломатическим способностям Дандоло был составлен договор, согласно которому Венеция получила больше, чем она могла надеяться, что позволило ей заложить фундамент своей торговой империи. Отказавшись от византийской короны – приняв ее, Дандоло создал бы конституционные проблемы у себя дома и, возможно, разрушил бы республику, – не приняв участия даже в выборном комитете, он понимал, что его влияние на выборы (действовал он через своих авгуров в старом императорском дворце, который временно занял) будет равносильно обретению Венецией большинства голосов, а значит, обеспечит успех его кандидата. Наконец, побуждая франков создать в империи феодальные отношения – такой шаг неминуемо должен был вызвать дробление и разлад и ослабить ее так, чтобы она не помешала венецианской экспансии, – он тем самым вывел Венецию за феодальные рамки. Для слепого девяностолетнего человека это было удивительным достижением.

Но даже и теперь Дандоло было не до отдыха. За пределами столицы греческие подданные империи продолжали сопротивление. Мурцуфла можно было более не опасаться: вскоре после женитьбы он был ослеплен ревнивым тестем, а год или два спустя его взяли в плен франки, доставили в Константинополь и сбросили с высокой колонны в центре города. Но еще один зять Алексея III создал в Никее императорский двор в изгнании, двое Комнинов сделали то же самое в Трапезунде, а в Эпире бастард Ангел объявил себя независимым деспотом. Крестоносцам приходилось отбиваться со всех сторон, и нигде не приходилось им так трудно, как в только что приобретенном Венецией Адрианополе, где сразу после Пасхи 1205 года император Балдуин попал в руки болгар, и старому дожу, сражавшемуся на его стороне, пришлось вывести ослабевшую армию назад, в Константинополь. Неизвестно, был ли Дандоло ранен, но тем не менее через шесть недель он скончался. Его тело, как ни странно, не было отправлено в Венецию, похоронили его в храме Святой Софии. Сейчас можно увидеть его гробницу в галерее над южным проходом.

Энрико Дандоло хорошо послужил своему городу. Удивительно, что венецианцы так и не поставили памятник самому великому дожу⁸⁴. Однако в общеевропейском масштабе он выглядит не лучшим образом. Нельзя сказать, что из-за него крестовые походы заслужили дурную славу, так как еще в предыдущем столетии они вошли в книгу истории христианства как самые черные ее главы. И все же четвертый поход превзошел все предыдущие предательством, лице-

⁸⁴ Тем не менее они увековечили главные эпизоды четвертого крестового похода еще одним циклом картин во Дворце дождей. Их можно увидеть на южной стене зала Большого совета.

мерием, жестокостью и алчностью. В XII веке Константинополь был не просто самой великой и богатой столицей мира, но и самой культурной как в интеллектуальном, так и в художественном отношении. Он хранил главное европейское классическое наследие, греческое и римское. Во время разграбления города западная цивилизация пострадала даже больше, чем при нападении в V веке варваров на Рим, больше, чем при поджоге в VII веке знаменитой библиотеки Александрии. Возможно, это была самая большая катастрофа в истории.

В политическом отношении урон тоже невозможно оценить. Хотя правление латинян на Босфоре длилось менее шестидесяти лет, греческая империя так и не вернула былой мощи и утратила влияние на бывшие владения. При твердом руководстве сильная и процветающая Византия могла бы остановить турецкое нашествие. Однако экономика ее теперь была подорвана, она лишилась части территорий, а потому и не смогла защитить себя от оттоманского нашествия. Ирония судьбы: восточные христиане пятьсот лет вынуждены были страдать от мусульманского ига, а обрекли их на это люди, шедшие под знаменем Святого креста. Людей этих от имени Венецианской республики перевез, вдохновил и повел за собой Энрико Дандоло. Из этой трагедии Венеция извлекла для себя огромную выгоду, однако и она, и ее великолепный старый дож должны нести главную ответственность за разорение мира.

Часть вторая

Имперская экспансия

*И часовым для Запада была
И мусульман надменных подчинила...*

*Вордсворт. На ликвидацию Венецианской
республики⁸⁵*

Глава 11

Латинская империя (1205–1268)

*...Ее принцессы принимали вено
Покорных стран, и сказочный Восток
В полу ей сыпал все, что драгоценно.
И сильный князь, как маленький князек,
На пир к ней позванный, гордиться честью мог.*

*Байрон.
Паломничество Чайлд Гарольда⁸⁶*

Пьетро, сына Себастьяно Дзиани, единогласно избрали дожем Венеции 5 августа 1205 года, и первый вопрос, который перед ним встал, касался его положения. В долгом списке звучных, но по большей части пустых титулов, которые постепенно присоединялись к званию дожа, добавился новый, означавший в переводе с итальянского «Вождь четверти и получетверти Римской империи». Возможно ли было дожу считать себя – как всегда считали себя его предшественники – итальянским принцем? Или он должен теперь назвать себя восточным деспотом?

Венеции повезло, что в этот поворотный момент ее истории появился и стал заправлять ее делами не амбициозный авантюрист, а вдумчивый, ясно мыслящий человек, твердо стоящий на земле. Дзиани были невероятно богаты и пользовались глубоким уважением в городе, где Пьетро ценили за его набожность и щедрость. В юности он был моряком и в 1177 году командовал флотилией, сопровождавшей Фридриха Барбароссу из Равенны в Кьоджу. В Четвертом крестовом походе он дошел до Зары и Константинополя, но надолго не задержался, поскольку во время выборов стал одним из шести советников Реньеро Дандоло, заместителя дожа на время отсутствия его отца. Возможно, кровопролитие его шокировало. «Хроника Альтино» – на редкость надежный источник для данного периода – одобрительно цитирует одно из его любимых высказываний: «Войну мы всегда устроим, если захотим, а вот мир нужно усердно искать, а найдя, хранить».

Но для республики, которая вдруг и почти неожиданно обретает широкие территории за морями, мир становится ускользающим удовольствием. Задолго до смерти старого Дандоло

⁸⁵ Перевод В. Левика.

⁸⁶ Перевод В. Левика.

стало ясно, что граждане покоренной Византии не желают добровольно принимать новый порядок. Венеция может быть богатой и сильной, но ее коренное население невелико. Как же оно может умирять, руководить и защищать население доставшихся ей земель? За помощью в Константинополь обратиться она не могла. Генрих Фландрский, сменивший на императорском престоле своего брата Балдуина, и сам затруднялся держать в узде свои владения. Под мудрым руководством Дзиани венецианцы не делали попытки взять сразу все свои новые территории. Большая часть из них была доверена вассалам, обычно сыновьям ведущих венецианских семей, и молодые люди были счастливы почувствовать себя в роли князьков во Фракии, Малой Азии и на Эгейском архипелаге. Только несколько из стратегически важных баз – Крит, Дураццо, Корфу и два порта, Модона и Корона, в греческой области Мореа – остались под прямым правлением республики.

Но даже и эти немногие аванпосты трудно было контролировать, особенно потому, что успехи Венеции вызывали необузданную ревность у двух ее главных морских соперников – Генуи и Пизы. У этих городов в Константинополе имелись торговые общины, представители которых стояли на стенах города во время Четвертого крестового похода. После падения города их отстранили от имперской торговли⁸⁷, и обе были настроены помешать Венеции в распространении ее власти над Восточным Средиземноморьем. В 1206 году самозванный граф Мальты – а на самом деле генуэзский пират Энрико Пескаторе – высадил на Крит вооруженный отряд и с помощью местного греческого населения захватил несколько стратегических точек на побережье. Венецианцам понадобилось два года и две экспедиции, чтобы вернуть себе остров. Чтобы такой неприятности больше не случилось, на Крит назначили некого Джакомо Тьеполо. Ему был дан титул дожа и власть, аналогичная его двойнику в Венеции, при условии, что он и его преемники будут находиться в этой должности только по два года. Остров разделили на шесть частей и закрепили за каждым из шести сестере города. Так в следующем году была основана первая заморская колония Венеции. Но и теперь греки остались непокоренными. Их земли стали собственностью венецианских сюзеренов. Особенно греков возмущал наплыв алчных латинских священников: мало того, что они забрали всю церковную собственность, так еще и старались убрать традиционную православную литургию и заменить ее римскими обрядами. На протяжении всего столетия греки сопротивлялись как могли.

Проблемы на Крите, Корфу и в других местах Дзиани волновали не так сильно, больше всего его беспокоил Константинополь. Когда город сдался крестоносцам, одной из первых задач Энрико Дандоло стало обеспечение эффективного управления венецианскими районами. Он распорядился назначить туда губернатора (подесту). Сразу после смерти дожа его соотечественники выбрали такого человека из своей среды – Марино Дзено. В Венеции, однако, всегда считали, что подеста должен назначаться центральным правительством, поэтому новость об избрании встретили без энтузиазма. Недовольство усилилось после того, как Дзено присвоил пышный титул «Властелина четверти и получетверти Римской империи» и даже стал носить разноцветные чулки и алые котурны – бывшие ранее прерогативой императора. Такую одежду до него носил Дандоло. Неужели успех венецианцев на Леванте так вскружил им головы, что они вздумали оторваться от родного города? Дзено получил прохладное послание: в данном случае его избрание будет ратифицировано, но в будущем каждого нового подесту будут присылать из Венеции.

Одно время дож Дзиани серьезно задумывался над возможностью переноса столицы республики в Константинополь, так же как девятьсот лет назад это сделал Константин Великий. Говорят, это предложение обсуждалось в совете, его сторонники утверждали, что центр венецианских интересов переместился на Восток, Венеция слишком далека от своих заморских

⁸⁷ Пиза была вновь допущена в 1206 году, а вот генуэзская морская торговля была запрещена до 1218 года, когда греческое и болгарское давление на город положило конец враждебным отношениям между Венецией и Генуей.

владений, город подвержен землетрясениям и наводнениям⁸⁸. Предложение было отвергнуто перевесом в один голос так называемым «голосом провидения» (*voto della provvidenza*). Однако эту историю рассказывают только пара хронистов, не пользующихся доверием. Благонадежные источники об этом вовсе не упоминают, и, хотя такая идея могла быть выдвинута, кажется невероятным, чтобы ее долго всерьез обсуждали, еще менее вероятно, что кто-то готов был с нею согласиться. Ясно только одно: если бы Венеция перенесла свою столицу на берега Босфора, то пожертвовала бы своей безопасностью и индивидуальностью и просуществовала бы немногим больше – а может, даже и меньше, – чем незадачливая Латинская империя, для основания которой она так много сделала⁸⁹. Если же «голос провидения» – исторический факт, то венецианцы всех последующих поколений могли поздравить себя с тем, что счастливо отделались.

К тому времени, когда Пьетро Дзиани – теперь уже старый и больной – в 1229 году ушел в отставку, а через несколько недель упокоился подле отца в соборе Сан Джорджо Маджоре, Венеция вполне оправилась. Кардинальный вопрос был решен, и решение было правильным: она продолжит прежний курс. Будет использовать новые территории так полно, как только возможно, и в политическом, и в финансовом плане, но не станет пускаться в авантюры и хватать куски, которые не сможет пережевать.

Больше всех в мудрости такой политики был убежден новый дож, Джакомо Тьеполо. В бытность свою дожем Крита он немало натерпелся от мятежного греческого населения – не говоря уже о некоторых венецианских авантюристах, которых ему посоветовали призвать на помощь, – так что в конце концов ему пришлось бежать с острова, переодевшись в женскую одежду. Следующим его назначением стала должность венецианского подесты в Константинополе. Там он увидел, как быстро разрушается империя крестоносцев. В 1219 году он заключил в Никее отдельный торговый договор с греческим императором в изгнании и обращался к нему как к «императору римлян». Этот шаг хотя и не сделал его любимцем латинян, тем не менее продемонстрировал, в чем заключаются политические интересы Венеции.

Нельзя назвать начало его правления благополучным. В отличие от предшественника, чье избрание было единогласным, Тьеполо и его соперник получили от Совета сорока по двадцать голосов, и дело решил жребий. Возможно, выказывая неодобрение, что столь серьезное решение отдано на волю случая (это чувство разделяли многие, и, чтобы подобное не повторялось, число членов совета увеличили до сорока одного), старый Дзиани, лежа на смертном одре, отказался принять нового дожа⁹⁰. Возможно, ему не понравилось, что *promissione* – обещания, которые Тьеполо вынужден был подписать, вступая в должность, – ограничивали полномочия дожа сравнительно со всеми его предшественниками.

Эти *promissione*, вид коронационной клятвы, стали традицией при вступлении в должность дожа. Первое время клятва была простой формальностью. Обычно ее составлял сам новый дож, и в этом документе он просто обещал исполнять свои обязанности беспристрастно и прилежно. Постепенно клятва дожа становилась все длиннее и четче, а та, что подали Джакомо Тьеполо, стала образцом для целой череды его преемников и выглядела почти как контракт. Дож отказывался от всех притязаний на доход государства, за исключением заработка (выплачиваемого поквартально), части дани, взимаемой с некоторых городов Истрии и Далма-

⁸⁸ Силу этого аргумента особенно подтверждало памятное землетрясение, произошедшее в Рождество 1223 года. Тогда была разрушена часть монастыря Сан Джорджо Маджоре, в лагуне исчезли два маленьких острова – Аммиана и Костанциака.

⁸⁹ Латинская империя существовала в Константинополе с 1204 по 1261 год. Ее владения ограничивалась столицей и ее окрестностями.

⁹⁰ Андреа Дандоло, рассказавший об этом инциденте, предполагает еще одну причину: новый дож был сомнительного происхождения. Это кажется странным, потому что фамилия Тьеполо одна из старейших в Венеции. Ее знали уже в VII веке. К тому же жены двух дождей были сестрами, дочерьми Танкреда Лечче, несчастливого короля Сицилии.

ции и установленного количества яблок, вишни и крабов из Ломбардии и Тревизо. Дож должен был вносить свой вклад в государственные займы, хранить государственные секреты, он не может вступать в переговоры с папой, императором или другими главами государств без разрешения на то совета. Этому органу он должен показывать все письма, приходящие от вышеупомянутых лиц. Были приняты строгие меры против коррупции: дож не может принимать подарков, за исключением оговоренного количества еды и вина – не более одного животного или десяти связок птиц за один раз. В некоторых случаях даже и это может быть запрещено. Дожу можно принимать подарки в виде розовой воды, цветов, душистых трав или бальзамов. Он не имеет права делать какие-либо назначения или подбирать на свой пост преемников.

Клятва Джакомо Тьеполо явилась еще одним шагом на долгом административном пути республики: власть дожей на протяжении столетий медленно убывает, превращаясь из автократической в номинальную. Этот процесс начался, по меньшей мере, в XI веке, при Флабьянико, и продолжался до убийства Витале Микеле. Но этим дело не кончилось, Тьеполо и сам установил контроль – учредил должности корректоров и инквизиторов. В задачу пяти корректоров входило составление каждой новой клятвы, а трое инквизиторов, после тщательного изучения деятельности последнего дожа, информировали корректоров о любых проявлениях автократии или других нежелательных тенденциях. С учетом этого составлялась новая клятва. Венеция была верна себе: на риск не шла ни при каких обстоятельствах. Как бы цинично ни относился Тьеполо к идее венецианской морской империи, вскоре по соседству он столкнулся с куда большими проблемами. Создал их новый император Священной Римской империи, сын Генриха VI, Фридрих II Гогенштауфен. Эта удивительная фигура – возможно, самый замечательный европейский правитель между Карлом Великим и Наполеоном – был коронован в Риме в 1220 году. Вероятно, корона стала последним благодеянием, которое он когда-либо получил от папы. Тридцать лет, до самой смерти, Фридрих воевал с папством и с итальянскими городами возрожденной Ломбардской лиги. Подобно отцу и деду, он стремился восстановить над ними контроль. В новом союзе, основанном в 1198 году, Венеция участия не принимала. Ее нейтралитет, столь триумфально продемонстрированный двадцать один год назад, когда Барбаросса покорился папе Александру, весьма ей пригодился. Он еще больше окреп во время долгого междуцарствия, последовавшего за смертью Генриха VI и недавними венецианскими успехами на Востоке. Теперь, когда тучи снова стали сгущаться, Венеция по-прежнему старалась держаться в стороне.

В попытке пробиться сквозь это равнодушие и желая перетянуть республику на свою сторону, в начале 1223 года Фридрих посетил Венецию. Интересно узнать о его впечатлениях от увиденного. Его дедушкой по матери был Рожер II Сицилийский, детство он провел в многонациональном Палермо. Там он выучился пяти европейским языкам, не говоря уже об арабском: с его помощью он уговорил эмира Иерусалима вернуть христианам главные святыни. Он был одним из самых образованных людей своего времени и заслужил прозвище *Stupor Mundi* (Изумление мира). В Венеции, ставшей теперь вместо Палермо мостом между Востоком и Западом, в городе культурном, как и коммерческом, он должен был найти ту же атмосферу, многонациональную, многоязычную, что сформировала его как личность. Его любовь к роскоши – экзотический зверинец, с которым он путешествовал, был источником удивления для его подданных – должна была в полной мере получить отклик в самом красивом и великолепном городе, который он когда-либо видел.

Тем не менее остается открытым вопрос, насколько привлекали человека, общавшегося на равных с выдающимися учеными и философами своего времени, императора, при дворе которого был изобретен сонет, интеллектуальные достижения Джакомо Тьеполо и других известных венецианцев, с которыми он познакомился во время своего короткого визита. Фридрих, конечно же, обратил на них всю силу обаяния своей необычайной личности, подтвердил все бывшие привилегии республики и пожаловал несколько новых концессий в Апу-

лии и Сицилии. В качестве благодарности получил щепку от Святого креста и больше почти ничего. Возможно, он сделал тактическую ошибку, заказав новую императорскую корону у венецианского ювелира: пришлось убеждать власти, которые в конце концов разрешили эту работу при условии, что это лишь частная, неофициальная сделка. Несмотря на то что любезность была проявлена с обеих сторон, Фридрих уехал из города разочарованным. Венецианцы, как всегда, были настороже.

В последующие годы взаимоотношения Венеции с империей быстро ухудшались. Несмотря на провозглашенный ею авторитет, Венеция не хотела видеть на своем пороге сильного и, возможно, алчного Фридриха. Причины, которые понудили ее вступить в первую лигу, все еще оставались в силе, и ее симпатии до некоторой степени были связаны с ломбардскими городами. Вскоре она стала банкиром новой лиги. Выдающихся венецианцев постоянно приглашали в города на должность подесты. Современному человеку кажется почти невероятным, что влиятельные муниципалитеты регулярно и намеренно приглашали иностранцев управлять их делами, однако большинство из них были слишком разрознены – партийной борьбой, ревностью, амбициями и семейной враждой, – а потому и не могли прийти к согласию, выбирая лидера из местных. К таким разногласиям и Венеция была склонна, а потому стоит только порадоваться ее изумительной способности к самоуправлению: ни разу за все время существования республики не возникало у нее соблазна искать себе правителя на стороне.

И все же такие приглашения она считала полезными. Например, и Падуя, и Тревизо к 1236 году имели у себя на службе венецианцев в должности подесты. В Тревизо служил не кто иной, как сын дожа, Пьетро. В том году он вел героическую оборону города против командующего армией Фридриха II в Северной Италии, ужасного Эццелино да Романо, и заслужил такую репутацию, что, даже когда город в 1237 году вынужден был сдаться, его тут же пригласили занять ту же должность в Милане.

Венеции было выгодно направлять своих людей на должность подесты, потому что через них она незаметно проводила свои интересы, официально не нарушая нейтралитета. Со временем нейтралитет стало соблюдать еще труднее. Венецию все чаще вовлекали в дела ломбардских городов, ее все больше тревожили непрекращающиеся успехи императора, особенно ее взволновало сражение 1237 года при деревне Кортенуова, где Пьетро Тьеполо был взят в плен и с триумфом препровожден на слоне, или еще более мрачный случай в следующем году, тогда армия Эццелино подошла к самому берегу лагуны и разрушила монастырь Сан Иларио в Фузине. Наконец, в сентябре 1239 года, подстрекаемые папой Григорием IX венецианцы вступили, возможно, в самый удивительный союз в своей истории – с двумя главными соперниками, Генуей и Пизой. Они даже договорились, что венецианские и генуэзские галеры будут поднимать рядом с собственным штандартом флаг Венецианской республики.

Этот договор, как того и следовало ожидать, соблюдали недолго. Не считая короткой экспедиции против любезной сердцу Фридриха Апулии, альянс устроил всего одну важную кампанию. Она была направлена против Феррары, которую Эццелино и его коллега гибеллин Торелли-Салингуэрра пытались сделать торговым соперником Венеции. Венецианский флот поднялся вверх по течению По и заблокировал город. (Дождь последовал за флотилией несколько недель спустя на «Бучинторо»). Через пять месяцев Салингуэрра вынужден был пойти на переговоры. То ли венецианцы захватили его во время переговоров, то ли он добровольно им сдался, неизвестно. На тот момент ему было за семьдесят. Его привезли в Венецию, и он прожил там в очень достойных условиях еще пять лет, до самой смерти. Ему устроили государственные похороны и поставили великолепный памятник в церкви Сан Николо ди Лидо. Сторонникам Салингуэрра в Ферраре не так повезло: фракция гвельфов во главе с маркизом Адзо VII д'Эсте, сумевшим вернуться из ссылки, жестоко им отомстила. Между тем привилегии, истребованные Венецией и с готовностью предоставленные Адзо, превзошли все прежние запросы.

В 1241 году в возрасте ста лет скончался главный враг Фридриха II, Григорий IX. После двухлетнего перерыва преемник, Иннокентий IV⁹¹, продолжил его политику, однако с Венецией бороться не стал, и в 1245 году она подписала с императором мирный договор, который лишь подтвердил существующее состояние дел. До некоторой степени это могло быть вызвано возобновлением беспорядков в Далмации, но причина была намного проще. Венеция осознала, что империя не представляет прямой угрозы ее суверенитету. Фридрих ни разу не говорил, что республика должна ему повиноваться. В переписке с дожем он никогда не обращался к венецианцам как к «*fideles*»⁹² – это опасно возбуждающее слово, предполагающее лояльность, вызывало страшный гнев жителей Ломбардии. Две короткие мили мелководья отделяли острова Риа́льто от материка, но этого хватало Венеции для получения особого статуса. Она была защищена от завоевания, разграбления и уничтожения. Что еще удивительнее, на нее не смотрели как на еще один североитальянский город. Обретение ею колоний на Востоке только повысило к ней уважение. Теперь это был не город. Это был народ.

Народ, объединившийся вокруг торговли, а торговля, как венецианцы, должно быть, осознавали (пусть и интуитивно), обязана была своему феноменальному успеху не территориальной экспансии, но как раз напротив – небольшим размерам республики. В этом было еще одно преимущество, которое закрепила окружающая город лагуна. Обосновавшись в столь ограниченном пространстве, венецианцы создали уникальную атмосферу единства и кооперации. Этот дух проявлял себя не только в моменты национального кризиса, но, что еще более важно, в каждодневной работе. Венецианские аристократы, сделавшие состояние на торговле, хорошо знали друг друга. Близкое знакомство приводило к обоюдному доверию, такому, какое в других городах не простирается дальше семейного круга. В результате венецианцы отличались от всех остальных в способности к быстрому и эффективному деловому сотрудничеству. Торговая компания, даже та, которой требовался значительный начальный капитал и несколько лет для развития, связанного со значительным риском, на Риа́льто создавалась за несколько часов. Договор мог быть заключен в форме простого партнерства между двумя купцами или с большой корпорацией, которая могла бы профинансировать большую флотилию или караван. Договор мог действовать оговоренный период времени, но чаще это бывали сделки, которые автоматически прекращались, когда какое-то предприятие бывало окончено. Но все было основано на доверии, и обещания не нарушались.

Эта система краткосрочного партнерства означала на практике, что любой венецианец с небольшими деньгами, вложенными в дело, получал свою долю прибыли. Ремесленники, вдовы, старики, больные – все могли войти в *colleganza*⁹³ с активным, но сравнительно бедным молодым купцом. Они обеспечивали две трети требуемого капитала, а купец вкладывал одну треть, совершал путешествие и делал всю работу. По возвращении в Венецию он обязан был в течение месяца представить партнеру полный комплект счетов, после чего прибыль делилась поровну. Государство взимало какие-то пошлины, но в те ранние времена венецианские налоги были низкими, незначительными, что не шло в сравнение с огромными суммами, которые забирали у своих купцов Византия, да и большинство правителей стран феодальной Европы. Итак, прибыль в Венеции была высокая, заинтересованность большая, потому и инвестиции росли из года в год.

Предполагаемое разорение одного такого партнерства побудило Шекспира написать пьесу «Венецианский купец». К середине XIII века в городе и ближайших пригородах значительно выросло еврейское население, возможно, до трех тысяч и более. Многие жили в Местре,

⁹¹ Папу Целестина IV, наследовавшего Григорию, но умершего всего через восемнадцать дней после избрания, можно не брать в расчет.

⁹² Верные (*ит.*).

⁹³ Союз (*ит.*).

на континентальной части, другие, особенно те, кто совершал сделки с далматцами, занимали остров Спиналонга, и, по сути, благодаря им остров стал называться Джудекка. Помимо торговли, их главным занятием, как и повсюду в Европе, было ростовщичество и медицина. Кроме некоторых ограничений, связанных с местом проживания, никаких препятствий их деятельности государство им не чинило, включая и исповедование религии. Хотя на поздних стадиях своей истории Венеция не всегда была столь милостива к евреям, коммерческий здравый смысл подсказывал ей с самого начала, что еврейский капитал необходим для ее экономического роста, и, как обычно, это чутье ее не подвело.

Снова и снова, изучая раннюю историю Венеции, мы обращаем внимание на то, что дожи, внезапно покинувшие свой пост, умирали после этого через несколько недель или месяцев. Традиции уходить в отставку по причине возраста в республике, конечно же, не было. Венецианцы всегда славилась своим долголетием. По сей день продолжительность жизни здесь превышает уровень любого другого крупного итальянского города. Энрико Дандоло – пример замечательной способности к полноценному труду на девятом десятке жизни. Когда дож сходил с трона, скорость, с которой наступала его смерть, вероятно, вызвана тем, что решение уйти он принимал, поняв, что жизнь близится к концу. До тех же пор, пока чувствовал себя способным руководить людьми, он оставался на своем посту, а когда силы его оставляли, за должность не цеплялся.

Не был исключением и Джакомо Тьеполо. Он ушел в отставку весной 1249 года, но не в монастырь, как делали многие его предшественники, а в собственный дом на площади Сант-Агостино. Осенью его не стало. Он хорошо послужил Венеции: в Леванте сумел удержать наиболее важные владения новой, разваливающейся империи. На Западе служил интересам сражавшихся городов, не слишком при этом сближаясь с ними и не вмешиваясь в драку между гвельфами и гибеллинами (это противодействие продолжалось еще одно столетие). Воевал против императора Фридриха (потеряв при этом двух сыновей) так долго и упорно, как считал необходимым для блага республики, но не дольше и не упорнее, чем требовалось. Дóма, между тем, продолжал работу, начатую пятьдесят лет назад Энрико Дандоло, а в 1242 году создал свой знаменитый «Statuto», самый подробный и полный свод венецианского гражданского права.

Другим заметным событием в Венеции во время его правления было появление двух больших нищенствующих орденов – доминиканского и францисканского. Святой Доминик и святой Франциск умерли друг за другом с интервалом в пять лет, в 1221 и 1226 году соответственно. Результаты их трудов не заставили себя долго ждать, и к 1230 году в городе появились представители обоих орденов. Каждому ордену дож Тьеполо даровал землю для постройки церкви: доминиканцам – болотистую территорию к северу от епархии Санта Мария Формоза, францисканцам – разрушенное и заброшенное аббатство поблизости от своего дома, на другой стороне Большого канала. Когда он умер, строительство на двух участках шло полным ходом, и, хотя огромные церкви, поднявшиеся там – Санти Джованни э Паоло и Санта Мария Глорियोза деи Фрари, – были закончены лишь в XV веке, первая, во всяком случае, была уже в достаточной степени завершения, чтобы старый дож выбрал ее для своего упокоения⁹⁴.

После четырех скучных лет правления пожилого Марино Морозини, которого по непонятным причинам избрали на этот пост (быть может, потому, что он происходил из старинного и блестящего венецианского рода), приход Реньеро Дзено в начале 1253 года, кажется, вывел город из спячки. Дзено прожил жизнь, полную приключений. В 1242 году проявил отвагу в умирении одного из бунтов в Заре. На следующий год, при возвращении в Венецию с совета в

⁹⁴ В ризнице церкви Санти Джованни э Паоло имеется картина Вичентино, на которой дож Тьеполо жалует землю доминиканцам. Саркофаг дожа можно увидеть в аркаде с внешней стороны церкви, слева от западной двери.

Лионе, его взял в плен граф Савойи. Дзено был освобожден по приказу императора и приглашен ко двору, где его заставили подтвердить то, что Венеция проводила несправедливую политику по отношению к Фридриху. Позже Дзено был подестой в Пьяченце, а потом – в Фермо, где и получил известие об избрании на пост дожа. Обо всем этом и о многом другом мы узнаем от одного из самых увлекательных (хотя и не всегда надежных) хронистов – Мартино да Канале, который своим энтузиазмом по отношению к Дзено больше напоминает не хрониста, а рекламного агента, кем, вполне возможно, он и являлся. Нельзя сказать, чтобы у самого дожа отсутствовали способности к саморекламе. На своем неотразимом старофранцузском языке Мартино дает описание турнира, устроенного в честь избрания дожа. Он состоялся на площади Сан-Марко, «la place soit en tot li monde»⁹⁵.

На площади возвели павильоны, затянутые шелком, и саму площадь тоже пышно украсили. В павильоны вошли красивые дамы и девицы, а к окнам дворцов подошли другие дамы. Монсеньор дож проследовал пешком из собора Сан Марко, а за ним все патриции Венеции. Люди окружили площадь... За этой процессией явились всадники на прекрасных лошадях и с дорогим оружием. Затем начался турнир, за которым наблюдали дамы. Ах, сеньоры, если бы вы были там, то увидели бы прекрасные удары мечей...

Мартино Канале в своей хронике постоянно обращается к теме венецианских торжеств, вспоминает блестящие процессии с участием дожа в дни великих церковных праздников. С детским восторгом описывает золотую парчу, шелковые знамена, серебряные трубы, воссоздает сцену за сценой, для изображения которой на полотне требуется талант Беллини или Карпаччо, но – увы! – их появления придется ждать еще полтора столетия.

Но жизнь Реньеро Дзено не ограничивалась только пышными празднествами. В 1256 году он оказал активную поддержку папскому крестовому походу против Эццелино да Романо. После смерти Фридриха тот использовал имперский штандарт для удовлетворения собственных амбиций. Один из первых великих синьоров Северной Италии – и самый первый, сохранивший власть более чем на двадцать лет, – Эццелино нечеловеческой жестокостью заработал себе репутацию чудовища, которого в Ломбардии, Фриули и Марчесе все ненавидели и боялись. Благодаря успеху венецианской политики нейтралитета он имеет лишь косвенное отношение к ее истории. Не станем рассказывать об ослепленных узниках и изуродованных детях, за что папа отлучил его от церкви. Отметим лишь свидетельство Мартино о том, что в 1259 году Эццелино наконец-то был пойман и убит, «церковные колокола звонили по всей Венеции, как это бывает в праздники святых. На следующий вечер священники забирались на вершину колоколен и зажигали свечи и факелы, чтобы все видели свет и слышали звон» – типичное венецианское отношение. Однако, как отмечает Мартино, празднества вызваны были не столько исчезновением монстра и восстановлением мира и спокойствия в беспокойном регионе, сколько тем, что венецианские церкви снова стали получать ренту со своих владений на континенте.

Но внимание республики снова переключилось с Ломбардии на Восток. 25 июля 1261 года греческий военачальник Алексей Стратигопул неожиданно атаковал Константинополь и взял его, не встретив сопротивления. 15 августа император Михаил VIII Палеолог, пятый в этом роду, что правил в изгнании в Никее, вошел в город, и месяц спустя он и его жена Феодора снова были коронованы в храме Святой Софии. Там восстановилась православная вера. Византия возродилась, а Латинская империя Востока закончила свое существование.

⁹⁵ Самое красивое место в мире (*фр.*).

На протяжении 56 лет своей истории существование Латинской империи было чистым недоразумением. Последний латинский император Балдуин II, во враждебном окружении греческого и болгарского государств, держался в основном на помощи от французского короля Людовика Святого и займах венецианских банкиров, взявших в качестве гарантии его сына. Балдуина постепенно покинули бароны и священнослужители: они вернулись на Запад и привахитили с собой то, что осталось от церковных ценностей. Император вынужден был снять медь с крыши своего дворца и заложить самую главную реликвию города – терновый венец – венецианским купцам⁹⁶. Ни он, ни его франкские предшественники на императорском троне не добились ничего, кроме хаоса, разгула воровства и разрушения. Завоевание города принесло им только нищету и страдания.

Венеция тоже пострадала от крушения Латинской империи. Папа пришел в ужас. Еще бы! Константинополь – второй Рим – снова отшатнулся от истинной веры. Людовик Святой пролил слезу оттого, что немногие оставшиеся реликвии прошли мимо него, а для Риалято эта новость означала серьезный политический и финансовый кризис: ведь Венеция обладала не только тремя восьмыми самого Константинополя, ее колонии и торговые фактории были рассыпаны по побережью Эгейского моря, вокруг Восточного Средиземного и Черного морей. До сих пор их защищал мощный венецианский флот, базировавшийся в бухте Золотого Рога, а теперь стоянка там была им запрещена. От Михаила Палеолога они не ожидали ничего, кроме неприкрытой враждебности. Его империя была истощена и доведена до нищеты, а потому сам он не мог быть для Венеции серьезным соперником. Но он был не один: за несколько месяцев до его победы он вступил в союз с генуэзцами, которые почти сто лет оспаривали первенство Венеции в Леванте. В обмен на военную и финансовую помощь он пообещал им налоговые и таможенные уступки и собственные территории в главных портах империи, включая и сам Константинополь, – короче, все те привилегии, которые в 1082 году даровал Венеции Алексей Комнин и на которых было основано коммерческое благополучие республики.

Взаимоотношения Венеции и Генуи, и в лучшие времена натянутые, в последние годы совсем ухудшились, и с 1255 года республики находились в состоянии открытой войны. Возле берегов Палестины состоялись три важные морские битвы, и во всех венецианцы одержали убедительные победы (во многом благодаря отваге молодого адмирала Лоренцо Тьеполо, сына бывшего дожа). Им удалось выгнать соперников из Акры и захватить флот из двадцати пяти галер, присланных из Генуи на подмогу. Генуэзцы в этом случае отваги не проявили: Мартино пишет о том, как один из их сторонников из Тира, француз по имени Филипп де Монфор, пришедший к ним на помощь с отрядом рыцарей, увидел в воде барахтавшихся генуэзских моряков и в отвращении ускакал, почесывая голову и восклицая, что «они не на что не годны, кроме борделей, что они были похожи на морских птиц, кинувшихся в море за рыбой и потонувших».

Логика де Монфора, похоже, так же страдает, как и его познания в орнитологии, однако его чувства можно понять: спеси у Генуи поубавилось. Из генуэзской церкви Святого Саввы в Акре Лоренцо Тьеполо привез домой три небольшие колонны, одну цилиндрическую из порфира и две четырехгранные из белого мрамора. Все три были установлены на Пьяцетте, у юго-западного угла собора, где стоят и по сей день⁹⁷. Однако маятник качнулся: настала очередь

⁹⁶ Он был выкуплен Людовиком Святым и перевезен из собора Сан Марко в Париж, где король построил для него часовню Сент-Шапель. Во время Французской революции венец в целях сохранности был вверен епископу Парижа. Сейчас он находится сокровищнице собора Нотр-Дам.

⁹⁷ Порфиновая колонна, известная как *Pietra del Bando*, позже стала традиционной трибуной, с которой провозглашались все венецианские законы. В 1902 году она сыграла еще более полезную роль: защитила угол собора от падения кампанилы, причем сама колонна при этом сильно пострадала. Честно сказать, есть некоторые сомнения относительно двух четырехгранных колонн, которые не упомянуты ни одним хронистом того времени. Предполагают, что Тьеполо, возможно, взял их не из церкви Святого Саввы, а из осадной башни, которую генуэзцы только что построили в Акре. (Есть и третья колонна в таком же стиле, она стоит в углу садов Пападополи.)

венецианцев терпеть унижение, в этот раз на глазах всего цивилизованного мира. Унижение, которое их торговой империи трудно было перенести.

Со временем оказалось, что экономические последствия утраты Константинополя оказались не такими катастрофическими, как того боялись. Сама операция была чрезвычайно простой. Михаилу Палеологу потребовалось от генуэзцев меньше помощи, чем он того ожидал, ему даже удалось избежать прямого столкновения с Венецией, чьего флота, к счастью для него, не было в Босфоре во время нападения Стратигопула. Более того, новый император был осторожным человеком, он знал, что венецианская морская мощь превосходит генуэзскую и что Венеция может одержать еще более внушительные победы, чем при Акре. Он принял благоразумное решение: натравливал республики друг на друга. Для этого разрешил венецианцам сохранить свою колонию в Константинополе и оставил им мелкие торговые привилегии. Их официальный представитель был разжалован из подесты (теперь им стал генуэзец) и занял более низкую должность – байло. К императорскому столу по большим церковным праздникам его уже не приглашали. Часть венецианского квартала города передали генуэзцам, и их колония быстро расширялась. Несколько лет спустя к ней прибавился весь район Галаты. За пределами столицы венецианцы вынуждены были стоять в стороне: их соперники заняли торговые рынки, на которые у венецианцев раньше была монополия: так это стало в Смирне, на Хиосе, Лесбосе и, что обиднее всего, на побережье Черного моря, откуда их с тех пор изгнали.

Унижение было тем сильнее, что их флот до сих пор оставался лучшим. У Михаила Палеолога до сих пор не было достойного флота, и, если бы венецианцы решили бороться за утраченные привилегии, он не смог бы им противостоять. Но им нужно было подумать о своей колонии в Константинополе: Михаил держал ее как залог их покладаистости. Пока и речи не шло о реальном дипломатическом сближении: стороны слишком были разгневаны друг на друга. Кроме того, пока смещенный император Балдуин искал поддержки у глав европейских государств, все еще оставался слабый шанс на его возвращение. В данный момент венецианцы могли лишь смириться с неизбежностью и попытаться извлечь из сложившейся ситуации какую-то выгоду.

С Генуей такая политика не проходила. Казус белли⁹⁸ был существенней, чем когда-либо, и венецианцы с удвоенными силами напали на своих соперников. Война разрослась на всем Восточном Средиземноморье. Среди Эгейских островов и возле берегов Эвбеи и Пелопоннеса вспыхивали бесчисленные мелкие схватки. В одной из таких схваток генуэзцы по глупости перехватили караван, идущий в Риастьо. Большие флотилии регулярно ходили в Европу с восточными шелками и специями. Генуэзцам удалось избежать уничтожения только потому, что венецианский адмирал, командовавший эскортом, отказался рисковать драгоценным грузом и не пустился в погоню. В других случаях им не так везло, например при встрече у западной Сицилии: тогда свыше 1100 генуэзских моряков попрыгали в воду и утонули, а другие шестьсот на двадцати семи галерах были захвачены в плен и переправлены в лагуну.

Между тем оскорбительное высокомерие и заносчивость генуэзцев в Константинополе сделали их еще более непопулярными, чем венецианцев, так что, когда новости об очередных победах венецианского флота стали доходить до императорского дворца, симпатии Михаила изменились. Он тоже вел войну против оставшихся князьков латинского Востока и греческих деспотов Эпира: никто из них не хотел возвращать свои территории восстановленной империи. Такая политика получала мощную поддержку папы и сына Фридриха II, Манфреда Сицилийского. Михаилу отчаянно требовались деньги на восстановление и столицы, и разрушенного флота. Союз с Генуей вместо выгоды вовлекал его в огромные расходы, а в ответ он почти ничего не получал.

⁹⁸ Формальный повод для объявления войны.

К 1264 году в Венецию прибыли греческие послы, и на следующий год был заключен договор, согласно которому республике предлагали привилегии, если и не сравнимые с утраченными, то во всяком случае улучшившие безрадостное положение дел. Но венецианцы не торопились. На византийском Востоке царил сумятица, а пока будущее Европы оставалось неопределенным, не было смысла принимать на себя обязательства. Только в 1268 году республика наконец решилась принять предложение Михаила. Даже и в этом случае согласилась не более чем на пять лет перемирия. В этот период, однако, венецианцы обещали соблюдать принцип ненападения и не помогать врагам империи, а также освободить греческих пленников, содержащихся на Крите, Модоне и Короне, трех главных оплотах, оставшихся у них в Эгейском море. В ответ император обещал уважать венецианские поселения и в Греции, и на архипелаге и снова разрешил венецианским купцам свободно жить, путешествовать и торговать во всех своих владениях. Его условия были как нельзя более кстати. Двух вещей, правда, не доставало: трех восьмых от доходов и эксклюзивности, которая была у них раньше, ибо Михаил выдвинул условие, что генуэзцы сохранят данные им права. Он сознавал опасность старой политики, при которой одной из республик давалось полное преимущество за счет другой. С этих пор между ними настанет свободная конкуренция. И Михаилу будет выгодно такое соперничество, при этом менее привилегированный соперник не станет создавать враждебных альянсов.

Несколько краткосрочных перемирий имели длительный успех. Венеция одним махом восстановила свое торговое первенство в Леванте, а ведь семь лет назад она считала, что навсегда утратила влияние. Своим реваншем она частично была обязана удаче, но многое зависело от дипломатичного и хитроумного дожа Дзено и его советников. После ратификации договора он через несколько недель скончался и оставил после себя народ, почти забывший о своем недавнем унижении. К людям вернулось самоуважение, и они снова с уверенностью смотрели в будущее. В благодарность дожу и следуя традиции пышного и роскошного церемониала, которым с самого начала было отмечено его правление, Дзено похоронили с такими почестями, какие могла устроить только Венеция. Дож положили в еще недостроенную церковь Санти Джованни э Паоло. Там, в юго-западном углу, до сих пор сохранилась часть гробницы – барельеф с изображением восседающего на троне Христа и обступивших его ангелов.

Глава 12

Расплата за гордыню (1268–1299)

Как горько, что имя его, звучавшее как боевой клич, столь часто возбуждало гнев солдат на тех полях, где сам Варнава пал за христианскую веру, как часто, окрашивая напрасной кровью волны Кипрского моря, следовали они, в покаянии и стыде, за Сыном утешения!⁹⁹

Дж. Рескин. Камни Венеции

За семьдесят лет XIII века Венеция заявила о себе как о мировой державе. Сначала республика обрела огромные территории на Востоке, разбогатела и укрепилась, затем утратила эти земли и, наконец, снова их вернула. Более важным было то, что за эти десятилетия пришли в упадок обе империи – Восточная и Западная. Византийская империя Палеологов, хотя и просуществовала еще почти два столетия, но так и осталась государством, из последних сил отбивавшимся от врагом, слабой тенью той страны, какой была до Четвертого крестового похода. В 1250 году вместе с Фридрихом II ушло время великих Гогенштауфенов. На сцену истории вышли уже не империи (по крайней мере, в средневековом смысле), а нации – Англия, Франция, Испания.

Большую часть из тех семидесяти лет Венеция сражалась. Ей пришлось воевать за новые владения, защищать их от греков, генуэзцев, пизанцев и сарацин, не говоря уже о пиратах, готовых наброситься на венецианские корабли на любом участке Средиземного моря. Под стенами Зары и Константинополя, у берегов Палестины, Крита, Эвбеи и Пелопоннеса, в Тирренском, Адриатическом и Черном морях ее галеры были так же активны, как и торговые суда.

Дома, однако, жизнь продолжалась почти мирно. Расширение торговли приносило все большее процветание. Торговля, по словам Мартино да Канале, была ключом, словно вода из фонтанов. Венеция выросла в размерах, великолепие поражало. Две большие церкви нищенствующих монахов стали еще выше; в епархиях один за другим появлялись новые храмы. Возможно, они уступали в размере церквям нищенствующих монахов, но далеко превосходили их в богатстве. Вдоль Большого канала выстроились палаццо. Некоторые из них, такие, как Ка' да Моста¹⁰⁰ или Фондако деи Турки, стоят по сей день¹⁰¹, их красивые открытые лоджии и аркады свидетельствуют об уверенности венецианцев в безопасности своего города, а ведь в Европе в это время повсеместно строились скорее замки, чем дворцы. В 1264 году Пьяцетту впервые замостили, в том же году построили на деревянных сваях новый мост Риальто – прототип того, что изобразил Карпаччо в серии «Чудеса Святого креста» (сейчас эту картину можно увидеть в Академии). Наружная отделка собора Сан Марко, неуверенно начатая при Доменико Сельво и продолжавшаяся с перерывами на протяжении XII века, увенчалась появлением великолепной мозаики в атриуме и на фасаде¹⁰².

⁹⁹ Имя Варнава означает «сын утешения».

¹⁰⁰ Дворец получил свое название от фамилии венецианского путешественника Альвизе да Моста, который родился в этом дворце в 1432 году.

¹⁰¹ Оба пострадали за прошедшие годы. Часть аркады Ка' да Моста заложена кирпичом, добавлены два верхних этажа, а Фондако так грубо реставрировали, что невольно хочется видеть его таким, каким он был до 1860 года (рис. 13). Другие здания XIII века – это два палаццо Дона, чуть подальше – пристань водных трамвайчиков. На другой стороне Большого канала стоят, примыкая друг к другу, палаццо Фарсетти и Лоредано. Теперь это административные здания.

¹⁰² Это можно увидеть на картине Джентиле Беллини, хранящейся в Академии. До наших дней сохранилась, увы, лишь одна на левом люнете – «Перенос мощей святого Марка» (рис. 16). Мозаика позволяет нам увидеть самое раннее изображение

Происходили изменения в конституционной сфере: Джакомо Тьеполо создал свой свод законов республики, и его клятва отразила дальнейшее ограничение власти дожа. Но летом 1268 года, когда пришло время избрания преемника, кажется, все почувствовали, что власть может выйти из-под контроля и создать угрозу государству. С ростом благосостояния вышли из безвестности и поднялись к богатству и власти незначительные прежде семейства. Между этими семьями и старой аристократией снова началась вражда, знакомая поколениям прежних веков. Вражда между семьями Дандоло и Тьеполо в правление Дзено переросла на Пьяцце в открытую свару. В связи с этим поспешно приняли закон, запрещающий выставлять родовые гербы снаружи здания. Венецианцы не могли забыть старый патологический страх перед тем, что одна семья, даже один человек может захватить власть в республике. С ужасом, но не без оттенка самодовольства наблюдали они за карьерой Эццелино да Романо и других подобных ему людей, которые даже сейчас наращивали влияние в менее удачливых городах Северной Италии. Они прекрасно понимали, еще за шесть столетий до лорда Актона, к чему приводит абсолютная власть¹⁰³. Новая система выборов дожей, которую они разработали, превосходила самые изощренные системы, когда-либо созданные цивилизованным государством. Современному человеку она кажется смешной, и до некоторой степени так это и было. Однако к ней следует присмотреться ради того, чтобы увидеть, на что готова была пойти Венеция, чтобы правление не перешло, прямо или косвенно, в руки амбициозных или нечестных людей.

В день, назначенный для выборов, самый молодой член синьории должен был молиться в соборе Сан Марко. После, выйдя из базилики, он останавливал первого встреченного им мальчика и брал его с собой во Дворец дожей, на заседание Большого совета, где заседали все его члены, за исключением тех, кому было меньше тридцати лет. Мальчик, его называли *ballotino*, вынимал из урны листочки бумаги и тянул жребий. После первого такого жребия совет выбирал тридцать своих членов. Второй жребий должен был сократить это число до девяти, а девятке предстояло голосовать за сорок кандидатов, каждый из сорока должен был получить по крайней мере семь голосов. Группа из сорока человек должна была, опять же по жребию, сократиться до двенадцати. Эта дюжина выбирала двадцать пять человек, и они в свою очередь снова сокращались до девяти. Девятка голосовала за сорок пять кандидатов, за каждого из которых должно было быть подано не менее семи голосов, и из этих сорока пяти бюллетеней *ballotino* вынимал листочки с именами одиннадцати претендентов. Одиннадцать голосовали за сорок одного – каждый должен был собрать в свою пользу не менее девяти голосов. Так вот эти-то сорок в конце концов избирали дожа¹⁰⁴. Сначала они посещали мессу, и каждый в отдельности произносил клятву, что будет вести себя честно и справедливо, на благо республики. Затем их запирали в тайном помещении дворца, отрезая от всех контактов с миром. Круглые сутки их охранял специальный отряд моряков, пока работа не была завершена.

Это все, что касается приготовлений, затем начинались сами выборы. Каждый выборщик писал имя своего кандидата на листке бумаги и бросал в урну. После листки вынимались, оглашались имена кандидатов без учета поданных за них голосов. В другую урну опускали листки, на каждом из которых стояло единственное имя. Если кандидат присутствовал в зале, то он выходил вместе с любым другим избирателем, носившим то же имя, а оставшиеся обсуждали его кандидатуру. Затем кандидата приглашали войти и ответить на вопросы либо защититься от выдвинутых в его адрес обвинений. Происходило голосование, и, если кандидат получал

собора, вскоре после установки коней Лисиппа над центральной аркой. В четырех других люнеттах сейчас можно видеть посредственные работы XVII и XVIII века, которые представляют печальный контраст с мозаикой Беллини.

¹⁰³ Британский историк и политический мыслитель лорд Актон писал в 1887 году: «Всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно». – *Примеч. ред.*

¹⁰⁴ Сэр Генри Уоттон, посол Якова I в Венеции, позднее заметил, что эта удивительная процедура была изобретена бенедиктинским монахом: «Загадочная процедура придает оригинальность монастырю».

требуемые двадцать пять голосов, он становился дожем. В противном случае из урны вынимали другой листок и так далее.

При такой мучительно сложной системе кажется странным, что вообще кого-то выбрали, но 13 июля 1268 года, всего через шестнадцать дней после смерти предшественника, был избран Лоренцо Тьеполо. Мартино да Канале, не упускавший случая описать закончившиеся выборы, с удовольствием рассказывает о перезвоне колоколов на соборе Сан Марко и толпе народа, собравшейся у храма. Люди окружили нового дожа и «срывали одежду с его спины» – похоже, традиция разрешала это им делать. Таким образом, дожу давали понять, что он «лицо подчиненное и милосердное». Дож босиком подходил к алтарю, давал клятву, и ему вручали знамя Святого Марка. Затем на него надевали новое платье, сажали на поццетто и торжественно проносили вокруг площади. Дож разбрасывал монеты, после чего входил во Дворец дожей и обращался к подданным. Тем временем делегация спешила к его дому – сообщить об этой новости его жене, племяннице императора-регента Латинской империи Иоанне де Бриенна. После они вели ее в новый дом.

«Обходительный, галантный, мудрый, смелый, знатного происхождения», – восхищается Мартино. Имя Лоренцо Тьеполо «стало знаменито во всем мире». Проявив героизм в генуэзской войне – все еще не закончившейся – он некоторое время был подестой Фано и мог похвалиться долгой службой республике. Столь высокая репутация не помешала ему, однако, несколько лет назад ввязаться в драку на площади Сан-Марко и получить ранение. Одним из его решений на посту дожа стало приглашение старших Дандоло и примирение с ними, после чего празднества обрели размах. Сначала венецианский флот проплыл мимо дворца, а за ним украшенные специально для такого случая корабли из Торчелло, Мурано, Бурано и других островов лагуны. Пешком прошли представители гильдий. Рассказ Мартино слишком долг и утомителен, поэтому не буду приводить подробности, однако это – неисчерпаемый источник информации о торговой жизни города того времени. По нему видно, сколь высокого уровня благосостояния достигла Венеция. Парад возглавили кузнецы с гирляндами на головах, затем прошли скорняки в богатых одеждах из ласки и горноста, что явно было не по погоде конца июля. Прошагали портные, все в белом, с пунцовыми звездами. На ходу они пели под аккомпанемент собственного оркестра. Проследовали ткачи и стегальщики, изготовители сандалий и золотой парчи, торговцы шелком и стеклодувы. Из клеток выпустили птиц. Но первый приз за фантазию достался парикмахерам, их вели за собой два всадника в полном рыцарском облачении и четыре «очень странно одетые дамы».

Спешившись перед дожем, они представились: «Сир, мы два странствующих рыцаря. Объехали весь мир в поисках удачи. Пережив немало опасностей и приключений, завоевали четырех прекрасных дам. Если при вашем дворе найдется рыцарь, желающий рискнуть головой и забрать у нас этих странных дам, мы готовы за них сразиться». Но дож ответил, что окажет дамам радушный прием, и, если сами они захотят, чтобы их завоевали, то с Божьей помощью пусть это исполнится. При его дворе им будут оказаны все почести, и ни один мужчина не посмеет им перечить.

Правление Лоренцо Тьеполо началось весьма благоприятно, но дож так и не исполнил своего обещания. С приходом к власти удача, похоже, от него отвернулась. В 1268 году был неурожай, и несколько месяцев спустя в Венеции наступил голод. Из-за недостатка плодородной земли город на протяжении всей своей истории зависел от импорта зерна, и это было главной его слабостью. Теперь же открылась еще одна – зависть соседей. Напрасно обращалась Венеция за поставками в Падую, Треviso и другие города. Напрасно напоминала о помощи, которую оказывала им во время правления Эццелино. Все наотрез отказали. Падую даже прекратила выплату ежегодной ренты, которую выдавала в виде зерна венецианским церквям и

монастырям. Венеция направила корабли в Сицилию и даже в русские княжества, и катастрофу удалось предотвратить. Месть республики была быстрой и жестокой. На все товары, проходившие через Венецию на континент, были наложены огромные пошлины. Под предлогом того, что Адриатическое море составляло часть венецианского наследия, чиновники, назначенные в различные порты, следили, чтобы товары не разгружали на берегу, а отправляли бы к данникам по реке По. Это была глупая мера, поскольку она спровоцировала возмущение на территориях, находившихся далеко за городами, с которыми ссорилась Венеция. Произошла трехлетняя война с Болоньей, что не прибавило популярности Венеции в Северной Италии.

Тьеполо скончался в августе 1273 года. Его положили рядом с отцом в церкви Санти Джованни э Паоло. Популярность его к тому моменту была почти на нулевом уровне. Он просто не способен был понять того, что как бы Венеция ни считала себя особым, привилегированным городом, не имеющим ничего общего с традициями и историей соседей, в их глазах республика ничем от них не отличалась. Возможно, была сильнее и богаче благодаря везению, беспринципному поведению и безграничной самоуверенности, но тем не менее ничуть не лучше их – по крайней мере на суше – и вовсе на такой уж непобедимой. В дни, когда Барбаросса, Генрих VI и Фридрих II совершали периодические нападения на Ломбардию, а войны между гвельфами и гибеллинами были в самом разгаре, у этих городов были другие заботы: им приходилось прокладывать точный курс через штормовые моря имперско-папской политики, а Венеция, защищенная своей лагуной, могла позволить себе обратить внимание на куда более привлекательный Восток. Однако времена менялись. Имперская угроза растаяла, и вместе с ее исчезновением города вздохнули и окрепли. Довольно кровопролития, теперь они хотели получить свою долю богатства, которым так долго наслаждалась Венеция. Им не нравилась самоуверенность, с которой она принимала подарки судьбы как должное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.